

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2021 Том 13 № 2

DOI 10.22363/2312-8127-2021-13-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии
Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Стефанидис И.Д., профессор Университета имени Аристотеля, г. Салоники, Греция
E-mail: ids@law.auth.gr

Ответственный секретарь серии
Базанова Е.А., кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории РУДН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: humanities.worldhistory@rudn.ru

Члены редколлегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор Каирского университета, г. Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, г. Дели, Индия
Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, г. Москва, Российская Федерация

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, г. Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, г. Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ, г. Москва, Российская Федерация

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки eLibrary.ru, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток–Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала
«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 19.03.2021. Выход в свет 22.03.2021. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 11,05. Тираж 500 экз. Заказ № 204. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2021

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2021 VOLUME 13 NUMBER 2

DOI 10.22363/2312-8127-2021-13-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

Sergey A. Voronin

Peoples Friendship University
of Russia, Moscow,
Russian Federation

E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Ioannis Stefanidis

Aristotle University
of Thessaloniki,
Thessaloniki, Greece

E-mail: ids@law.auth.gr

Executive Secretary

Elena A. Bazanova

Peoples Friendship University
of Russia, Moscow,
Russian Federation

E-mail:

humanities.worldhistory@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy A. Larin, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСТОК–ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Дробышев Ю.И. Цели монгольских захватчиков согласно европейским источникам середины XIII в. Часть 1 123

Шустова А.М. Вклад Ю.Н. Рериха в историю российских экспедиций в Центральную Азию 157

Корноухова Г.Г., Царева Ю.О. Персидская торговля на Нижегородской ярмарке во второй половине XIX – начале XX в. и проблема транспортировки товаров 167

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ

Макеева С.Б. Причины, эволюция и последствия неравномерного регионального развития КНР в современный период истории: обзор подходов и практик в китайской науке 177

Ефименко М.В. История раскопок памятника Чжанцзяпо (1955–1992 гг.) 189

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Аксенова А.А. Формирование египетской коллекции Национального музея Республики Татарстан: вклад в развитие отечественной египтологии 211

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Комаров А.Н. Внутренняя и внешняя политика канадских либералов во главе с Дж. Трюдо в 2015–2020 гг.: достижения и противоречия 230

Babintseva E.A., Ponomarenko L.V. Environmental cooperation between Russia and Germany in the field of energy policy in the XX–XXI centuries (Сотрудничество России и Германии в сфере энергетической политики в XX–XXI вв.) 238

CONTENTS

EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

- Drobyshev Yu.I.** The goals of the Mongol invaders according to European sources of the middle of the XIII century. Part 1 123
- Shustova A.M.** G. Roerich's contribution to history of Russian expeditions in Central Asia 157
- Kornoukhova G.G., Tsareva Yu.O.** Persian trade at the Nizhny Novgorod fair in the second half of the 19th – early 20th century and the problem of goods transporting 167

STUDIES ON CHINESE HISTORY

- Makeeva S.B.** Causes, evolution and consequences of uneven regional development in the PRC in the modern period of history: an overview of approaches and practices in Chinese science 177
- Efimenko M.V.** Zhangjipo site excavations' history (1955–1992) 189

HISTORY OF CULTURE

- Aksenova A.A.** Formation of the Egyptian collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan: contribution to the development of Russian Egyptology 211

CONTEMPORARY WORLD

- Komarov A.N.** The domestic and foreign policy of the Canadian Liberals unde Justin Trudeau in 2015–2020: achievements and challenges 230
- Babintseva E.A., Ponomarenko L.V.** Cooperation between Russia and Germany in the field of energy policy in the XX–XXI centuries 238

ВОСТОК–ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-123-156

Научная статья / Research article

Цели монгольских захватчиков согласно европейским источникам середины XIII в. Часть 1

Ю.И. Дробышев

Институт востоковедения РАН,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, д. 12
altanus@mail.ru

Аннотация. Середина XIII века – апогей могущества единой Монгольской империи. В 1241–1242 гг. происходит первое, самое кровавое и разрушительное вторжение монголов в Европу. Разумеется, для европейцев жизненно важным было найти ответ на вопрос: чего хотели захватчики, какие цели они преследовали? В данной статье автор показывает, что, ввиду обилия противоречивой информации и острой нехватки на первых порах объективного понимания нового врага, европейские политические и церковные деятели приписывали монголам множество целей (не менее восемнадцати!), из которых полностью подтвердились лишь три – нападение на Русь, Польшу и Венгрию, а остальные либо не были по каким-либо причинам реализованы, либо возникли в умах самих европейцев. Все эти «цели», выявленные в различных официальных и неофициальных европейских источниках, преимущественно датируемых серединой XIII в., обсуждаются с учетом информации синхронных восточных источников. Несмотря на широко известные идеи «мироустроительной монархии», возможно, на самом деле вынашивавшиеся монгольскими ханами, события в Европе позволяют предполагать, что их главной целью там было наказание венгерского короля Бела IV, отказавшегося выдать монголам скрывавшихся в Венгрии половцев.

Ключевые слова: европейские источники, XIII век, Монгольская империя, цели монголов

История статьи: Поступила в редакцию: 26.11.2020. Принята к публикации: 05.02.2021.

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Цели монгольских захватчиков согласно европейским источникам середины XIII в. Часть 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 2. С. 123–156. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-123-156

© Дробышев Ю.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The goals of the Mongol invaders according to European sources of the middle of the XIII century Part 1

Yu.I. Drobyshev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031
altanus@mail.ru

Abstract. The middle of the XIII century – the apogee of power of the unified Mongol Empire. In 1241–1242, the first, bloodiest and most destructive Mongol invasion into Europe took place. Certainly, it was vital for the Europeans to find an answer to the question: what did the invaders want, what goals did they pursue? In this article, the author shows that, due to the abundance of contradictory information and the acute lack of an objective understanding of the new enemy at first, European political and ecclesiastical figures attributed many goals to the Mongols (at least eighteen!), of which only three were fully confirmed – an attack on Russia, Poland, and Hungary, and the rest were either not realized for some reason, or arose in minds of the Europeans themselves. All these “goals”, identified in various official and unofficial European sources, mainly dating from the middle of the XIII century, are discussed here taking into account information from synchronous Eastern sources. Despite well-known ideas of a “world-building monarchy”, perhaps actually hatched by the Mongol khans, events in Europe suggest that their main goal there was to punish the Hungarian king Bela IV, who refused to hand over the Polovtsians hiding in Hungary to the Mongols.

Keywords: European sources, XIII century, Mongol Empire, Mongol goals

Article history: Received: 26.11.2020. Accepted: 05.02.2021.

For citation: Drobyshev Yu.I. The goals of the Mongol invaders according to European sources of the middle of the XIII century. Part 1. *RUDN Journal of World History*. 2021; Vol. 13(2):123–156. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-123-156

Введение

Исторические произведения эпохи монгольских завоеваний пестрят заявлениями о планах монголов по завоеванию всего мира¹. Казалось бы, подобные суждения вполне справедливы. Тщательный анализ сведений о монголах, сохранившихся в широком спектре средневековых источников, написанных на разных языках, позволил ученым установить как достоверный факт, что датой возникновения «монгольского империализма» следует считать 1235 г., когда на большом собрании монгольской знати под верховенством хагана Угэдэя (1229–1241) было принято решение о покорении всей земли. Однако не менее хорошо известно, что монгольская военная машина пришла в движение за три

---

¹ По нашему мнению, следующее замечание Т. Оллсена, сделанное еще в 1983 г., поныне не утратило своей актуальности (что в том числе подтверждается и опубликованием русского перевода его статьи четверть века спустя): «Монгольские завоевания часто анализируются исключительно с точки зрения их влияния на покоренные народы; при этом явно недостаточное внимание уделяется принципиально важному вопросу о мотивах и целях действий монголов» [1. С. 351].

десятилетия до этого – в 1205 г., с первым походом во внешний для кочевников мир – на тангутское государство Си Ся (1032–1227). Еще при жизни Чингис-хана (1162?–1227) были пройдены огнем и мечом огромные территории от Северного Китая до Крыма, хотя на первых порах не все эти земли остались под прочной монгольской властью. Симптоматично, что кочевники не пошли военным маршем на юг Китая или, тем более, к берегам Северного Ледовитого океана. Вместо этого они отправились по проторенным задолго до них хунну и тюрками степным дорогам на запад за тысячи километров от своей родины – туда, где на трассах древнего Шелкового пути их ожидала богатая добыча, а привычная природная среда облегчала продвижение. В те же годы католическая Европа активизировала прозелитическую деятельность на восточном направлении, охватывая остававшиеся языческими народы Балтики и нацеливаясь на православную Русь, а также смогла организовать Пятый крестовый поход (1217–1221), ввиду чего конфликт двух цивилизаций становился неизбежным.

Интерес европейцев к незнакомому восточному народу, который, по слухам, шел из глубин Азии на помощь освободителям Гроба Господня под водительством пресвитера Иоанна, сына царя Индии Давида, вспыхнул в 1221 г., но в наши задачи не входит обсуждение этого раннего, изобилующего ошибочными интерпретациями этапа. В 1223 г. папа римский Гонорий III (1216–1227) получил письма о первом столкновении грузин с монголами от грузинской царицы Русудан (1223–1245) и *амирспасалара* (главнокомандующего грузинским войском) Иванэ Закарьяна (Мхаргрдзели) (?–1227). Информация о побоище на Калке в 1223 г. и его непосредственных последствиях тоже попала в Европу, хотя, похоже, какой-либо связи между событиями в южно-русских степях и на Ближнем Востоке там еще не видели. Первые достоверные сведения о монголах принес венгерский доминиканец брат Юлиан по итогам своих путешествий в 1234–1235 и 1237 гг.; в 1237–1238 гг. уже фиксируются монгольские ультиматумы европейским правителям², а в начале 1241 г. монгольская конница вторгается в Польшу и Венгрию, после чего информация о монголах нарастает лавинообразно и находит отражение в большом числе различных источников: официальной и частной корреспонденции, исторических сочинениях, папских буллах, королевских хартиях, отчетах дипломатических и религиозных миссий, научных трактатах. Полагаем, что введенных к настоящему времени в широкий научный оборот средневековых европейских источников вполне достаточно для репрезентативной выборки, адекватно отражающей настроения европейского общества, оказавшегося перед лицом монгольской угрозы, а также предоставляющей обильный материал о намерениях монголов в отношении Европы. В центре нашего внимания – начальный, наиболее драматичный период монголо-европейского взаимодействия, пришедшийся на время максимального могущества единой

² По крайней мере, известно о письмах с требованием подчиниться венгерскому королю Беле IV (1235–1270) и императору Священной Римской империи Фридриху II Гогенштауфену (1220–1250), авторство которых дискуссионно, хотя чаще исследователи относят их на счет внука Чингис-хана Бату (1227–1255).

Монгольской империи. Вместе с тем замысел работы потребовал обращения к некоторым более поздним сочинениям.

Непосредственным и по-видимому самым точным источником сведений о целях монголов были официальные послания их правителей монархам Европы и папе римскому. Монгольские хаганы требовали безоговорочного подчинения и подкрепляли свое требование ссылками на волю Вечного Неба, давшего всю землю монголам во владение. В зависимости от адресата степное понятие о верховной сущности облекалось в различные формы, привычные ожидавшим нападения народам; в случае европейцев это был, конечно, Господь Бог (*Deus*). В обмен на немедленную покорность монголы обещали подарить народам мир и благоденствие. Казалось бы, этой информации должно быть достаточно для весомых выводов. Однако считать на этом основании вопрос решенным преждевременно. Как минимум, глобальная цель подчинения «всей вселенной» включала целый спектр конкретных задач, часть которых к тому же существовала только в воображении самих европейцев, но запечатлелась в их сочинениях. Кроме того, представления о пределах ойкумены вовсе не должны были совпадать (и далеко не совпадали!) у центрально-азиатских номадов и европейских схоластов.

Информация о замыслах завоевателей чрезвычайно разнопланова. Она исходила и от них самих и от других народов, оказавшихся на их пути, соответственно чему в источниках можно найти как ссылки на слова самих монголов относительно их целей, так и в большей или меньшей мере обоснованные мнения различных лиц о планах монголов. Даже при беглом взгляде на эти свидетельства становится очевидным различие в масштабах: когда европейцы ссылаются на монголов, речь идет о покорении всего мира, а когда они излагают собственные суждения о планах номадов, цель чаще всего суживается до пределов Европы, да и то, вероятно, не всей. Кроме того, встречаются высказывания, четко привязанные к событиям 1241–1242 гг., и есть информация о предыстории монгольского вторжения на Запад.

Учитывая напряженную обстановку в самой Европе, во многом связанную с конфронтацией Рима и Фридриха II, одним из следствий чего явились упорные слухи о тайных переговорах последнего с монголами³, следует учитывать, кто высказывал мнения о целях монголов, и какие цели при этом преследовал сам рассказчик. Фридрих II мог использовать (и, действительно, использовал) сложившуюся ситуацию для обвинения папы римского в бездействии и нежелании прийти на выручку христианским братьям в Венгрии, и тем самым привлечь сторонников в антипапскую коалицию. Бела IV, скорее всего, стремился запугать монгольским вторжением папу римского и европейских монархов, чтобы получить от них военную помощь. Менее заметные политические фигуры делились опасениями, предупреждали о грозящих

---

³ На этом основании могло сложиться ошибочное мнение об отсутствии у монголов собственных интересов в Европе и, соответственно, о каком-либо целеполагании на Западе. Аргументацию в пользу версии о тайных сношениях Фридриха II с монголами см. в: [2. С. 68–94, 3. С. 21–50].

бедствиях и пытались найти объяснение, в том числе теологическое, появлению нового врага.

В данной статье мы не планируем дать исчерпывающий ответ на вопрос, чего же хотели монголы достичь «на самом деле», хотя и не можем обойти его полным молчанием. Обзор современных мнений о монгольских замыслах также не входит в наши задачи. Свою основную задачу мы видим в том, чтобы продемонстрировать разнообразие целей, которые были приписаны монголам европейцами в середине XIII в., что должно не только поспособствовать уточнению монгольской стратегии той эпохи, но и пролить дополнительный свет на особенности восприятия жителями Запада этого нового врага.

Рождение идеи мирового господства

Европейские источники редко сообщают о времени, когда мысль о подчинении всего мира якобы овладела монголами. Тем не менее, из них можно извлечь сведения, по меньшей мере, о трех таких моментах: 1) после выхода монголов из-за неких гор, 2) после их победы над Ван-ханом (Он-ханом, Тогорилом), якобы царствовавшим в Индии, 3) после их громких побед в Хорасане (1222 г.).

1) Идея о некоем крайне стесненном положении, в котором когда-то давно находились монголы, приобретала в западных и восточных источниках разные формы: от подчинения другим народам до пребывания в замкнутом горами пространстве. Так, одна из историй восхождения Чингис-хана к вершинам власти, не называя Ван-хана или царя Давида, сообщает о длительном подчинении монголов соседним народам, пока, наконец, простой кузнец Чингис не сплотил вокруг себя людей и не сбросил это иго. По словам доминиканского миссионера и путешественника Рикколько да Монтекроче (ок. 1243–1320), монголы были заблокированы среди гор и с большими усилиями выбрались на простор, где их немедленно посетило желание мирового господства: «Выйдя же из гор, тартары сразу же стали советоваться о том, каким образом они могли бы подчинить себе весь мир. И сказал великий хан по имени Чингиз-хан: „Вам не достает только двух вещей, а именно, повиновения правителю и согласия между собой“» [4. С. 153]. В этой истории можно видеть монгольскую легенду о выходе предков монголов из горной теснины Эргунэ-Кун, подробно изложенную государственным деятелем и историком при дворе ильханов Рашид ад-Дином (1247–1318) [5. С. 153–155], но европейцам это сообщение напоминало о «нечистых народах», запертых Александром Македонским за Железными воротами и вырвавшихся оттуда в преддверии конца света.

2) Второй момент может быть интерпретирован как завершение объединения кочевников под властью Тэмучжина, вскоре после этого на курултае 1206 г. провозглашенного Чингис-ханом. Когда Тэмучжин возглавил значительное число кочевых родов и племен, у него оставался серьезный противник – его собственный названный отец Ван-хан, имевший в степях большой

вес. Сначала Ван-хан поддерживал Тэмучжина, но затем, поддавшись на вполне обоснованные уговоры своего родного сына Сангума, решил погубить его. Ликвидация Ван-хана осенью 1203 г. позволила Тэмучжину уже в следующем году сравнительно легко разбить последних врагов на территории нынешней Монголии – найманов. История вражды Ван-хана и Тэмучжина обрела в Европе большую известность, хотя передавалась в сильно искаженном виде. Наиболее полную версию изложил знаменитый венецианский путешественник Марко Поло (1254–1324), заключивший, что, одержав над Ван-ханом победу, «с того дня пошел Чингис-хан покорять свет» [6. С. 235]. Можно думать, что для многих образованных европейцев, размышлявших о причинах монгольского нашествия, взаимоотношения этих лидеров кочевого мира представлялись ключевым событием во всей дальнейшей истории монголов, приведшим их под стены европейских городов. Есть веские основания полагать, что личность Ван-хана привлекла повышенное внимание благодаря слиянию образов реального кереитского хана и ожидавшегося крестоносцами легендарного царя-священника Иоанна, чему, очевидно, поспособствовало звучие их имен⁴.

История непростых взаимоотношений Тэмучжина и Ван-хана была известна также мусульманским историкам. Так, арабский историк и географ Таки ад-Дин Ахмад ибн Али Макризи (1364–1442) сообщает: «Когда Чингиз-хан, основатель могущества татар в странах востока, победил государя Ван-хана и получил верховную власть, он установил некоторые основные правила и некоторые наказания и все передал письменно в книге, которой он дал наименование Ясы...» (цит. по: [8. С. 10]). Таким образом, и здесь на пути Чингиса к власти оказывается его названный отец.

Порой место Ван-хана занимал «царь Давид», мифический владыка Индии, под которой тогда понимали Азию. Как правило, Чингис-хан изображался вассалом и даже чуть ли не холопом Ван-хана или Давида, в конце концов восставшим против своего господина, успешное свержение которого якобы придало ему уверенности в своих силах и позволило ставить перед собой новые, еще более грандиозные цели, вплоть до завоевания всего мира. По словам доминиканского энциклопедиста Винсента из Бове (1190–1264), «после того, как царь Давид, как уже сказано выше, вместе со всеми его [приблизженными] был убит тартарами, Чингис-хан и другие тартары, торжествуя сверх меры от своих злодеяний, возбудились таким чрезмерным безумием, что, подстрекаемые в душе дьяволом, решили постепенно подчинить своей власти, так же, как и землю своего господина, весь мир. Таким образом, воодушевленные достижением победы над Индией, Давидом и его народом, ибо на то была воля Бога, они умножили свои грехи» (цит. по: [9. С. 46]).

Первым государством, оказавшимся у монголов на пути после побед в Восточной Азии, был Хорезм. Винсет из Бове продолжает: «Итак, после победы над индийцами, о чем было сказано выше, гордо подняв голову и

⁴ Строго говоря, Ван-хан – не имя, а титул, пожалованный вождю кереитов Тоорилу чжурчжэньским двором за помощь в операции по разгрому татар в 1202 г. [7. § 134].

предполагая подчинить себе весь мир, они направили первых послов к хорезмийцам, поскольку те были их соседями, надменно принуждая их подчиниться Чингис-кану и его войску, а также смиренно сдаться ему в вечное рабство и выплачивать дань. Хорезмийцы столь сильно возмутились предъявленным к ним требованиям, что убили всех названных послов» (цит. по: [9. С. 47]). Известно, что первое посольство монголов к хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду (1200–1220) было отправлено в 1215 г. с мирными предложениями. Второе явилось в Хорезм три года спустя и доставило письмо, в котором Чингисхан называл хорезмшаха сыном, что можно было расценить как брошенный вызов. Каких «индийцев» успел покорить к этому времени Чингисхан? Только найманов под предводительством Кучлука, захватившего власть в государстве кара-киданей. До конца не ясно, планировал ли монгольский хан вступать в конфликт с хорезмшахом и тем более завоевывать все пространства, открывавшиеся перед ним на западе. Если верить некоторым промонгольским источникам, Ала ад-Дин сам спровоцировал его на конфликт.

Практически о том же говорится в труде польского францисканца Ц. де Бридиа, представляющего собой обработку сообщения Бенедикта Поляка – спутника папского легата ПIANO Карпини (ок. 1182–1252): «Итак, когда Чингис стал именоваться каном и год отдыхал без войн, он в это время распределил три войска [идти воевать] в три части света, чтобы они покорили всех людей, которые живут на земле» [10. С. 104]. Интересные подробности добавляет Жан де Жуанвиль (ок. 1224–1317), участник Седьмого крестового похода (1248–1254) и приближенный короля Людовика IX Святого (1226–1270), жизни которого он посвятил свое сочинение. После того, как пресвитер Иоанн был повержен, князь одного из подчинившихся Чингису народов исчез на три месяца, пролетевшие для него как один вечер. Вернувшись, он рассказал, что поднимался на очень высокую гору, где лицезрел самого Владыку неба и земли, восседавшего на золотом троне в окружении пышной свиты. Владыка открыл князю, что это он даровал Чингису победу над Иоанном, и просил передать, что теперь дарит ему «могущество, дабы подчинить всю землю» [11. С. 114–115].

Анналы Уэйверлейского монастыря сохранили послание «о татарах» не названного по имени венгерского епископа парижскому епископу, вероятно Гильому III Овернскому, написанное предположительно в 1239 г. Оно не только раскрывает монгольские замыслы, полученные от захваченных лазутчиков, но и позволяет достаточно точно датировать их возникновение: «Я спросил о вере их; и дабы быть кратким, скажу, что они ни во что не верят; однако же буквы у них иудейские, и начали они их учить, когда отправились на завоевание мира. Ибо они думают завоевать весь мир» [12. С. 174] (ср.: [12. С. 153; 13. С. 408]). Считается, что монголы заимствовали письменность у уйгуров после того, как, разгромив в 1204 г. найманов, они захватили хранителя ханской печати – по существу, государственного секретаря Тататунгу. Осведомившись о назначении печати и оценив пользу грамотности, Чингисхан приказал обучить уйгурскому письму своих внуков. Вскоре после этого монголы начали серию атак на соседние государства: сначала на тангутское

Си Ся (1205, 1207, 1209 гг.), потом на чжурчжэньское Цзинь (с 1211 г.), хотя первое время это были не захватнические войны, а грабительские и карательные рейды. Таким образом, сведения епископа оказываются в этой части верными. Датировку фактически подтверждает Винсент из Бове, который связывает начало монгольской экспансии с гибелью Ван-хана, считавшегося многими средневековыми западными историками сюзереном монголов: «В 1202 году от Рождества Христова, как сообщают некоторые, татары, убив своего господина, вышли для опустошения народов» [14. С. 84].

3) Наконец, третья версия, изложенная в «Письме об образе жизни тартар» венгерским монахом-доминиканцем Юлианом, ходившим в 1237 г. на восток до Рязанского княжества, выглядит наиболее правдоподобной: «Тогда Гургутам, вышеназванный предводитель татар, почти повсюду полагавшийся на славные победы, выступил со всеми своими силами против персов (хорезмийцев – *Ю.Д.*) по причине некоторых войн, которые ранее велись между ними. Где он одержал почетнейшую победу и полностью подчинил себе царство персов. Ободренный этим и считая себя самым сильным на земле, он стал выступать против царств с целью подчинить себе весь мир» [13. С. 385]. По мнению Р. Хауталы, «Чингизхан уверился в непобедимости своей армии и стал претендовать на мировое владычество по окончании успешной военной кампании в Хорасане в 1222 году» [13. С. 393]. Эту точку зрения разделяет М. Биран, А.В. Майоров и ряд других исследователей [15. Р. 62–63; 16]. Действительно, сокрушительное поражение Ала ад-Дина Мухаммада вполне могло воодушевить Чингис-хана и заставить его поверить в возможность захвата всей ойкумены, но прямых доказательств этого нет. П. Джексон высказал весьма интересную мысль, что переход от военных кампаний против враждебных монголам кочевых народов к вторжениям в оседлые государства ускорился благодаря тому, что номады находили в этих странах убежище от монголов. Так было в результате бегства Кучлука в империю кара-киданей, а кыпчаков – на Русь и позже в Венгрию [17. Р. 46–47].

В довольно смутном рассказе о победах Чингис-хана над соседними царствами церковный иерарх и хронист Фома Сплитский (ок. 1200–1268) проводит эту же идею: «Видя, что судьба приносит ему удачу во всех войнах, он стал крайне чванливым и высокомерным. И, полагая, что в целом свете нет народа или страны, которые могли бы противиться его власти, он задумал получить от всех народов трофеи славы. Он желал доказать всему миру великую силу своей власти, доверяясь бесовским пророчествам, к которым он имел обыкновение обращаться. И потому, призвав двух своих сыновей, Бата и Кайдана, он предоставил им лучшую часть своего войска, наказав им выступить для завоевания провинций всего мира. И, таким образом, они выступили и почти за тридцать лет прошли по всем восточным и северным странам, пока не дошли до земли рутенов и не спустились, наконец, к Венгрии» [18. С. 113–114].

Итак, европейские источники не передают какую-то единую точку зрения на время и обстоятельства, при которых монголы начали помышлять о подчинении всего человечества, хотя, скорее всего, как показано выше, и дата, и исторический контекст реконструируются довольно уверенно с

привлечением восточных источников. Вполне очевидно, что монгольские хаганы в посланиях к европейским монархам не раскрывали всех деталей и говорили лишь о том, что Бог дал им власть над всеми землями и народами. Во всяком случае, так можно заключить, основываясь на дошедших до наших дней хаганских письмах и их пересказах. Столь же очевидно, что ко времени вторжения в Европу и даже раньше – в ходе покорения русских княжеств монголы уже имели доктрину всемирного правления, но насколько последовательно они ее воплощали – это уже другой, весьма спорный вопрос.

Цели монголов

Вплоть до недавнего времени среди историков доминировало представление о намерении монголов в начале 1240-х гг. поставить на колени всю Европу⁵, но ряд причин воспрепятствовал этому (смерть хагана Угэдэя 11 декабря 1241 г., конфликт Бату с Гуюком и Бури, невозможность обеспечить кормом огромное количество своих лошадей, измотанность в предыдущих боях, сопротивление народов Поволжья и героическая борьба русского народа, трудности в захвате хорошо укрепленных европейских городов и замков, экономическая нецелесообразность: добыча не окупалась затратами, неподходящий климат и т.д.)⁶. Возможно, каждый из перечисленных факторов внес свой вклад в отступление монголов из Европы, однако не исключено, что внук Чингис-хана Бату, на которого было возложено общее руководство военными действиями на Западе, отнюдь не испытывал желания опустошать европейские страны ценой гибели своих людей и, как прирожденный кочевник, был удовлетворен оставшимися у него в тылу благодатными степями⁷. Смерть Угэдэя всего лишь послужила благовидным предлогом отвести войска⁸.

⁵ Следует напомнить, что вторжение 1241–1242 гг. было далеко не единственным. Монголы Улуса Джучи нападали на польские земли в 1259–1260 и 1286–1287 гг., на венгерские – в 1285–1286 гг.; много было и менее значительных рейдов, продолжавшихся вплоть до «великой зямтани» в Улусе Джучи, которая началась со смертью хана Бердибека (1357–1359). Данные коллизии обстоятельно рассмотрены в работе: [19. С. 272–313; 20. С. 485–528].

⁶ Анализ причин монгольского отступления может косвенно указать на ставившиеся цели, но это отдельное, очень широкое поле деятельности, которое разрабатывается многими специалистами и здесь нами не затрагивается. Обзор мнений см. в: [21. Р. 3–26; 22. Р. 9–45].

⁷ Согласно персидскому историку Джузджани (ок. 1193 – после 1263), еще отец Бату Джучи (1182–1227) высоко оценил кыпчакские степи: «Когда Туши, старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [23. С. 14].

⁸ Р.Ю. Почекаев приводит аргументы в пользу того, что планов по вторжению в Германию, Италию и другие страны Западной Европы у монголов не было, поход на Запад самому Бату был не нужен, и он был вынужден отправиться туда, выполняя приказ великого хана Угэдэя [24. С. 136, 150, 152]; ср.: [17. Р. 73]. Действительно, в «списке покоренных народов», две редакции которого содержатся в «Сокровенном сказании монголов» [7. §§ 262, 270], и которые автор привлекает в доказательство своей гипотезы, европейские государства не фигурируют. Однако их отсутствие может объясняться тем, что, как показал Р.П. Храпачевский, в основе списка лежит донесение Субэдэя Чингис-хану по результатам похода Чжэбэ и Субэдэя в 1221–1224 гг., не затронувшего собственно Европу [25. С. 101].

Чего же на самом деле хотели монголы, штурмовавшие Европу? Возможно, историки смогут лишь более или менее близко подходить к этому вопросу, не имеющему однозначного решения. Ограничение поисков только свидетельствами средневековых европейских авторов, конечно, недостаточно для формулировки предположений, претендующих на истину, но их анализ и систематизация должны помочь в дальнейших исследованиях.

В западных источниках мы видим довольно много (как минимум восемнадцать) мнений относительно целей монголов: подчинить «весь мир», Европу, Азию; напасть на Русь, Венгрию, Польшу, Германию, Чехию, Францию, Иерусалимское королевство, Сирию, Египет; подчинить/уничтожить римскую церковь; исправить христианство; уничтожить христианство, клириков и монахов, всех людей; подчинить/уничтожить непокорные Богу народы. Иногда тот или иной автор объединяет две и более целей. Они вполне четко соотносятся со шкалой ценностей средневековых жителей Европы, для которых понятия «весь мир», «Европа» («Запад») и «христианство» («Рим») были по сути равнозначны. Достаточно часто современники говорили о планах монголов по нападению на ту или иную страну, однако, строго говоря, нападение – не цель, а средство к достижению различных целей: аннексии, подчинения, грабежа, устрашения, ослабления. Очевидно, что эти конкретные цели в подавляющем большинстве были скрыты от европейских наблюдателей, а разведывательные миссии далеко не всегда могли обеспечить точной информацией. Итак, рассмотрим, что говорят о целях и намерениях монголов источники, охват которых в настоящей статье отнюдь не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающим.

Подчинение «всего мира». Желание подчинить себе «весь мир» вменяется монголам наиболее часто, и это, по-видимому, стоит ближе всего к тому, что было провозглашено на великом курултае монгольской знати в 1235 г. Однако проблема «всего мира» не столь проста: как отмечалось выше, его пределы по-разному оценивались как самими захватчиками, так и теми народами, которые фиксировали эту цель. Для кочевников источником информации об окружающем мире были эмпирические знания, добывавшиеся из расспросов послов, купцов и пленников, и данных чрезвычайно развитой разведки, что позволяло им планировать и осуществлять дальние походы с очень точной координацией действий отдельных армейских корпусов. Географические представления европейцев об удаленных странах в начальный период монгольских завоеваний во многом базировались на библейских текстах и сочинениях античных мыслителей, но дипломатические и религиозные миссии уже в середине XIII в. привнесли в них серьезные уточнения и усилили рациональность [26. С. 70–77, 230 и сл.].

Для европейской литературы характерны ссылки на слова самих монголов, добытые из разных источников: писем монгольских хаганов, реляций дипломатических миссий, рассказов пленников, а чаще без какой-либо спецификации. В других случаях авторы излагают свои собственные опасения или мнения кого-то из авторитетных сограждан. Выраженная эмоциональность

этих суждений позволяет относиться к ним более критически, но игнорировать их, пожалуй, было бы неправильно.

Некоторые источники передают информацию о приказе Чингис-хана покорить всю землю, но они в явном меньшинстве, причем звание великого хана не было широко известно в Европе и к тому же оно сильно искажалось, принимая форму «Гургутам», «Цингитон», «Чиркам» и т.п. Плано Карпини говорит об этом трижды: «Другое постановление – такое, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет им оказано подчинения» [27. С. 48]⁹; «Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингис-кана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы» [27. С. 58]; «Замысел Татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингис-кана» [27. С. 62]. Винсент из Бове, почерпнувший информацию о монголах из сочинений Плано Карпини и Симона де Сент-Квентина [28. Р. 287–307], два раза говорит о требовании монгольского владыки не заключать мирных соглашений ни с кем без их предварительного изъявления покорности: «Имеют еще и другое установление, о том, что они должны подчинить себе всю землю и не заключать мира ни с каким народом, если прежде им не подчинятся» [14. С. 89]; «Также они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчиняются, ибо имеют давние предписания Чингис-хана об этом» [14. С. 102]. К этим сообщениям можно добавить сведения брата Юлиана и Фомы Сплитского.

Основной же корпус европейских источников воспроизводит идею о планах монголов по завоеванию мира обезличенно, как если бы в этих людях, словно в вырвавшихся из Преисподней демонах, уже была заложена жажда подчинения своей власти либо поголовного истребления всех и вся. Высказывания авторов довольно однотипны и не всегда аргументированы (например, «их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле» [27. С. 58]¹⁰, поэтому ниже мы рассмотрим только информативные суждения.

Источники демонстрируют незыблемую убежденность монголов в достижении этой цели. Заслуживает внимания замечание клирика Ивона Нарбоннского, на наш взгляд, вполне справедливое, что идея мирового господства овладела всей совокупностью захватчиков, а не только их вождями: «Они все, как один человек, настойчиво стремятся и жаждут подчинить весь мир своему господству» [12. С. 150]. Это подтверждает гипотезу, согласно которой понятие «монгол» в XIII в. было не этнонимом, а политонимом и, возможно, даже идеологемой, и обозначало носителя нового мирового порядка, учрежденного верховным монгольским божеством – Вечным Синим Небом. «Монголом» можно было не только родиться, но и стать [32. С. 48–84; 32. С. 28–31]. Для европейцев, как и для жителей других частей света,

⁹ Эта мысль дублируется в произведении Ц. де Бридиа [10. С. 117].

¹⁰ Ср.: [29. С. 4; 12. С. 149; 13. С. 148, 174, 404]. Король Бела IV писал папе римскому Григорию IX в мае 1241 г.: «Своим усердием вы сможете предотвратить гибель всего мира» [30. С. 124].

подвергшихся нападению этих людей, все они обезличенно именовались татарами (тартарами), монголами или монголо-татарами, тогда как среди захватчиков было много представителей самых разных народов, как кочевых, так и оседлых, в том числе и уже покорившихся им, поэтому в ходе военных кампаний монгольское войско не таяло из-за неизбежных потерь, а возрастало в числе. Некоторые шли в бой против своей воли и практически не имели шансов выжить, но для других участие в битвах открывало возможность грабежа или сведения счетов (например, в 1258 г. армяне и грузины довольно охотно шли вместе с монголами штурмовать Багдад).

Иногда захватнические планы вуалировались высокими идеями. Отдельного обсуждения заслуживает мысль о том, что монголы являлись исполнителями Божьей воли, обязанными мечом¹¹ очистить лик земли от грешных народов, как некогда он был очищен всемирным потопом: «А намерены они подчинить себе весь мир, и было им божественное откровение, что должны они разорить весь мир за тридцать девять лет. И утверждают они, что [как] некогда божественная кара потопом очистила мир, так и теперь всеобщим избиением людей, которое они произведут, мир будет очищен» [12. С. 152]¹². Предельно ясно она также выражена в письме, приписываемом арабскому философу, математику и астроному аль-Кинди (ум. 873), но принадлежащему, судя по всему, Теодору из Антиохии – личному астрологу императора Фридриха II Гогенштауфена, о грядущем нашествии «тартар Гога и Магога»: «Бог, видя, как все люди подвержены только низким желаниям, как каждый из них заботится только о своем, а не о Божьем, и что зловоние грехов достигло небес, задумал очистить землю, словно рыночную площадь» [13. С. 174]. Великий хан Гуюк (1246–1248) в своем письме папе римскому Иннокентию IV (1243–1254) прямо утверждает, что сам Бог приказал монголам разорить поляков, моравов и венгров за их непослушание [33. Р. 184–187]. Наблюдаемое совпадение отнюдь не случайно.

Из многочисленных сообщений XIII в. хорошо известно, что христианские народы расценивали монголов как кару Господню, а те весьма охотно брали эту мысль на вооружение и продолжали убеждать в ней своих противников, чтобы морально подавить их и придать своему нашествию благородный эсхатологический характер. Ее формулировка выдает христианское происхождение, а возникнуть она могла независимо и среди монголов, и среди оседлых народов, поскольку христиане были в обоих враждующих лагерях. Очевидно, было бы напрасным пытаться обнаружить подобные аллюзии в монгольских ультиматумах властям Южной Сун или Японии. Однако нельзя исключать вероятность возникновения подобных идей в самой Европе. Казалось бы, кому они могли быть выгодными? Вероятно, в первую очередь церкви, получавшей благодаря монгольской угрозе новый

¹¹ Стоит обратить внимание, что европейцы «наделяли» кочевников своим важнейшим оружием – мечом, тогда как на самом деле номады использовали в битвах преимущественно лук и стрелы, кривые сабли, реже – пики.

¹² См. также отчет о расспросе русского архиепископа Петра на Лионском соборе в 1245 г. [12. С. 182].

рычаг воздействия на свою паству, поскольку своевременное покаяние и исправление нравов должно было, надо думать, отвести дикие орды от вернувшихся Божью милость народов.

Можно по праву расценивать эти слова как оружие информационной войны, но возможно и иное их прочтение. Монгольская имперская идеология, реконструированная усилиями многих исследователей, представляла собой довольно простую, внутренне непротиворечивую систему взглядов, суть которой сводилась к следующему. Высшее божество – Вечное Синее Небо (Тэнгри) – избирает достойного человека, облакает его всей полнотой власти и делает его проводником своей силы (монг. *хуч*), посредством которой он устраивает народы и вносит гармонию в природную среду. Собственно, его военные и дипломатические успехи, повсюду сопутствующая ему удача выдают в нем обладателя такой силы. Как есть одна земля и одно Небо, так и правитель под Небом может быть только один¹³. Расширение его власти (в данном случае монгольского хагана, т.е. хана ханов) подразумевает расширение гармонизированного пространства, в котором царит воля Неба, проявляющая себя во всеобщем процветании, мире, здоровье, чадородии и т.п. Напротив, за пределами этого пространства, на землях, находящихся под властью независимых государей, правят силы хаоса. Ввиду изложенного нежелание подчиниться власти хагана означает неподчинение небесной воле – иными словами, проблема переводится из политической плоскости в квазирелигиозную.

Монголы могли вполне искренне верить в свое высокое предназначение исполнителей и блюстителей воли Вечного Неба и смотреть на своих врагов примерно так же, как святая инквизиция смотрела на еретиков [34. Р. 103]. В этом свете становится понятен смысл послания хагана Мункэ (1251–1259) Людовика IX: «Когда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать» [35. С. 176]. Однако оставалось одно «но»: чтобы достичь если и не обещанного хаганом процветания, то хотя бы сносного существования, было необходимо покориться ему добровольно, по первому требованию, а лучше даже без такового; народы, подчиненные силой оружия, оказывались в самом жестоком рабстве и несправии. Разумеется, небесные идеалы несколько не мешали монголам стремиться к максимально возможному обогащению за счет грабежа и мародерства.

Осознание себя в качестве небоизбранного, практически непобедимого народа, вероятнее всего, укрепляло веру в возможность (и необходимость) покорения всех стран и народов, установления тотальной власти единственного санкционированного Небом монарха – монгольского хагана. В морально-этическом отношении это вылилось в яркий феномен, который условно можно обозначить как «монгольскую гордыню». На ней нередко

---

¹³ В Европе эта идея была хорошо известна. Так, Роджер Бэкон изложил ее суть в своем сочинении: «Некоторые же горят страстью к владычеству, как [например,] тартары, почему и император их говорит, что должен быть один властитель на земле, подобно тому как бог один на небе, и этим господином должен быть он сам» [12. С. 220].

акцентировали внимание христианские и мусульманские современники. Приведем несколько примеров. Из послания Ивона Нарбоннского архиепископу Бордоскому, 1243 г.: «И они убеждены, что только ради них одних все было создано» [12. С. 149]. Очень красноречивы высказывания Винсента из Бове: «Они до такой степени нечестивы и надменны, что хана, своего государя, называют сыном Бога и почитают его как занимающего место Бога на земле, произнося и демонстрируя тем самым воплощение следующего: “Господь неба небесного дал земле сына человеческого”». Так и сам хан называет себя сыном Бога и в посланиях своих этим именем всеми повелевает, и они подчиняются. Так, например, татары по его приказу заставляют послов, прибывающих к ним, принцев своих Байотной¹⁴ и Батыя почитать, трижды встав на колени и трижды склонив голову к нечистой земле. И вообще, они безмерно тщеславны и упорны в том, что в скором времени станут господами всего мира, и до такой степени неблагоразумны, что уверены, будто в мире нет никого выше их государя хана, и именуют его пред лицом его титулатурой, не уступающей Папе или иному властителю. Всех людей, мир населяющих, они, за исключением себя самих, считают за скотину, а Папу и всех христиан называют собаками и считают их идолопоклонниками, ибо те почитают дерево и камни – то есть дерево и камни, из которых вырезан или выбит символ Распятия» [14. С. 90–91].

Плано Карпини и Гильом де Рубрук (ок. 1220 – ок. 1293), знавшие о монголах не понаслышке, тоже отметили это их качество: «Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руси, а также сын царя и царицы Грузинской, и много великих султанов, а также князь Солангов (Кореи – Ю.Д.) не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним Татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место» [27. С. 40–41]; «Именно они в великой гордости превознеслись уже до того, что думают, будто вся вселенная желает заключить мир с ними» [35. С. 134]. Заключение мира подразумевало подчинение монгольскому хагану, ни о каком равноправии с ним не могло быть и речи.

Плано Карпини пять раз повторяет тезис о том, что монголы собираются покорить всю землю, и при этом трижды говорит, что это должно произойти согласно приказу Чингис-хана, как говорилось выше [27. С. 48, 58 (дважды), 62, 63]. Среди всех европейцев, писавших в XIII–XIV вв. о монголах, Плано Карпини, вне всякого сомнения, заслуживает наибольшего доверия не только как человек, побывавший в ставках Бату и Гуюка, но и как автор отчета, подготовленного с целью дать максимально точные ответы на вопросы относительно этого народа и его замыслов. Тем не менее, разумеется, было бы

¹⁴ Нойон Байджу, в 1242–1247 и 1251–1258 гг. хаганский наместник в Малой Азии и Закавказье. Автор пересказывает историю посольства Асцелина, едва не поплатившегося жизнью в ставке Байджу в 1247 г., к чему мы вернемся ниже.

слишком неосторожным некритично принимать любое его сообщение. И дело не только в том, что он мог что-то приукрасить или что-то неверно истолковать; скорее всего, он старался предельно точно передать то, что узнавал, но окружавшие его люди едва ли были идеальными информаторами и могли выдать за истину слухи или собственные домыслы. Так, прежде всего, вызывают сомнения утверждения, что Чингис-хан завещал своим потомкам завершить покорение всей земли – об этом не говорит ни один восточный источник. По видимому, основатель Монгольской империи думал больше о мести врагам, которых у него было в избытке, чем о территориальных приобретениях. Прирожденный степняк, он ценил кочевую жизнь и степные просторы. Вряд ли ему были нужны города Хорасана или рисовые поля Китая. Второе, а тем более третье поколение монгольской элиты, вкусившее блага оседлых цивилизаций, вероятно, уже имело несколько иное мировоззрение и предпочитало держаться поближе к источникам этих благ. Этот закономерный процесс утраты воинского духа был описан еще знаменитым арабским мыслителем Ибн Халдуном (1332–1406).

В одном случае монголам приписано убеждение в том, что их победа над Европой будет означать победу над всем миром: «Если они победят, то утверждают, что воистину будут властвовать [над] всем миром» [12. С. 152]. Эта версия, озвученная русским архиепископом Петром как на Первом Лионском соборе (1245 г.), так и в преддверии его, производит впечатление евроцентричной и, возможно, придуманной самим Петром. В первой половине XIII в. монголы были гораздо лучше русских и европейцев осведомлены о колоссальных мировых пространствах, и они вряд ли могли всерьез считать подчинение Европы успешным завершением установления своего господства над всей землей. Для сравнения, Гайтон и византийские авторы говорят о Малой Азии как о пределе монгольских амбиций, к чему мы еще вернемся. Еще один вариант выдает европейское происхождение приписываемому монголам мнению: «...хвастая, что всех и главным образом христиан покорят своему господину» [30. С. 124].

Своеобразным поздним рецидивом европейских страхов относительно желания монголов воцариться над всей землей можно считать слова Иоганна Винтертурского в его хронике, составленной между 1342 и 1348 гг., о якобы готовящемся совместном захвате стран джучидским ханом и неким султаном: «В эти времена [1341], как я узнал из достойного доверия сообщения, император тартар, обычно называемый великим ханом, и султан сговорились против всего мира» [4. С. 732].

Подчинение Европы. Имели ли монголы такое намерение в действительности, неизвестно. По общему мнению историков, их целью была непокорная Венгрия (об этом см. ниже), разгром которой планировался и реализовывался в полном соответствии со стратегией степной войны. Монгольские силы были разделены на два крыла и центр, причем правое крыло во главе с Байдаром с боями шло через Польшу и Моравию, левое двигалось через Валахию и Молдавию под руководством Бучека, Кадана и Бури, а центром командовал прославленный Субэдэй. Бату вторгся в Венгрию через Верецкий

(Русский) перевал. Возможно, первые относительно легкие победы в Восточной Европе воодушевили Бату и его сподвижников и дали повод подумать о дальнейших походах на Запад, но достоверных свидетельств о таких планах не сохранилось¹⁵. Скорее, напротив, действия монголов в Европе позволяют предполагать отсутствие у них замыслов по оккупации европейских стран. Вскоре после разгрома польско-немецкого войска 9 апреля 1241 г. под Легницей Байдар получил приказ Бату идти в Венгрию на соединение с основными силами монголов, ввиду чего он не стал развивать свой успех в Польше и не двинулся в Германию, у границ которой тогда находился. Моравию он прошел ускоренным маршем – согласно анналам монастыря Святого Панталеона в Кельне, всего за один день и одну ночь (!) [36. Р. 240], следовательно, по крайней мере, в тот момент установление прочной власти в этих странах не стояло у монголов на повестке дня. Болгарию они вынудили признать свое верховенство, уже отступая из Европы [37. Р. 272]. В погоне за Белой IV они не довели до успешного финала осаду некоторых замков, не говоря уже о том, что и беглого венгерского короля им пленить не удалось. Кстати, поимка Белы вообще не упоминается как цель прихода монголов в Европу, хотя именно этот человек представлял для них первостепенный интерес. Что касается половцев, то после убийства венграми хана Котьяна большинство из них покинуло Венгрию и приняло болгарское подданство, что, по-видимому, и послужило Кадану поводом годом позже вторгнуться в Болгарию.

Неудивительно, что в числе лиц, активно распространявших слухи о намерении монголов захватить Европу, был Бела IV, кровно заинтересованный в запугивании монгольской угрозой всех, кто мог бы оказать ему военную или финансовую помощь. Одним из его адресатов являлся король Германии Конрад IV Гогенштауфен (1237–1254), которого он заверил в следующем: «Впрочем, как мы точно знаем, с наступлением зимы они грозятся сразу же выйти к границам Германии, намереваясь после этого завоевать все прочие королевства и земли» [30. С. 188]. Тот известил английского монарха Генриха III (1216–1272): «И пусть Ваше величество позаботится, пока общие враги бесчинствуют в соседних краях, чтобы как можно скорее оказать им сопротивление Вашими силами; ибо из земель своих они движутся с тем намерением, чтобы, невзирая на [грозящие] жизни опасности, подчинить себе весь Запад, упаси господи, и веру и имя Христа погубить и уничтожить. И из-за неожиданной победы, которая им с соизволения божьего до сих пор сопутствовала, они дошли до такого невероятного безумия, что уже мнят, [будто] королевства мира принадлежат им и что королей и владык, подчиненных презренной их власти, они попирают и унижают» [12. С. 145–146].

Весеннее отступление монголов в 1242 г. не принесло Европе успокоения, люди ожидали нового натиска кочевников и, как показало время, были в своих опасениях правы. Судя по сведениям, добытым Плано Карпини в самом

¹⁵ Слова Ц. де Бридиа о том, что хаган Угэдэй якобы отправил Бату «на Запад против церкви Божьей и всех областей Запада» [10. С. 111], хотя и основываются на сочинении человека, побывавшего и в ставке Бату, и при дворе великих ханов, в данном случае едва ли заслуживают полного доверия.

сердце Монгольской империи, а также по содержанию и тональности исходивших оттуда официальных посланий, хаган Гуюк имел твердое намерение завершить дело своего предшественника на великоханском престоле – Угэдэя, и поставить Европу на колени. «И так как, за исключением Христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они не владели, то поэтому они готовятся к бою против нас, – писал Плано Карпини. – Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле Татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется кан, Куйюка. Этот вышеназванный Куйюк-кан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину Папе, государям и всем народам христиан на Западе» [27. С. 62–63; 10. С. 114]. Ниже папский легат раскрывает детали планировавшегося похода, не просто очень похожие на правду, но и подкрепленные его личными наблюдениями: «А в вышеупомянутом собрании были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами. Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое – через Польшу; придут же они с тем, чтобы сражаться непрерывно 18 лет. Им назначен срок похода: в прошлом марте месяце мы нашли войско, набранное у всех Татар, через область которых мы проезжали, у земли России; в три или четыре года они дойдут до Комании, из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли. Однако мы не знаем, придут ли они сразу после третьей зимы или подождут еще до времени, чтобы иметь возможность лучше напасть неожиданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей Милости, не сделает им какого-либо препятствия, как Он сделал, когда они пришли в Венгрию и Польшу. Именно они должны были подвигаться вперед, воюя тридцать лет, но их император был тогда умерщвлен ядом, и вследствие этого они донныне успокоились от битв. Но теперь, так как император избран сызнова, они начинают снова готовиться к бою. Еще надо знать, что Император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию» [27. С. 63]. Наконец, Плано Карпини извещает, что «на следующий день он (Гуюк – Ю.Д.) хотел поднять знамя против всей земли Запада» [27. С. 80], но на этот раз добытая информация не подтвердилась.

Скоропостижная смерть Гуюка и последовавшее за ней междуцарствие, наполненное интригами и борьбой за власть между двумя ветвями чингисова рода, более чем на десятилетие отвлекли внимание монголов от Европы, а следующие попытки вторжения были гораздо менее масштабными, нежели в 1241–1242 гг. Раскол Монгольской империи в 1260 г. и начало кровавой вражды между улусами Джучи и Хулагу, а также усиление мамлюкского Египта изменили взгляды части монголов на Европу и побудили их искать там союзников. Уже в 1262 г. ильхан Хулагу (1256–1265) выступил с инициативой совместной с европейцами борьбы против мусульман на Ближнем Востоке [38. Р. 245–260].

Тем временем правители Улуса Джучи¹⁶ не оставляли имперских амбиций. Хотя они уже не имели для их воплощения достаточно сил, их хватало для разбойных набегов вглубь Польши и Венгрии, в связи с чем совершенно понятны опасения Белы IV, пережившего ужас первой инвазии, и его настойчивые просьбы о помощи ввиду ожидаемого нового нашествия «тартар». Как обычно, венгерский монарх подкреплял свои просьбы якобы добытой его людьми достоверной информацией о планах монголов захватить всю Европу: «Ибо изо дня в день до нас доходят слухи о тартарах, что они собрались не только против нас, вызывающих у них чрезвычайный гнев ... но и, более того, против всего христианства; и, как достоверно говорят многие достойные доверия [люди], они непоколебимо решили направить свое бесчисленное войско против всей Европы» (цит. по: [19. С. 278]).

События 1259–1260 гг. в Польше и у границ Иерусалимского королевства, а также грозное послание хана Берке (1257–1266) Людовика IX были восприняты в Европе как предвестники нового крупного наступления монголов и побудили папу римского Александра IV (1254–1261) к созыву церковного собора. Кентерберийскому епископу папа направил письмо, в котором, в частности, говорилось: «И также со стороны северного края, через Венгрию, как и Польшу, граничащие с Римской империей, где уже – о горе! – они немало пролили крови христиан, беснующиеся в великой резне народа тех краев, они стремятся к враждебному нападению на Европу, где они замышляют попортить сильных предводителей христианства и, опрокинув королевские троны, как и престолы, привести к подчинению мощи своей вселенской монархии» [19. С. 293]. Для европейцев, не знавших о соперничестве за имперский престол братьев Хубилая и Ариг-Буки, угроза представлялась вполне реальной.

Может быть, после 1260 г. монгольская элита уже не помышляла всеерьез о подчинении Европы, но она не забыла об основополагающем принципе, согласно которому только монгольский хаган имеет право владеть всей землей. Соответственно, Европа по праву принадлежала потомкам старшего сына Чингис-хана Джучи (ок. 1182–1227). Швейцарский минорит Иоганн Винтертурский воспроизвел слова, которые якобы повторял хан Узбек (1312–1342) приходившим в его земли христианским купцам: «Римский император и король Франции должны де юре признать свои владения в моем феоде, и, поскольку пренебрегают тем, чтобы это сделать, они владеют ими на ложном основании, допуская великое беззаконие по отношению ко мне» (цит. по: [20. С. 500], см. также [4. С. 535]). Несомненно, заслуживает внимания отсутствие угроз в адрес европейских властей; слова хана, если они действительно звучали, больше похожи на сетования. Однако было бы ошибкой полагать на этом основании, что в годы правления Узбека европейцы чувствовали себя в безопасности от конницы Улуса Джучи. В письме Бертрану дю Пуже (1280–1352), епископу Остии и Веллетри, датированном 10 апреля 1330 г., представитель влиятельной аристократической фамилии Венеции Марино Санудо

¹⁶ Мы намеренно избегаем использовать для обозначения этого государства словосочетание «Золотая орда», как зафиксированное впервые только в XVI в.

Торселло (ок. 1270 – ок. 1343) привел пугающую информацию о военных возможностях Узбека: «Тартары, граничащие с королевством Венгрии, смогли бы пройти и прийти и в Германию, и Францию, как и в Италию, и всю подчинить своей власти. И это не кажется невозможным, поскольку тот тартарин из северных краев имеет в своем подчинении величайшее множество воинов, и в то же время тот господин по имени Узбек стал сарацином. И так, не причиняя своим людям неудобств, взяв трех из них вместо десяти, он собирает сорок тысяч человек верхом на лошадях, которые везут с собой то, чем должны питаться» [4. С. 670].

Подчинение Азии. Было бы довольно странно ожидать от европейцев представления о том, что монголы нацелены на покорение Азии, однако такие сведения есть. Некий аббат монастыря Святой Марии в Венгрии в своем послании утверждал, что монголы, сойдя с гор, собирались «жестоко разорить провинции Азии», что им, в общем, вполне удалось. Далее автор называет некоторые страны, от «Каппадокии» и Руси вплоть до европейских, разгромленные ими [12. С. 156]. Азияцентрическую перспективу имел историк и государственный деятель из Киликийской Армении Гетум Патмич (сер. 1240-х – 1310-е), известный также как Гайтон, автор труда «Цветник историй стран Востока», написанного в 1307 г. и пользовавшегося чрезвычайной популярностью в Европе. Не случайно это сочинение, составленное на старофранцузском языке, было переведено на латинский, итальянский, армянский и ряд других языков и принадлежит как европейской, так и армянской литературе. Естественно, что события мировой истории виделись Гетуму иначе, нежели его европейским современникам, вследствие чего цели монгольских завоеваний у него лежат в Азии. Кроме того, он гораздо более информирован о монгольских делах. «Хан Угедей решил завоевать всю землю Азии» [39. С. 256], – пишет Гайтон, а ниже развивает эту мысль: «Когда хан Угедей узнал о состоянии земель Азии и о тех царствах, которые там находятся, он заключил, что не существует князя, способного сравняться в могуществе с ним, и поэтому нетрудно будет покорить всю Азию. Тогда он позвал трех своих сыновей, предоставил каждому из них огромные богатства и множество воинов и приказал им обойти земли Азии, покоряя царства и страны» [39. С. 258]. Конечно, армянский историк был прав относительно захватнических планов хагана Угэдэя, но он посвятил своих читателей лишь в известную ему часть этих планов, а Европа при этом осталась за скобками.

Великий хан Мункэ выглядит менее воинственным и более хозяйственным, чем предшествовавший ему Гуюк. Неофициальный посланец Людовика IX к монголам Гильом де Рубрук почти полгода (с 26 декабря 1253 г. по 6 июня 1254 г.) прожил при дворе Мункэ, но его описание увиденного и услышанного не столь информативно, как у Плано Карпини. Здесь для нас представляет интерес ответное посольство Мункэ к Людовику. Хаган якобы приказал изготовить очень тугой лук и две стрелы с полными отверстиями серебряными головками, издававшими при полете свист, и дал послу следующий наказ: «Ты отправишься к тому королю франков, к которому этот человек проведет тебя, и поднесешь ему это от меня. И если он пожелает иметь мир с

нами, мы и покорим землю сарацин вплоть до его владений, и уступим ему остальную часть земли вплоть до Запада. В случае же отказа верни нам лук и стрелы и скажи ему, что из подобных луков мы стреляем далеко и поражаем сильно» [35. С. 141]. Отсюда должно следовать, что при условии признания монгольской власти Людовик мог рассчитывать на помощь в борьбе с мусульманами и закреплении за собой как своих собственных земель, так и завоеванных на Ближнем Востоке, а Мункэ претендовал только на Азию и не собирался воевать с Европой. Однако диалога между Людовиком IX и монгольскими хаганами опять не получилось. Проводником служил некий причетник из Акры Феодул, которого Рубрук характеризует как беспринципного афериста. Монгольское посольство смогло добраться только до Никеи, где император Иоанн III Дука Ватац (1222–1254) арестовал Феодула, не имевшего никакого документа, официально подтверждавшего его статус провожатого, а посол тем временем скончался. Не желавший из-за этой неожиданной смерти осложнений с монголами, Ватац отослал *пайцзу* (верительную дощечку) умершего обратно в Каракорум.

Нападение на Русь. Это одна из немногих приписываемых монголам целей, нашедших свое полное подтверждение, поэтому мы не будем долго останавливаться на данном вопросе. Первое столкновение монголов с русскими в 1223 г. нигде не обозначено как попытка покорить их или ограбить¹⁷; по-видимому, послы Субэдэя и Чжэбэ были вполне искренни в том, что монголы не собирались нападать на русские земли и желали всего лишь отговорить русских от помощи половцам. Конечно, пример умелого разделения половцев и аланов и последующего разгрома тех и других по отдельности годом ранее буквально заставляет сегодняшних историков видеть в монгольском предложении князьям тот же тактический прием, но дальнейшее развитие событий этого не подтверждает: все равно победив, монголы практически не развили свой успех и ушли¹⁸. Вопрос о том, был ли этот поход к границам Руси разведывательным, захватническим или каким-то иным, не решен до сих пор. По-видимому, среди историков все еще бытует старое мнение о его назначении как разведки боем в преддверии штурма Европы [42. С. 15–16], что, однако, не выглядит вполне убедительно. Обсуждение этого вопроса сейчас не входит в наши задачи.

Во время второго путешествия венгерского брата Юлиана в 1237 г. монголы стояли у границ Руси в готовности к вторжению. «Как на словах нам сообщили те рутены, венгры и болгары, которые перед ними бежали, они ждут, пока ближайшей зимой замерзнут земля, реки и болота, чтобы так всему их

¹⁷ См., например: [40. С. 222] (событие ошибочно описывается под 1222 г.).

¹⁸ А.В. Майоров высказал интересную мысль, что в планы монголов уже в 1223 г. входило подчинение русских земель вплоть до Киева. Поэтому после битвы на Калке они дошли до Новгорода Святополчского и захватили плацдарм на правом берегу Днепра, примерно в 60 км от столицы Южной Руси, где ожидали подхода основных сил под командованием Джучи, чтобы занять Киев. Однако Джучи фактически саботировал распоряжения своего отца и остался в степях нынешнего Казахстана. Таким образом, замысел монголов не осуществился, и им пришлось возвращаться на соединение с Чингис-ханом [41].

множеству было легче разграбить всю Русь, как и всю землю рутенов», – отметил Юлиан [13. С. 386]. Так и оказалось. Впрочем, венгерский монах обозначил цель монголов как грабительскую, но в действительности, увы, поход Бату привел к длительному подчинению русских княжеств монгольской власти.

Нападение на Венгрию. Сведения о намерении монголов нанести удар по Венгрии также оправдались. Возможно, это королевство как таковое не представляло для монголов интереса, но оно приютило их врагов – половцев (команов), которым Бела IV предоставил осенью 1239 г. земли, очевидно, имея в виду использовать их как достойных противников перед монгольской угрозой. К сожалению, накануне монгольского вторжения король допустил во внутренней политике серьезные просчеты [30. С. 19–27], одним из следствий чего было озлобление венгров на своих новых соотечественников, кончившееся их избиением и превращением из потенциальных защитников во врагов.

Возвращаясь с Волги, брат Юлиан имел беседу с суздальским князем, который счел нужным предупредить о грозящей опасности: «Многие говорят, что не подлежит сомнению, и князь Суздали передал устно через меня королю Венгрии, что днем и ночью обсуждают татары, как они победят и овладеют христианским королевством Венгрии. Ибо говорят, что они имеют намерение прийти и напасть на Рим и за пределами Рима» [13. С. 388]. В польской «Великой хронике» отмечено намерение Бату вторгнуться в Венгрию, и далее очень кратко говорится о реализации этого намерения [43. С. 154–155]. Имеется достаточно много документальных подтверждений того, что Венгрия была главной целью монгольского нашествия или, как минимум, первой из возможных целей на Западе.

Захват венгерских владений монголами проходил в два этапа: весной 1241 г. до Дуная и зимой 1241/1242 гг. далее к западу, после чего корпус Кадана устремился вслед Беле IV до Адриатического побережья. Письмо папы римского Григория IX (1227–1241) от 16 июня 1241 г. зафиксировало момент установления временного разграничения противоборствующих сторон: «Ибо как, не без пролития многих слез, мы узнали из писем нашего возлюбленного во Христе сына венгерского короля Б[елы], не знающие Бога татарские народы Господним попущением частично захватили венгерское королевство и хотят не только погубить оставшуюся часть, но и всю христианскую землю стремятся превратить в пустыню» [30. С. 146–147]¹⁹. Намерение монголов захватить Венгрию целиком не вызывает сомнений, и дальнейшее развитие событий подтвердило опасения венгерского короля, но долговременная оккупация едва ли входила в их планы. Что касается видов на «всю христианскую землю», то Бела пользовался подобным устрашением в своих интересах, как подчеркивалось выше.

Чрезвычайно много споров вызвала причина ухода монголов из Венгрии в 1242 г. Мы не планируем вступать в дискуссию по данному вопросу, но далее обоснуем свое видение ситуации. В целом, мы близки к мнению английского историка Мартина Рэди, что единственной причиной нападения

¹⁹ Письмо аналогичного содержания духовным лицам загребского диоцеза, датированное тем же числом, см: [30. С. 149].

монголов на Венгрию был конфликт между Бату и Белой IV из-за команов, и венгерская кампания не являлась частью реализации планов по подчинению Европы [44. Р. 39–46].

Второе вторжение на рубеже 1285–1286 гг., осуществленное под предводительством темника Ногая (1235 или 1240–1299) и джучидского принца Тула-Буги (хан в 1287–1291 гг.), по-видимому, было мотивировано исключительно грабежом и оказалось для монголов провальным. Анонимный автор Галицко-Волынской летописи сообщил об итогах этого предприятия с нескрываемым злорадством: «Оканьнии же и незаконьнии Телебоуга выиде пѣшь. со своею женою. об одной кобылѣ. посрамлень от Б[ог]а» [45. Стб. 891].

Нападение на Польшу. По-видимому, монгольская инвазия в Польшу в 1241 г. произошла для Запада неожиданно. Если о готовящемся нападении на Венгрию заранее извещали как письма Бату королю Беле, так и сведения, собранные братом Юлианом, то о планах монголов относительно Польши этого сказать нельзя. Во всяком случае, занимать ее кочевники явно не собирались: это государство было промежуточной целью на пути в Венгрию, которую они охватывали с флангов, как дичь на облавной охоте.

Однако первое вторжение оказалось далеко не последним, и теперь источники совершенно справедливо изображают Польшу как цель. Придя к власти, Берке заменил в самом западном владении своего улуса Куремсу на более способного полководца Бурундая, что могло означать приготовления к расширению подвластных земель. Бурундай потребовал выражения покорности от галицкого и волынского князей и с их помощью разорил Литву, встревожив тем самым тевтонских рыцарей. В ноябре 1259 г. монголы вторглись в Польшу, нанеся существенно больший ущерб, чем корпус Орды в 1241 г. Чем на самом деле являлось это вторжение – начальным этапом операции по подчинению Европы, мерой по ослаблению союзника Волыни и Галиции – князя Болеслава V Стыдливового (1243–1279) или просто грабительским рейдом в духе старой степной традиции, доподлинно неизвестно.

О планировании монголами нового набега на Польшу следует из очередного обращения Белы IV о помощи к папе римскому. В ответ на просьбу папа Климент IV в 1265 г. санкционировал крестовый поход против монголов Улуса Джучи, подчеркнув в письме архиепископам Эстергома и Калочи, что те имеют дальние цели: «Как нам сообщил через своего специального посланца возлюбленный сын наш Христе сын наш Б[ела], славный король Венгрии, недавно ему стало известно посредством заслуживающего доверия донесения, что упомянутые тартары с присоединившимися к ним другими язычниками, их приспешниками, собрали множество своих войск и задумали напасть в скором времени на граничащие с ними земли христиан упомянутого королевства [Венгрии] и Польши, чтобы подчинить их себе по их обыкновению и чтобы продвинуться – боже упаси! – далее, если только не встретят стойкого сопротивления» [20. С. 486]. Однако следующий набег произошел только в 1280 г. и был инициирован не монголами, а галицким князем Львом Даниловичем (1264–1301), но был неудачен. Наконец, как показало развитие

событий, последнее крупное вторжение в 1286–1287 гг. двух плохо согласованных действующих армий тех же Ногай и Тула-Буги тоже не преследовало территориальных приобретений.

Указанными военными кампаниями дело, однако, не ограничилось, и в XIV в. монголы по-прежнему угрожали Польше. Впрочем, их нападение в 1341 г. было спровоцировано польским королем Казимиром III (1333–1370), годом ранее вторгшимся в подконтрольную хану Узбеку Галичину. Вполне резонно ожидая ответного удара монголов, Казимир обратился за помощью к папе римскому Бенедикту XII (1334–1342), который в своей булле от 1 августа 1340 г. прибег к выражениям, чрезвычайно похожим на риторику столетней давности: «Они задумали в своих диких и бешеных душах вторгнуться и уничтожить упомянутое королевство и его христианских обитателей, так что до твоего слуха дошло достоверное сообщение, что названные тартары, неспособные скрывать под замком молчания эти нечестивые замыслы, высказываясь по незначительным поводам, публично угрожают, что, собрав силы своей мощи для вторжения и разрушения упомянутого выше королевства и разорения правоверных, в нем же проживающих, как и для осквернения там же католической веры, они направятся туда с войском в короткое время» [4. С. 701].

Нападение на Германию. Наиболее ранний источник, сообщающий о плане монголов напасть на Алеманию – историческую область в Германии, названную по имени древнегерманского союза племен алеманов и в рассматриваемое время входившую в состав герцогства Швабия (если только под этим названием не подразумевалась вся Германия, что было обычным явлением в ту эпоху), – сочинение «О Великой Венгрии, найденной братом Рикардусом во время господина папы Григория девятого», датированное началом 1236 г. Поиски венгерской прародины начались практически накануне монгольского нашествия в регионе Средней Волги, где, судя по приводящейся ниже цитате, уже отмечалось монгольское присутствие: «В этой земле венгров упомянутый брат (Юлиан – Ю.Д.) обнаружил тартар и посланца предводителя тартар, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и тартарский языки. Он сказал, что войско тартар, находившееся тогда в пяти днях пути от того места, намеревалось пойти против Алемании. Но они ожидали другое войско, направленное для уничтожения персов» [13. С. 367]. Р. Хаутала со ссылкой на немецкого исследователя Г. Дерри, изучавшего материалы венгерских миссий, отмечает, что монголы имели ясный план наступления на Европу уже в 1235 г. [13. С. 372]. Впрочем, данное сообщение вызывает некоторое недоверие, так как очень трудно объяснить мотивы, которые должны были нацелить монголов на немецкие земли. Неясно, хотел ли встреченный дипломат нарочно ввести венгра в заблуждение, чтобы отвлечь его внимание от нависающей над его страной катастрофы, или сделал неявное предупреждение: самый короткий путь в алеманские земли лежал через Венгрию.

Папа римский Григорий IX писал 19 июня 1241 г. аббату монастыря Хайлигенкройц цистерцианского ордена в Австрии, что монголы «желают напасть на чешское и германское королевства» [30. С. 155], но, по-видимому, эту

информацию следует расценивать скорее как мнение понтифика, нежели чем данные разведки. Есть больше оснований прислушаться к цитированному выше сообщению Платона Карпини, согласно которому Гуюк планировал вторжение в подконтрольные немецким рыцарям Ливонию и Пруссию [27. С. 63]²⁰. Это могло означать выход монголов к Балтийскому морю и блокирование северных торговых путей. Однако, по-видимому, проблема вскоре разрешилась мирным путем: с подчинением Новгорода монголы фактически взяли их под свой контроль. Существует предположение, что монголы могли дойти до Карелии [17. Р. 40].

О том, что монгольские захватчики не удовлетворятся только разорением Венгрии, а замышляют нападение на Германию и продвижение дальше на запад, Бела IV предупреждал в июле 1241 г. германского короля Конрада IV: «...как мы точно знаем, они планируют с приходом зимы врасплох захватить Германию и как только там будет подавлено всякое сопротивление, завоевать все прочие королевства и провинции» (цит. по: [2. С. 71]).

Как показали дальнейшие события, жертвой монголов Германия не стала. Слухи о столкновении тевтонских рыцарей с монголами, как, например, в 1263 г., также пока не находят подтверждения [17. Р. 201].

Нападение на Чехию. Такая цель монгольской агрессии указывается в цитированном выше письме папы Григория IX и с еще большей уверенностью – в послании Генриха Распе: «Ведь доподлинно и досконально известно нам, что это племя тартарское намерено приблизительно через неделю после пасхи жестоко и стремительно вторгнуться в земли Богемии» [12. С. 140]. Чешское королевство (Богемия) входило в состав Священной Римской империи и управлялось национальной династией Пржемысловичей. Положение королевства у границ Польши и Венгрии, вероятнее всего, сделало бы его одной из ближайших мишеней монголов в случае их попытки завоевать всю Европу, чего, как известно, не произошло. По словам Фридриха II, одна из монгольских армий якобы вторглась в пределы Богемии, но была остановлена благодаря мужественному отпору [12. С. 143]. Вероятнее всего, богемские земли не интересовали захватчиков, которые направлялись на главный театр военных действий – в Венгрию, и их главные силы под началом Байдара двигались из Польши восточнее, через Моравию.

Нападение на Францию. Поскольку Людовик IX был известен монголам, в частности Джучидам, как весьма значимая политическая фигура Европы, он не мог остаться без персонального требования покориться. Первый

²⁰ См. также: [12. С. 158; 19. С. 284–285]. Слухи о готовившемся монгольском вторжении в эти земли ожили почти столетие спустя в письме епископов Кульма, Помезании и Самбии, адресованном Римским кардиналам: «Эти же вышеназванные неверные решили и намереваются напасть, опустошить и, по мере возможности, подчинить своей власти все наше христианство – а именно, земли Пруссии, Куронии и Ливонии, которые находятся в домене упомянутых братьев, – из-за предпринятых ими войн для расширения и защиты христианства» [4. С. 704]. На самом же деле, как считают специалисты, эти прибалтийские прелаты использовали довод мнимой угрозы монгольского вторжения с целью склонить кардиналов на свою сторону в территориальном споре с Казимиром III относительно владения Померанией [4. С. 704].

ультиматум ему доставило посольство, которое он в 1248 г. отправлял в Каракорум с богатыми дарами, обнадеженный письмом хаганского наместника на Ближнем Востоке Эльджигидая о том, что Гуюк стал христианином. Однако послы уже не застали хагана в живых, и ответ им дала его вдова Огул-Гаймиш. Ее послание было выдержано в характерной имперской манере и заканчивалось приказом безоговорочного подчинения и уплаты дани. В противном случае Людовику вместе с его людьми предлагалось готовиться к смерти. Король был сильно разочарован, но непосредственной угрозы монгольского нападения пока не было [11. С. 117].

Второй ультиматум прибыл к Людовику IX в 1260 г. от хана Улуса Джучи Берке с предупреждением о скором нападении на Францию, если король не подчинится: «Царь тартар направил торжественных послов, около 24 высокородных тартар с двумя братьями Ордена проповедников, бывших переводчиками языков, к королю Франции Людовику, дабы он со своим королевством подчинился власти тартар; в противном случае они напали бы на Францию в ближайшее время. Что король Людовик твердо отверг, посоветовавшись с верховной знатью своего королевства. Этих послов он все же почетно держал в Париже и с миром направил их прямо к папе Александру» (цит. по: [19. С. 293]).

Думал ли Берке на самом деле послать свои войска во владения французского короля, можно только гадать. Год, в который он отправил в Париж свое посольство, оказался роковым для Монгольской империи: появление на великоханском престоле сразу двух претендентов положило начало ее распаду. В сентябре того же года в битве при Айн-Джалуте монголы потерпели первое крупное поражение, за которое так и не сумели взять реванш. Вскоре, в дополнение к гражданской войне в самой Монголии, вспыхнул вооруженный конфликт между Берке и Хулагу. В предполагаемом походе на Францию Берке мог рассчитывать только на свои силы, которых едва ли хватило бы для столь масштабного предприятия.

Нападение на Иерусалимское королевство. Вышеупомянутый папа римский Александр IV, встревоженный новостями как о военных приготовлениях джучидского хана, так и о продвижении армии Хулагу в Сирии, принял решение о созыве весной 1261 г. общеевропейского католического собора, о чем и известил всех европейских прелатов. В послании Кентерберийскому архиепископу он упомянул монгольское вторжение в Иерусалимское королевство как предрешенное событие: «Ибо эти тартары, говорившие, что Бог неба (которого они, несомненно, не знали) приказал им захватить всю землю; завладев уже всеми краями Востока и поправ его народы ... достигли границ Иерусалимского королевства и устремились к ним, чтобы в них вторгнуться» (цит. по: [19. С. 293]). Основания для таких утверждений имелись: нойон Китбуга требовал срыть стены крепостей²¹, в Европу шли просьбы о

²¹ Рашид ад-Дин пишет о приказе Хулагу, отданном еще в 1257 г. нойону Байджу: «Надобно тебе пойти и отвоевать те владения до берегов Западного моря из рук потомков франков...»

незамедлительной помощи, в отсутствие которой «франки» предпочли принять сторону египетского султана [17. Р. 117]. Однако к указанному времени большая часть монгольских войск во главе с Хулагу уже покинула Сирию, а оставшиеся были разбиты мамлюками. Королевство перестало существовать только в 1291 г. под ударами своих бывших египетских союзников.

Нападение на Сирию. Пожалуй, русский архиепископ Петр был единственным, кто после страшных событий 1241–1242 гг. проинформировал европейцев о дальнейших замыслах монголов, направленных на Ближний Восток: «Тесиркан пошел против вавилонян, Чурикан – против тюрков, Бататаркан остался в Орнаке и послал вождей своих против Руссии, Польши и Венгрии и многих других королевств. И эти трое со своими многочисленнейшими полчищами замышляют напасть на соседние части Сирии» [12. С. 151]. Это сообщение датируется 1244 г., когда на ближневосточном театре военных действий монголы под предводительством нойона Ясаура вторглись в Сирию и потребовали подчинения у айюбидских правителей Дамаска, Алеппо, Хомы и Химса, а также у князя Антиохии Боэмунда V (1233–1252), но в итоге ушли ни с чем. Таким образом, информация Петра оказалась верной. Вообще следует заметить, что Петр проявил себя как человек, хорошо разбирающийся в вопросах, касающихся монголов, и его информированность резко контрастирует с составителями русских летописей, очень скупыми на подробности относительно этих номадов.

Распад Монгольской империи ограничил военный потенциал монголов и сделал возможным проведение независимой политики правителями ее улусов. Разумеется, имперская идеология не была сразу забыта, но она начала быстро утрачивать свою категоричность, и уже в 1262 г. принявший ислам Берке обратился к египетскому султану Аз-Захиру Бейбарсу аль-Бундукдари (1260–1277) как к равному с предложением военного союза против Хулагу. В свою очередь, и сам Хулагу, и его потомки в сношениях с Европой остерегались навязывать собственное безусловное превосходство. По мнению французского медиевиста Ж. Ришара, ильханы отбросили имперскую программу, и их политика ограничивалась желанием вырвать Сирию из рук мамлюков [47. Р. 56].

Нападение на Египет. Маловероятно, чтобы земля Египта представляла для монголов какую-то ценность, но не приходится сомневаться в их желании уничтожить военную верхушку страны, состоявшую, по монгольским представлениям, из их беглых рабов – кыпчаков, ставших к тому же союзниками джучидских врагов Ильханата. Об этом прямо говорит Гайтон, хорошо ориентированный в ближневосточной политике тех лет: «Татары не сражаются с султаном Египта, чтобы овладеть его городами или областями, несмотря на то, что вся Азия подчиняется им, а только потому, что султан, всегда являясь их основным врагом, нанес им больше ущерба, чем любой другой противник, особенно тогда, когда они воевали с другими своими соседями»

[46. С. 33]. В реальности, этот приказ либо не звучал вовсе, либо по каким-то причинам не был выполнен.

(цит. по: 48. С. 21). Поэтому замыслы нападения на Египет в Ильханате, скорее всего, вынашивались, но вряд ли когда-либо реально ставились на повестку дня. Сначала нужно было разбить силы мамлюков в Сирии, а это удавалось не всегда. Последнего крупного успеха монголы достигли под знаменами ильхана Газана (1295–1304) на рубеже 1299–1300 гг., когда, после сокрушительного поражения 22 декабря 1299 г. под Хомсом египетского султана Мухаммада I ан-Насира, Сирия и Палестина оказались беззащитными перед монголами, путь в Египет был для них открыт, однако они не воспользовались этой возможностью. По-видимому, отголоском именно этих событий явилось упоминание в письме Джакомо Феррарского от 14 февраля 1300 г. о намерении «татар» идти в Египет [17. Р. 190].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Олсен Т.Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 6: Золотоордынское время. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2008. С. 351–362.
- [2] *Майоров А.В.* Завершающий этап западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 1. С. 68–94.
- [3] *Майоров А.В.* Завершающий этап западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 2. С. 21–50.
- [4] *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019.
- [5] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- [6] Книга Марко Поло // *Путешествия в восточные страны*. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.
- [7] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- [8] *Рязановский В.А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931.
- [9] *Юрченко А.Г.* Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006.
- [10] Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / Критич. текст, пер. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспозиция, исслед. и указ. А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002.
- [11] *Жуанвиль Ж. де.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. Г.Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2007.
- [12] *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979.
- [13] *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.
- [14] *Винцент из Бове.* Великое зеркало / Пер. Н. Горелова // *Книга странствий*. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 79–116.
- [15] *Biran M.* Chinggis Khan. Oxford: Oneworld Publications, 2007.
- [16] *Maierov A. V.* They Intend to Come and Attack Rome...: The Real and Sacred Spaces of the Mongol Conquests (в печати).

- [17] *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. London; New York: Routledge, 2014.
- [18] *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита / Пер. О.А. Акимовой. М.: Индрик, 1997.
- [19] *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 272–313.
- [20] *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 485–528.
- [21] *Rogers G.S.* An Examination of Historians' Explanations for the Mongol Withdrawal from East Central Europe // *East European Quarterly*. 1996. Vol. 30. № 1. P. 3–26.
- [22] *Pow L.S.* Deep Ditches and Well-built Walls: A Reappraisal of the Mongol Withdrawal from Europe in 1242. A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts. Calgary, 2012.
- [23] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- [24] *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ, 2006.
- [25] *Храпачевский Р.П.* К вопросу о так называемом «списке покоренных народов» Восточной Европы в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) // *Studia Historica Europae Orientalis*. 2013. № 6. С. 91–102.
- [26] *Райт Дж.К.* Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе / Пер. с англ. М.А. Кабанова. М.: Наука, 1988.
- [27] *Плано Карпини.* История монгалов // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 29–85.
- [28] *Guztan G.* The Encyclopedist Vincent of Beauvais and His Mongol Extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin // *Speculum*. 1974. Vol. 49. № 2. P. 287–307.
- [29] *Савченко С.В.* Письмо магистра тамплиеров к Людовику Св. о вторжении татар в Западную Европу // Киевские университетские известия. 1919. № 1–4. С. 1–4.
- [30] *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. А.С. Досаева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.
- [31] *Рыкин П.О.* Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 48–85.
- [32] *Дробышев Ю.И.* Монгольская имперская идеология: понятийный аппарат исследования // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: Сборник научных статей IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). Кн. 2 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 28–31.
- [33] *Lupprian K.-E.* Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13 Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels. Città del Vaticano, 1981.
- [34] *Ruotsala A.* Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other. Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 2001.
- [35] *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
- [36] *Somer T.* Forging the Past: Facts and Myths behind the Mongol Invasion of Moravia in 1241 // Золотоордынское обозрение. 2018. Vol. 6. № 2. С. 238–251.
- [37] *Sophoulis P.* The Mongol Invasion of Croatia and Serbia in 1242 // *Fragmenta Hellenoslavica*. 2015. Vol. 2. P. 251–277.
- [38] *Meuvaert P.* An Unknown Letter of Hulagu, Il-Khan of Persia, to King Louis IX of France // *Viator*. 1980. Vol. 2. P. 245–261.

- [39] *Гайтон*. Цветник историй стран Востока / Пер. Н. Горелова // Книга странствий. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 211–274.
- [40] *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / Пер. С.А. Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
- [41] *Maierov A.V.* The first Mongol Invasion of Europe: Goals and Results (в печати).
- [42] *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М.: Просвещение, 1966.
- [43] Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1987.
- [44] *Rady M.* The Mongol Invasion of Hungary // *Mediaeval World*. 1991. Vol. 3. P. 39–46.
- [45] Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908.
- [46] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III / Пер. А.К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
- [47] *Richard J.* The Mongols and the Franks // *Journal of Asian History*. 1969. Vol. 3. № 1. P. 45–57.
- [48] *Николов А.* Образ татаро-монголов Золотой Орды и ильханов в сочинениях пропагандистов крестовых походов (конец XIII – начало XIV вв.) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 14–28.
- [49] *Мэй Т.* Монголы и мировые религии в XIII веке // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 424–443.
- [50] *Guzman G.* Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal // *Speculum*. 1971. Vol. 46. № 2. P. 232–249.
- [51] *Салимбене де Адам*. Хроника / Пер. и комм. И.С. Култышевой и др. М.: РОССПЭН, 2004.
- [52] *DeWeese D.* The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe // *Mongolian Studies*. Bloomington, 1978–1979. Vol. 5. P. 41–78.
- [53] *Grant B.C.* The Mongol Invasions between Epistolography and Prophecy: the Case of the Letter “Ad Flagellum”, с. 1235/36–1338 // *Traditio*. 2018. Vol. 73. P. 117–177.
- [54] *Юрасов М.* Восприятие венграми монголо-татар во время походов орд Бату в Европу // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Нижний Новгород, 2011. Вып. 2. С. 51–69.
- [55] Книга странствий. СПб.: Азбука-классика, 2006.
- [56] *Альберт Штаденский*. Анналы / Пер. И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2020.
- [57] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. М.: Наука, 1965.
- [58] *Дробышев Ю.И., Юрченко А.Г.* «Заповедники смерти» Монгольской империи // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2 / Отв. ред. Л.Г. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 160–169.
- [59] Путешествия в восточные страны. М., 1997.
- [60] Армянские источники о монголах / Пер. А.Г. Галстяна. М.: Восточная литература, 1962.
- [61] *Bezzola G.A.* Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): ein Bei-trag zur Frage der Volkerbegegnungen. Bern, 1974.
- [62] *Klopprogge A.* Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolen-bildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1993.
- [63] *Schmieder F.* Europa und die Fremden: die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen: Thorbecke, 1994.

- [64] Майоров А.В. К вопросу об исторической основе и источниках «Повести о убиении Батгя» // Средневековая Русь. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2014. С. 105–147.
- [65] Laszlovszky J., Pow S., Romhányi B.F., Ferenczi L., Pinke Z. Contextualizing the Mongol Invasion of Hungary in 1241–42: Short- and Long-Term Perspectives // *Hungarian Historical Review*. 2018. Vol. 7. № 3. P. 419–450.
- [66] Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с Болгарским княжеством // Золотоордынская цивилизация. 2011. Вып. 4. С. 35–39.
- [67] Узелац А. Сербские письменные источники о татарах и Золотой орде (первая половина XIV в.) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1. С. 101–118.
- [68] Узелац А. Под сенком пса: Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015.
- [69] Дробышев Ю.И. Кыргызы в Центральной Азии (IX в.) // Восток (Oriens). 2010. № 6. С. 102–109.

REFERENCES

- [1] Ollsen TT. Preljudiya k zapadnym pohodam: mongol'skie voennye operacii v Volgo-Ural'skom regione v 1217–1237 godah [Prelude to Western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural region in 1217–1237]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 6: Zolotoordynskoe vremya [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 6: The Golden Horde time]*. Donetsk: Izdatel'stvo DonNU, 2008. P. 351–362 (in Russian).
- [2] Mayorov AV. Zavershayushchij etap zapadnogo pohoda mongolov: voennaya sila i tajnaya diplomatiya [The final stage of the Western campaign of the Mongols: military power and secret diplomacy]. *Zolotoordynskoe obozrenie [The Golden Horde Review]*. 2015; (1). P. 68–94 (in Russian).
- [3] Mayorov AV. Zavershayushchij etap zapadnogo pohoda mongolov: voennaya sila i tajnaya diplomatiya [The final stage of the Western campaign of the Mongols: military power and secret diplomacy]. *Zolotoordynskoe obozrenie [The Golden Horde Review]*. 2015; (2). P. 21–50 (in Russian).
- [4] Hautala RV. zemlyah «Severnoj Tartarii»: Svedeniya latinskih istochnikov o Zolotoj Orde v pravlenie hana Uzbeka (1313–1341) [In the lands of "Northern Tartary": Information from Latin sources about the Golden Horde in the reign of Khan Uzbek (1313–1341)]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2019 (in Russian).
- [5] Rashid al-Din. *Sbornik letopisej [Collection of Chronicles]*. Vol. I. Book 1. Tr. by. LA. Khetagurov. Moscow; Leningrad: AN SSSR publ., 1952 (in Russian).
- [6] *Kniga Marko Polo [The book of Marco Polo. Puteshestviya v vostochnye strany [Travels to Eastern countries]*. Moscow: Mysl' publ., 1997. P. 190–380 (in Russian).
- [7] Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g. [The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941 (in Russian).
- [8] Riazanovskiy VA. *Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe). Istoricheskij ocherk [Mongolian law (mainly customary). Historical essay]*. Harbin: Tipografiya NE. Chinareva, 1931 (in Russian).
- [9] Yurchenko AG. *Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa. Obraz Chingis-hana v mirovoj literature XIII–XV vv. [Historical geography of the political myth. The image of Genghis Khan in the world literature of the XIII-XV centuries]*. St. Petersburg: Evraziya publ., 2006 (in Russian).
- [10] Hristianskij mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya». Materialy franciskanskoj missii 1245 goda. «Istoriya Tartar» brata C. de Bridia [The Christian World and the “Great

- Mongol Empire”. Materials of the Franciscan mission of 1245. “The History of Tartary” by Brother C. de Bridia] Critic. text, trans. by SV. Aksenov and AG. Yurchenko. Exposure, research, and index by AG. Yurchenko. St. Petersburg: Evraziya, 2002 (in Russian).
- [11] Jean de Joinville. *Kniga blagochestivyh rechenij i dobryh deyanij nashego svyatogo korolya Lyudovika* [The Book of Pious speeches and good deeds of our holy King Louis]. Tr. by G.F. Tsybulko. Saint Petersburg: Evraziya publ., 2007 (in Russian).
- [12] Matuzova VI. *Anglijskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv. Teksty, perevod, kommentarij* [English medieval sources of the IX–XIII centuries. Texts, translation, commentary]. Moscow: Nauka publ., 1979 (in Russian).
- [13] Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indij» do «Nenavistnogo plebsa satany»*. *Antologiya rannih latinskih svedenij o tataro-mongolah* [From “David, King of the Indies” to “The Hated Plebs of Satan”. An anthology of early Latin information about the Tatar-Mongols]. Kazan’: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2015 (in Russian).
- [14] Vinsent iz Bove. Velikoe zertsalo [Great Mirror]. *Kniga stranstvij* [Book of wanderings]. Tr. by N. Gorelov. St. Petersburg: Azbuka-klassika publ., 2006. P. 79–116 (in Russian).
- [15] Biran M. Chinggis Khan. Oxford: Oneworld Publications, 2007.
- [16] Maiorov AV. They Intend to Come and Attack Rome...: The Real and Sacred Spaces of the Mongol Conquests (in print).
- [17] Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. London; New York: Routledge, 2014.
- [18] Foma Splitskij. *Istoriya arhiepiskopov Salony i Splita* [History of the Archbishops of Salona and Split]. Tr. by OA Akimova. Moscow: Indrik, 1997 (in Russian).
- [19] Hautala R. Ot Batu do Dzhaniibeka: voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol’shej i Vengrijej [From Batu to Janibek: military conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [The Golden Horde Review]. 2016; V. 4; (2). P. 272–313 (in Russian).
- [20] Hautala R. Ot Batu do Dzhaniibeka: voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol’shej i Vengrijej [From Batu to Janibek: military conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [The Golden Horde Review]. 2016. 4; (3). P. 485–528 (in Russian).
- [21] Rogers GS. An Examination of Historians’ Explanations for the Mongol Withdrawal from East Central Europe. *East European Quarterly*, 1996. Vol. 30; (1). P. 3–26.
- [22] Pow LS. Deep Ditches and Well-built Walls: A Reappraisal of the Mongol Withdrawal from Europe in 1242. A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts. Calgary, 2012.
- [23] Tizengauzen VG. *Sbornik materialov, otosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR, 1941 (in Russian).
- [24] Pochekaev RYu. Batyj. Han, kotoryj ne byl hanom [Baty. The khan, who was not a khan]. Moscow: AST publ., 2006 (in Russian).
- [25] Khrapachevsky RP. K voprosu o tak nazyvaemom «spiske pokorenyh narodov» Vostochnoj Evropy v «Sokrovennom skazanii mongolov» (1240 g.) [On the question of the so-called “List of conquered peoples” of Eastern Europe in the “Secret History of the Mongols” (1240)]. *Studia Historica Europae Orientalis*. 2013; (6). P. 91–102 (in Russian).
- [26] Rajt JK. Geograficheskie predstavleniya v epohu krestovyh pohodov: Issledovanie srednevekovoj nauki i tradicii v Zapadnoj Evrope [Geographical representations in the Era of the Crusades: A study of Medieval science and tradition in Western Europe]. Tr. by MA Kabanov. M.: Nauka, 1988 (in Russian).

- [27] Plano Carpini. Istoriya mongalov [History of the Mongols]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travel to Eastern countries]. Moscow: Mysl' publ., 1997. P. 29–85 (in Russian).
- [28] Guzman G. The Encyclopedist Vincent of Beauvais and His Mongol Extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin. *Speculum*. 1974. Vol. 49. (2). P. 287–307.
- [29] Savchenko SV. Pis'mo magistra tamplierov k Lyudoviku Sv. o vtorzhenii tatar v Zapadnuyu Evropu [A Letter of the Master of the Templars to St. Louis on the invasion of the Tatars into Western Europe]. *Kievskie universitetskie izvestiya* [Kiev University News]. 1919. (1–4). P. 1–4 (in Russian).
- [30] Magistr Rogerij. *Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami* [Lament about the destruction of the Hungarian kingdom by the Tatars]. Tr. by AS Dosaev. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2012 (in Russian).
- [31] Rykin PO. Sozдание mongol'skoj identichnosti: termin «mongol» v epohu Chingiskhana [Creation of the Mongolian identity: the term “Mongol” in the era of Genghis Khan]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia]. 2002. 1(16). P. 48–85 (in Russian).
- [32] Drobyshev YuI. Mongol'skaya imperskaya ideologiya: ponyatijnyj apparat issledovaniya [Mongolian Imperial ideology: conceptual framework of the study]. *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovanij: Sbornik nauchnykh statej IV mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoj arheologii evrazijskikh stepej, posvyashchennogo 100-letiyu rossijskoj akademicheskoy arheologii (Ulan-Ude, 16–21 sentyabrya 2019 g.)* [Nomadic Empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary investigations: Proceedings of the IV International Congress on the Medieval Archaeology of the steppes, dedicated to 100 years Russian Archeology (Ulan-Ude, September 16–21, 2019)]. Book 2. Ed. by B.V. Bazarov, NN Kradin. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN, 2019. P. 28–31 (in Russian).
- [33] Lupprian K.-E. *Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13 Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels*. Città del Vaticano, 1981.
- [34] Ruotsala A. *Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other*. Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 2001.
- [35] Guillaume de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany [Travel to the Eastern countries]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to the Eastern countries]. Moscow: Mysl', 1997. P. 86–189 (in Russian).
- [36] Somer T. Forging the Past: Facts and Myths behind the Mongol Invasion of Moravia in 1241. *The Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6. (2). P. 238–251.
- [37] Sophoulis P. The Mongol Invasion of Croatia and Serbia in 1242. *Fragmenta Hellenoslavica*. 2015. Vol. 2. P. 251–277.
- [38] Meyvaert P. An Unknown Letter of Hulagu, Il-Khan of Persia, to King Louis IX of France. *Viator*. 1980. Vol. 2. P. 245–261.
- [39] Gajton. Cvetnik istorij stran Vostoka [Flower garden of stories of the East]. *Kniga stranstvij* [Book of travels]. Tr. by N Gorelov. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. P. 211–274 (in Russian).
- [40] Genrih Latvijskij. *Hronika Livonii* [Chronicle of Livonia]. Tr. by SA. Anninskiy. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1938 (in Russian).
- [41] Maiorov AV. The first Mongol Invasion of Europe: Goals and Results (in print).
- [42] Kargalov VV. *Mongolo-tatarskoe nashestvie na Rus'. XIII vek* [Mongol-Tatar invasion of Russia. XIII century]. Moscow: Prosveshchenie publ., 1966 (in Russian).
- [43] Velikaya hronika o Pol'she, Rusi i ih sosedyah XI–XIII vv. [The Great Chronicle on Poland, Russia and their neighbors of the XI–XIII centuries]. Ed. by VL. Yanina. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1987 (in Russian).
- [44] Rady M. The Mongol Invasion of Hungary. *Mediaeval World*, 1991. Vol. 3. P. 39–46.

- [45] Polnoe sobranie russkikh letopisej. Т. 2. Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Vol. 2. Hypatian chronicle]. St. Petersburg: Tipografiya MA. Aleksandrova, 1908 (in Old Russian).
- [46] Rashid al-Din. *Sbornik letopisej [Collection of Chronicles]*. Vol. III. Tr. by. AK. Arends. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952 (in Russian).
- [47] Richard J. The Mongols and the Franks. *Journal of Asian History*, 1969. Vol. 3. (1). P. 45–57.
- [48] Nikolov A. Obraz tataro-mongolov Zolotoj Ordy i il'hanov v sochineniyah propagandistov krestovyh pohodov (konets XIII – nachalo XIV vv.) [The image of the Tatar-Mongols of the Golden Horde and the Ilkhans in the writings of propagandists of the Crusades (late XIII – early XIV centuries). *Zolotoordynskoe obozrenie [The Golden Horde Review]*. 2015. No. 4. P. 14–28 (in Russian).
- [49] Mej T. Mongoly i mirovye religii v XIII veke [Mongols and World religions in the XIII century]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir [The Mongolian Empire and Nomadic world]*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN, 2004. P. 424–443 (in Russian).
- [50] Guzman G. Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal. *Speculum*, 1971. Vol. 46. No. 2. P. 232–249.
- [51] Salimbene de Adam. *Hronika [Chronika]*. Tr. by I.S. Kultysheva. Moscow: ROSSPEN, 2004 (in Russian).
- [52] DeWeese D. The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe. *Mongolian Studies*. Bloomington, 1978–1979. Vol. 5. P. 41–78.
- [53] Grant BC. The Mongol Invasions between Epistolography and Prophecy: the Case of the Letter “Ad Flagellum”, c. 1235/36–1338. *Traditio*. 2018. Vol. 73. P. 117–177.
- [54] Yurasov M. Vospriyatie vengrami mongolo-tatar vo vremya pohodov ord Batu v Evropu [Perception by Hungarians of the Mongol-Tatars during the campaigns of Batu Hordes to Europe]. *Al'manah po istorii Srednih vekov i rannego Novogo vremeni [Almanac on the history of the Middle Ages and Early Modern times]*. Nizhnij Novgorod, 2011. Issue 2. P. 51–69 (in Russian).
- [55] *Kniga stranstvij [The Book of wanderings]*. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2006 (in Russian).
- [56] Al'bert Shtadenskij. *Annaly [Annals]*. Tr. by IV. D'yakonov. Moscow: Russkaya panorama, 2020 (in Russian).
- [57] Munkuev NTs. *Kitajskij istochnik o pervyh mongol'skikh hanah [Chinese source about the first Mongol khans]*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian).
- [58] Drobyshev Yu.I., Yurchenko AG. «Zapovedniki smerti» Mongol'skoj imperii [“Death Reserves” of the Mongolian Empire]. *Sibirskij sbornik-1: Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij [Siberian collection-1: The funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories]*. Book 2. Ed. by LG. Pavlinskaya. St. Petersburg: MAE RAN, 2009. P. 160–169 (in Russian).
- [59] *Puteshestviya v vostochnye strany [Travels to Eastern countries]*. Moscow, 1997 (in Russian).
- [60] *Armyskie istochniki o mongolah [Armenian sources about the Mongols]*. Tr. AG. Galstyan. Moscow: Vostochnaya literatura publ., 1962 (in Russian).
- [61] Bezzola GA. *Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): ein Bei-trag zur Frage der Volkerbegegnungen*. Bern, 1974.
- [62] Klopprogge A. *Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolen-bildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1993.
- [63] Schmieder F. *Europa und die Fremden: die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen: Thorbecke, 1994.

- [64] Mayorov AV. K voprosu ob istoricheskoy osnove i istochnikah «Povesti o ubienii Batyya» [To the question on the historical basis and sources of “The tale on the murder of Batu]. *Srednevekovaya Rus’. Vypusk 11. Problemy politicheskoy istorii i istochnikovedeniya* [Medieval Rus’. Vol. 11. Problems of political history and source studies]. Ed. by AA. Gorskiy. Moscow: Indrik, 2014. P. 105–147 (in Russian).
- [65] Laszlovszky J., Pow S., Romhányi BF., Ferenczi L., Pinke Z. Contextualizing the Mongol Invasion of Hungary in 1241–42: Short- and Long-Term Perspectives. *Hungarian Historical Review*, 2018. Vol. 7. (3). P. 419–450.
- [66] Kamalov IH. Otnosheniya Zolotoj Ordy s Bolgarskim knyazhestvom [Relations of the Golden Horde with the Bulgarian Principality]. *Zolotoordynskaya civilizaciya* [The Golden Horde civilization]. 2011. Issue 4. P. 35–39 (in Russian).
- [67] Uzelats A. Serbskie pis'mennye istochniki o tatarah i Zolotoj orde (pervaya polovina XIV v.) [Serbian written sources about the Tatars and the Golden Horde (the first half of the XIV century)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [The Golden Horde Review]. 2014. (1). P. 101–118 (in Russian).
- [68] Uzelats A. Pod senkom psa: Tatari i juzhnoslovenske zemle u drugoj polovini XIII veka [Under the shadow of a dog: Tatars and South Slavic lands in the second half of the XIII century]. Beograd: Utopija, 2015 (in Serbian).
- [69] Drobyshev YuI. Kyrgyzy v Central'noj Azii (IX v.) [Kyrgyzs in Inner Asia (IX century)]. *Vostok (Oriens)*. 2010. No. 6. P. 102–109 (in Russian).

Информация об авторе:

Дробышев Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Истории Востока Института востоковедения РАН, г. Москва, e-mail: altanus@mail.ru

Information about the author:

Drobyshev Yuliy I. – PhD in History, senior researcher of the Department of the History of East, the Institute of Oriental studies RAS, Moscow, e-mail: altanus@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-157-166

Научная статья / Research article

Вклад Ю.Н. Рериха в историю российских экспедиций в Центральную Азию

А.М. Шустова

Институт Востоковедения РАН,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, д. 12
parinama@yandex.ru

Аннотация. Изучение научного наследия российского востоковеда Ю.Н. Рериха (1902–1960) находится на начальной стадии. Одним из оснований его многогранной научной деятельности стали исследования, проведенные им в экспедициях. Наиболее длительной, опасной и трудоемкой была работа Ю.Н. Рериха в Центрально-азиатской экспедиции его отца – Н.К. Рериха (1874–1947). В статье анализируется деятельность Ю.Н. Рериха на каждом этапе Центрально-азиатской экспедиции, а также труды ученого, опубликованные им по итогам экспедиционных исследований. Основные результаты экспедиции были представлены Рерихом в монографии «По тропам Срединной Азии. Пять лет полевых исследований с Центрально-Азиатской экспедицией Рериха», опубликованной на английском языке в США в 1931 г. Описание Северного и Центрального Тибета, сделанное Рерихом в этой монографии, является уникальным, так как ни теократического Тибета, ни кочевых племен, в том виде, как их видел Рерих, больше не существует. Полевые исследования Рериха продолжили историческую традицию российских экспедиций в Азию. Они расширили научное знание о регионах, бывших до того момента малоизученными.

Ключевые слова: Ю.Н. Рерих, Центральная Азия, экспедиция, Тибет, буддизм, кочевники

История статьи: Поступила в редакцию: 10.08.2020. Принята к публикации: 20.11.2020.

Для цитирования: Шустова А.М. Вклад Ю.Н. Рериха в историю российских экспедиций в Центральную Азию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 2. С. 157–166. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-157-166

© Шустова А.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

G. Roerich's contribution to history of Russian expeditions in Central Asia

A.M. Shustova

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka St., Moscow, Russian Federation, 107031
parinama@yandex.ru

Abstract. The study of G. Roerich's scientific heritage is at its beginning. An important basis of Roerich's many-sided scientific activities were his investigations during the expeditions in Asia. The longest, most dangerous and laborious among them was the Central Asiatic expedition of his father – N.K. Roerich. The goal of this article is to examine G.N. Roerich's activities on every stage of the Central Asiatic expedition, as well as G.N. Roerich's works, publishing the results of the expedition research. G.N. Roerich presented the basic results in his monograph "Trails to Inmost Asia: Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition" published in English in USA in 1931. Roerich's description of North and Central Tibet is unique because the theocratic state in Tibet and nomad tribes, which Roerich had observed, are no more existing. Roerich's field investigations continued the historical tradition of Russian expeditions in Central Asia. It extended our scientific knowledge about the insufficiently known regions in Asia.

Key words: G.N. Roerich, Central Asia, expedition, Tibet, Buddhism, nomads

Article history: Received: 10.08.2020. Accepted: 20.11.2020.

For citation: Shustova A.M. G. Roerich's contribution to history of Russian expeditions in Central Asia // *RUDN Journal of World History*. 2021; Vol. 13(2): 157–166. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-157-166

Введение

Многие российские востоковеды начала XX века работали не только в кабинетах, но и отправлялись в длительные путешествия в Азию. К плеяде таких исследователей можно отнести М.М. Березовского, С.Ф. Ольденбурга, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Д.А. Клеменца, Г.И. Боровку, А.М. Позднева, Ю.Д. Талько-Гринцевича, Г.Н. Потанина, П.К. Козлова. Все они внесли значительный вклад в историю российских азиатских экспедиций.

К когорте этих исследователей можно отнести и Ю.Н. Рериха, который провел в экспедициях достаточно много времени. Интересно, что само рождение Юрия в 1902 году произошло на Валдае, когда его отец занимался раскопками в уездах Новгородской губернии, а мать находилась неподалеку в селе Окуловка. Мальчик рос в семье, в которой любили путешествовать. В 1903–1904 годах родители Юрия совершили большую поездку по более чем сорока древнерусским и балтийским городам: «от Казани и до границы литовской» [1. С. 228].

Период конца XIX и начала XX веков стал эпохой замечательных открытий в Центральной Азии. Ю.Н. Рерих в студенческие годы не только изучал историю азиатских экспедиций, но и сам мечтал когда-либо совершить далекое

путешествие. Его научный руководитель в Гарварде профессор санскрита Ч. Ланман считал обязательным, чтобы его ученики выезжали в исследовательские командировки. Рерих даже планировал самостоятельную поездку в Индию, но ее пришлось отложить из-за намерения отправиться туда всей семьей несколькими годами позже. Известно, что отец Юрия давно хотел совершить большое индийское путешествие. Проживая в Лондоне в 1920 году, Рерихи уже готовы были отправиться в Индию, и даже были куплены билеты на пароход, но поездка тогда так и не состоялась по финансовым причинам.

Ю.Н. Рерих получил лучшее по тем временам востоковедное образование, знал целый ряд восточных языков. Более того, в Париже он прослушал курсы лекций по военному делу у знаменитого военного теоретика Н.Н. Головина. Вопросы охраны конвоев, сторожевой службы, топографии, позволяющей хорошо знать карты, уметь их чертить, составлять маршруты, были для Юрия хорошо знакомы. Кроме того, есть свидетельства о том, что он занимался верховой ездой в Специальной военной школе недалеко от Версаля. Таким образом, он получил отличную подготовку для экспедиционной работы в труднодоступных и малоизученных регионах внутренней Азии.

Рерих работал в двух больших экспедициях, и в целом ряде малых. К большим экспедициям относится Центрально-азиатская экспедиция 1923–1925 годов¹ и Маньчжурская экспедиция 1934–1935 годов. К малым можно отнести экспедиции, проведенные в рамках Института гималайских исследований «Урусвати», организованного Рерихами в долине Куллу (Индия). К последним относятся: археологические исследования погребений близ Пондичерри 1930 года, экспедиции в северо-западный район Гималаев (Лахуль, Кейланг, долины реки Бханга и Чандра). Для Ю.Н. Рериха годы, проведенные в экспедициях, наложили отпечаток на всю его научную деятельность.

Исследование проблемы

Центрально-азиатская экспедиция стала особой вехой в жизни молодого ученого, которому на начало путешествия было чуть больше двадцати лет. Она стартовала в мае 1923 года из Нью-Йорка и, сделав остановку в Европе, прибыла в декабре того же года в Дарджилинг (Индия). Закончилась она в мае 1928 года также в Дарджилинге и была, таким образом, как бы закольцована. Экспедиция проходила под руководством отца Юрия и в историю она вошла как Центрально-азиатская экспедиция Н.К. Рериха. Кроме отца Юрия в экспедиции участвовала и его мать – Е.И. Рерих.

Центрально-азиатскую экспедицию Н.К. Рериха можно разбить на несколько различных по времени этапов, каждый из которых отличался своими особенностями и стоящими перед ее участниками задачами. Условно можно обозначить следующие ее этапы: сиккимский период – декабрь 1923 года–

---

¹ Отсчет экспедиции чаще всего ведется от 1925 года, исключая ее сиккимский период. Ю.Н. Рерих в монографии [2] указывает начало экспедиции в 1923 году. Позже в статьях он указывал начало экспедиции в 1925 году.

март 1925 года; кашмирско-ладакский период – март–октябрь 1925 года; восточно-туркестанский период – октябрь 1925 года – май 1926 года; алтайско-сибирский период – 26 июля – 3 сентября 1926 года; пребывание в Улан-Баторе с 12 сентября 1926 года до 13 апреля 1927 года; Тибетский поход – апрель 1927 года – май 1928 года.

На Юрия Рериха в этой экспедиции были возложены достаточно большие и ответственные участки работы – это транспорт и охрана каравана, составление маршрута, рекогносцировка на местности, фотографирование. Он также занимался приобретением и ремонтом необходимого снаряжения, кормов для караванных животных, наймом и обучением технического персонала. Он вел переговоры с местными чиновниками и населением, выступал как переводчик с тибетского. Юрий, как и все члены семьи, писал путевой дневник, а также занимался обширной научной работой. Он участвовал в собирании коллекций книг, предметов искусства, археологических артефактов, древнего вооружения, многие из которых потом стали экспонатами в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке.

О целях экспедиции Ю.Н. Рерих писал следующее: «Основная цель экспедиции заключалась в создании живописной панорамы земель и народов Внутренней Азии; об уникальном достижении этой цели свидетельствуют 500 картин профессора Рериха, привезенные из экспедиции и представленные в постоянной экспозиции в Музее Рериха в Нью-Йорке. Вторая задача экспедиции состояла в разведке существующих возможностей для новых археологических изысканий, позволяющей наметить направление будущих предприятий в этой области. Третьей задачей являлся сбор обширного этнографического и лингвистического материала, иллюстрирующего культуру этих районов» [3. С. 10]. Конечно, экспедиция решала и другие важные задачи. Именно вторая и третья задачи находились в поле зрения молодого ученого.

Кратко перечислим деятельность ученого на каждом этапе экспедиции.

В Сиккимский период усилия Юрия Рериха были направлены на изучение тибетского буддизма, а также совершенствование тибетского языка, который он изучал в Сорбонне под руководством известного тибетолога и исследователя Тибета профессора Жака Бако (1877–1965).

Из Дарджилинга, где находилась штаб-квартира рериховской экспедиции, помимо посещения местных буддийских обителей была предпринята поездка по следующим сиккимским монастырям: Ташидинг, Пемайанцзе, Дубди, Санга Челлинг, Далинг, Роблинг. Изучение истории этих монастырей, беседы с их настоятелями и монахами давали хорошую возможность для изучения тибетской культуры. Под влиянием отца Юрий погрузился в изучение тибетской живописи. Он изучал историю тибетской иконографии, а также символику буддийских изображений. Исследовательская работа в области тибетской иконографии пробудила интерес ученого к коллекционированию тибетских тханок. Особенностью собираемой коллекции являлось либо высокое художественное качество, либо уникальность образов, а также живописного исполнения.

Результатом исследования стала монография «Tibetan paintings» («Тибетская живопись») [4], которая вышла в Париже в 1925 году на английском

языке. Работа молодого ученого стала первым научным исследованием тибетской живописи и внесла заметный вклад в тибетологию. Часть собранной коллекция тханок экспонировалась в Музее Н. Рериха в Нью-Йорке в 1925 и 1928 годах. Впоследствии тханки Ю.Н. Рериха попали в Эрмитаж и Государственный музей Востока в Москве.

В Сиккиме Рерих начинает работать над Тибетско-русско-английским словарем с санскритскими параллелями. Работа над ним продолжалась на протяжении всей его жизни. Этот словарь был опубликован его учениками Ю.М. Парфионовичем и В.С. Дылыковой уже после ухода Рериха из жизни [5].

Кашмирско-ладакский период для Юрия был отмечен продолжением изучения буддизма в его западно-тибетской форме, где превалировал культ Будды грядущего Майтрейи. В Ладакхе также была осуществлена исследовательская поездка по крупным буддийским монастырям (Мульбекх, Ламаюру, Алчи, Ликир, Базго, Селджанг, Спитуг, Самкар, Хемис, Тикси), а также монастырям столицы Леха. Помимо монастырей изучались и другие буддийские памятники: рельефы и надписи на скалах, а также ступы и мендонги. Однако не только буддийское наследие интересовало Рериха в этом регионе Азии. Не прошли мимо его внимания и такие археологические памятники Ладакха, как древние рисунки горных козлов, охотников с луками, знаков креста и свастики – артефакты периода древних миграций. В рамках этнографических исследований были собраны легенды о царе-воине Гесэре и Будде грядущего Майтрейе.

Результаты исследования ладакского периода были описаны в монографии [2]. Материалы ладакских исследований также вошли в ряд лекций, которые Ю.Н. Рерих прочитал в Америке. Об особенностях культуры Ладакха в 1950 году Рерих опубликовал статью [6, см. русск. перевод в [7].

Восточно-туркестанский период был отмечен изучением центрально-азиатского буддизма, а также историей древних городов-оазисов вдоль Великого Шелкового пути. Интересны были Рериху и поиски остатков культуры тохароязычных племен в Центральной Азии, их пути проникновения в Индию. Рерих начал интересоваться тохарами еще в студенческие годы. Свой интерес к этому во многом загадочному народу он пронес через всю жизнь, пытаясь решить так называемую тохарскую проблему [8, 9].

Изучая центрально-азиатский буддизм, Рерих пришел к выводу о тесной связи его с индийским буддизмом. Проникновение санскрита далеко от индийских границ позволило донести до центрально-азиатских народов сокровища индийской мысли. Рерих выдвинул идею о культурном единстве Азии в первом тысячелетии нашей эры, в формировании которого главную роль сыграл буддизм. По результатам исследований в этом периоде экспедиции Рерих написал ряд статей о роли буддизма в культурном объединении Азии [10, 11].

Алтайско-сибирский период был достаточно кратким. Тем не менее, и здесь удалось провести исследовательскую работу. Она касалась изучения древней кочевой культуры, вопросов древних миграций народов, связи старобрядческих сказаний Сибири и Алтая с некоторыми легендами Востока, такими как повествования об ушедших племенах, подземных городах, царе-

герое, Шамбале и приходе Майтрейи. Рерих отмечал большую роль Алтая в древней истории Азии. Он писал: «Богатые пастбища алтайских высокогорий, его хорошо укрытые долины и богатые минеральные ресурсы вполне объясняют большую роль, какую играл этот район в прошлом. Археологические раскопки в этом интересном районе находятся на начальной стадии, и можно ждать крупных открытий в будущем» [12. С. 242].

В Улан-Баторе экспедиция провела осенне-зимний период 1926–1927 года. Здесь Юрий изучал историю тибетского буддизма в Монголии, а также культуру кочевников Центральной Азии. Он замечал, что «менее удаленная, чем Лхаса, Урга дает больше возможностей западному ученому, интересующемуся буддизмом и прошлым Монголии. Помимо государственной библиотеки, он найдет многочисленные частные собрания и добровольных помощников для научной работы» [12. С. 245]. Для Ю.Н. Рериха Монголия имела особое значение. В его жилах текла частица монгольской крови. Его прабабка по материнской линии была монголкой. Монгольские черты угадывались и в его облике, особенно это наблюдалось в старшем возрасте.

Рерих хорошо знал историю Монголии, говорил на монгольском языке. Обучаться монгольскому он начал еще в школе, язык ему преподавал профессор Санкт-Петербургского университета А.Д. Руднев. В Улан-Баторе его наставником был молодой монгол Бат-Очирын Содов, а уже в зрелом возрасте он совершенствовал монгольский язык вместе со своим аспирантом в Институте востоковедения АН СССР Шегдарыном Бирой. Сохранилась аудиозапись сделанного на монгольском языке доклада Рериха на Первом Международном конгрессе монголоведов, прошедшем в Улан-Баторе в 1959 году.

Монгольской теме Рерих посвятил целый ряд своих публикаций. Основной нотой в них звучит тема великого прошлого Монголии, и ее значение для всей истории евразийского континента. Он писал: «Поход монголов и союзных им народов поставил Европу лицом к лицу со всем Средним и Дальним Востоком. Культурное значение этого вторжения гораздо более значительно, чем те разрушения и потери, которые его сопровождали. Достаточно вспомнить посольства папских легатов, храбро преодолевших опасности пустыни и проникших до самых пределов Китая» [13. С. 298]. Рерих отмечал внутреннюю близость сознания монголов народному менталитету русских с их самоотверженностью и стремлению к подвигу. Через монголов Россия в свое время стала в том числе и буддийской державой.

В экспедиционном дневнике Рерих дал прекрасный историко-культурный обзор Улан-Батора середины 1920-х годов. Он отмечал изменения, которые произошли в Монголии после гражданской войны 1919–1922 годов. Особое внимание он уделял описанию буддийских храмов и монастырей. Его наблюдения особенно ценны, так как во время гонений на буддизм в 1930-е годы все монгольские монастыри, кроме одного, были разрушены. Более того, остались сделанные Рерихом снимки улан-баторских храмов, их интерьеров, а также церемонии цам и проведения новогодних празднеств.

Рериховская экспедиция в Улан-Баторе ненадолго пересеклась с экспедицией П.К. Козлова, которая недавно вернулась из северного Китая.

Сохранилась фотография [14. С. 90], на которой изображены среди других участников Юрий Николаевич с отцом и П.К. Козлов с женой Е.В. Козловой, которая принимала участие в экспедиции. Позже Ю.Н. Рерих изучал материалы экспедиций Козлова и неоднократно упоминал их в своих работах.

Тибетская часть экспедиции была не только самой трудной в плане экстремальности пути через пустынные высокогорья и перевалы, но и была полна драматических эпизодов, когда произошел арест экспедиции лхасскими властями на подступах к пограничному пункту Нагчу. Экспедиции пришлось в ожидании пропуска провести долгих пять зимних месяцев в условиях ужасных морозов, сильных ветров и отсутствия кормов для караванных животных, которые почти все погибли. Чудом удалось избежать смерти основным участникам похода. Дневник Тибетского похода Ю.Н. Рериха опубликован в [15].

Полученное, наконец, разрешение двигаться дальше уже не предполагало прежний путь, и в итоге планируемый маршрут экспедиции пришлось изменить. Тибетские власти направили Рерихов в обход основного пути через малообитаемые территории. Несмотря на дополнительные затраты, так как этот путь был длиннее, экспедиции благополучно удалось им пройти. Более того, было сделано важное открытие. В области Великих озер Тибета была обнаружена относящаяся к эпохе древних миграций мегалитическая культура. Обнаруженные памятники были описаны и нанесены на карту. Интересными находками экспедиции на тибетском этапе также стали предметы, украшенные звериным орнаментом, близким по своим образцам скифо-сибирскому звериному стилю, широко распространенному в Евразии.

Анализ древней культуры, обнаруженной в Тибете, Ю.Н. Рерих представил в монографии «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», которая была опубликована в Праге в 1930 году [16]. В ней он опубликовал собственные схемы-рисунки мегалитов, а также карту Центрального Тибета с обозначением найденных памятников. Таким образом, были намечены цели для дальнейшего исследования. Анализируя находки, Рерих пришел к выводу, что границы распространения звериного стиля в Азии нужно отодвинуть значительно южнее – в область Северного и Центрального Тибета, вплоть до Трансгималаев. Это открытие стало важным научным результатом экспедиции. До этого считалось, что распространение искусства звериного стиля ограничивается с юга горами Тянь-Шаня и хребтами Монгольского Алтая.

После экспедиции Ю.Н. Рерихом было опубликовано несколько монографий и ряд статей, прочитаны лекции, организованы музейные экспозиции. Ее результаты легли в основу учрежденного Рерихами в 1928 году в долине Куллу (Индия) Института Гималайских исследований, директором которого был назначен Ю.Н. Рерих. Находясь на этом посту, Рерих продолжал исследования, начало которым было положено в экспедиционные годы. Знания и впечатления, полученные в экспедиции, вдохновляли Рериха до конца жизни.

Основные результаты экспедиции были представлены ученым в монографии «По тропам Срединной Азии. Пять лет полевых исследований с Центрально-Азиатской экспедицией Рериха», опубликованной на английском

языке в США в 1931 году [2]. В 1933 году в Париже вышел французский перевод [17]. Рерих был благодарен своим родителям за те годы, которые они провели в азиатских странствиях. В слове от автора он написал: «Я посвящаю эту книгу своим родителям, которые подвигли меня на стезю науки и с детства вдохнули в мою душу жажду новых открытий и исканий» [3. С. 11].

Монография состоит из небольшого вступления и 19 глав. Описание путешествия Рерих начал с 6 марта 1925 года – даты отъезда из Дарджилинга. Закончил же датой 26 мая 1928 года, когда экспедиция вернулась в Дарджилинг. Описание охватывает все этапы, кроме алтайско-сибирского. Каждая глава имеет законченный характер и выглядит как отдельная статья. В монографии представлены существующие на тот момент карты с нанесенным маршрутом экспедиции, а также многочисленные фотографии.

Рерих придерживался традиции описания экспедиций, как это делали его предшественники – Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, Г.Н. Потанин. Они опубликовали по итогам своих путешествий книги, написанные ярким, захватывающим языком, являющееся интересными для читателя и спустя многие годы. Такова монография и Ю.Н. Рериха. Помимо научного анализа, в котором он представил аналитические обзоры предыдущих исследований Центральной Азии, а также результаты своих собственных исследований, в повествование были включены литературные вкрапления, написанные увлекательным, живым языком. Рерих следует уже апробированному в первых своих монографиях методу делать обширный исторический экскурс и одновременно касаться многих тем.

Заключение

Как вывод данного исследования можно заключить, что Рерих внес заметный вклад в историю российских экспедиций в Центральную Азию. Впервые научная экспедиция смогла пройти от Монголии до Индии через весь Тибет. Рерих явился продолжателем исторической преемственности ученых-исследователей Азии. Его работы на основе экспедиционных материалов дополнили и расширили научное знание о регионах, бывших до того момента малоизученными. Описание труднодоступных местностей Центрального Тибета, сделанное Ю.Н. Рерихом, до сих пор считается уникальным. По прошествии времени оно становится еще более значимым, так как во второй половине XX века в Тибете произошли сильные как политические, так и цивилизационные сдвиги. Ни теократического Тибета, ни кочевых племен, в том виде как их видел Рерих, больше не существует.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Рерих Н.К.* Чутким сердцам // Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1 (1931–1935). 2-е издание. М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 1999. С. 228–231.
- [2] *Roerich G.* Trails to Inmost Asia: Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition. Preface L. Marin. New Haven: Yale University, 1931. P. 504

- [3] *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Пять лет полевых исследований с Центрально-Азиатской экспедицией Рериха. Пер. с англ. М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2012. С. 780
- [4] *Roerich G.* Tibetan Painting. Paris: Geuthner, 1925. P. 95.
- [5] *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дылыковой. Вып. 1–11. М.: Наука, 1983–1993.
- [6] *Roerich G.* Ladakh // *Maṅga-Bodhi*. Calcutta. 1950. Vol. 58. № 12. P. 407–409.
- [7] *Рерих Ю.Н.* Ладак // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы / Ред. М.И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999. С. 123–126.
- [8] *Рерих Ю.Н.* Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 118–123.
- [9] *Рерих Ю.Н.* Память о тохарах в Тибете // Краткие сообщения Института народов Азии. 1964. № 65. С. 140–143.
- [10] *Рерих Ю.Н.* Культурное единство Азии // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы / Ред. М.И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999. С. 20–27.
- [11] *Рерих Ю.Н.* Буддизм и культурное единство Азии // Рерих Ю.Н. Буддизм и культурное единство Азии. М.: МЦР, 2002. С. 10–12.
- [12] *Рерих Ю.Н.* Экспедиция академика Рериха в Центральную Азию // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы / Ред. М.И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999. С. 236–254.
- [13] *Рерих Ю.Н.* Монголия. Путь завоевателей // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы / Ред. М.И. Воробьева-Десятовская. Самара: Агни, 1999. С. 288–315.
- [14] *Юсупова Т.И.* Семантика и символика одной фотографии // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»: Том II: Новая Россия на пути к единству человечества. СПб. – Вышний Волочек: Рериховский центр СПбГУ; Ирида-прос, 2005. С. 88–93.
- [15] *Рерих Ю.Н.* Дневник экспедиции в Тибет (1926–1928) // Рерих Ю. Тибет и Центральная Азия. Т. II. Статьи. Дневники. Отчеты. Ред. В.А. Росов. М.: Рассанта, 2012. С. 79–164.
- [16] Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. Прага: Seminarium Kondakovianum, типография «Политика», 1930.
- [17] *Roerich G.* Sur les Pistes de l'Asie Centrale. Texte francais de M. de Vaux-Phalipau. Preface de Louis Marin. – Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1933. P. 295

REFERENCES

- [1] Rerih NK. Chutkim serdcam [To the sensitive hearts]. Rerih NK. *Listy dnevnika* [The Diary Sheets]. Vol. 1 (1931–1935). 2nd ed., Moscow: International Center of the Roerichs, Master-Bank, 1999. P. 228–231. (In Russ.).
- [2] Roerich G. *Trails to Inmost Asia: Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition*. Preface L Marin. New Haven: Yale University, 1931.
- [3] Rerih YuN. *Po tropam Sredinnoj Azii. Pyat' let polevyh issledovanij s Central'no-Aziatskoj ekspediciej Rerihha*. By ed. MI Vorob'eva-Desyatovskaya [Trails to Inmost Asia. Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition. In: Vorob'eva-Desyatovskaya MI., editor]. Trans. from eng. Moscow: International Center of the Roerichs, Master-Bank. 2012. (In Russ.).
- [4] Roerich G. *Tibetan Painting*. Paris: Geuthner, 1925.
- [5] Rerih YuN. *Tibetsko-russko-anglijskij slovar' s sanskritskimi parallelyami*. By ed. Yu. Parfionovich, V. Dylykova [Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. In: Parfionovich Yu., Dylykova V., editors]. Vol. 1–11. Moscow: Nauka, 1983–1993.

- [6] Roerich G. Ladakh. *Maha-Bodhi*. Calcutta, 1950; (58, № 12): 407–409.
- [7] Rerih YuN. Ladakh [Ladakh]. Rerih YuN. *Tibet i Central'naya Aziya: Stat'i, lekcii, perevody*. By ed. MI Vorob'eva-Desyatovskaya [Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations. In: Vorob'eva-Desyatovskaya MI., editor]. Samara: Agni, 1999. P. 123–126. (In Russ.).
- [8] Rerih YuN. Pamyat' o toharah v Tibete [The Memory of Tokharians in Tibet]. *Kratkie soobshcheniia Instituta narodov Azii*. 1964; (65):140–143. (In Russ.).
- [9] Rerih YuN. Toharskaya problema [Tokharian Problem]. *Narody Azii i Afriki*. 1963;(6):118–123. (In Russ.).
- [10] Rerih YuN. Kul'turnoe edinstvo Azii [Cultural Unity of Asia]. Rerih Yu. *Tibet i Central'naya Aziya: Stat'i, lekcii, perevody*. By ed. MI Vorob'eva-Desyatovskaya [Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations. In: Vorob'eva-Desyatovskaya MI., editor]. Samara: Agni, 1999. P. 20–27. (In Russ.).
- [11] Rerih YuN. Buddizm i kul'turnoe edinstvo Azii [Buddhism and cultural Unity of Asia]. Rerih YuN. *Buddizm i kul'turnoe edinstvo Azii* [Buddhism and cultural Unity of Asia]. Moscow: International Center of the Roerichs, 2002. (In Russ.).
- [12] Rerih YuN. Ekspediciya akademika Rerihy v Central'nuyu Aziyu [Expedition of academician NK. Roerich in the Central Asia]. Rerih Yu. *Tibet i Central'naya Aziya: Stat'i, lekcii, perevody*. By ed. MI Vorob'eva-Desyatovskaya [Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations. In: Vorob'eva-Desyatovskaya MI., editor]. Samara, Agni, 1999. (In Russ.).
- [13] Rerih YuN. Mongoliya. Put' zavoevatelej [Mongolia. The Way of Conquerors]. Rerih Yu. *Tibet i Central'naya Aziya: Stat'i, lekcii, perevody*. By ed. MI Vorob'eva-Desyatovskaya [Tibet and Central Asia: Articles, Lectures, Translations. In: Vorob'eva-Desyatovskaya MI., editor]. Samara: Agni, 1999. P. 29–55. (In Russ.).
- [14] Yusupova TI. Semantika i simbolika odnoj fotografii [Semantics and symbolism of some photograph]. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Rerihovskoe nasledie»: T. II: Novaya Rossiya na puti k edinstvu chelovechestva [International scientific and practical conference “Roerich’s heritage”: Vol. II: New Russia on the way of human unity]. Sant Petersburg – Vyshnii Volochok: Rerihovskij centr SPbGU; Isd-vo “Irida-Pros”, 2005. P. 88–93. (In Russ.).
- [15] Rerih YuN. Dnevnik ekspedicii v Tibet (1926–1928) [The Expedition’s Diary to Tibet. (1926–1928)]. Rerih Yu. *Tibet i Central'naya Aziya: T. II. Stat'i. Dnevniki. Otchyoty*. By ed. VA Rosov [Tibet and Central Asia. Vol. II. Articles, Diaries, Reports. In: Rosov VA., editor]. Moscow: Rassanta, 2012. P. 35–39. (In Russ.).
- [16] Roerich G. *Animal style among the nomad tribes of Northern Tibet*. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1930.
- [17] Roerich G. *Sur les Pistes de l'Asie Centrale*. Texte francais de M. de Vaux-Phalipau. Preface de Louis Marin. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1933.

Информация об авторе:

Шустова Алла Михайловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра Индийских исследований Института востоковедения РАН, Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12, e-mail: parinama@yandex.ru

Information about the author:

Shustova Alla Mihaylovna – PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: parinama@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-167-176

Научная статья / Research article

Персидская торговля на Нижегородской ярмарке во второй половине XIX – начале XX в. и проблема транспортировки товаров

Г.Г. Корноухова*, Ю.О. Царева

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
*kornoukhova-gg@rudn.ru

Аннотация. В статье показана роль Нижегородской ярмарки как важнейшего пункта российско-персидского товарооборота второй половины XIX – начала XX в.; рассматривается проблема перевозки товаров из Персии в Нижний Новгород и в обратном направлении. На основе впервые вводимых в научный оборот документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, авторы показывают неэффективность работы акционерного общества «Кавказ и Меркурий», фактически монополизировавшего товароперевозки по Каспийскому морю в рассматриваемый период. Крайне низкая скорость доставки российских товаров, закупленных персидскими купцами на Нижегородской ярмарке, наносила ущерб не только частным коммерсантам, задействованным в российско-персидской торговле, но и неизбежно влекла за собой снижение показателей товарооборота в целом между двумя государствами.

Ключевые слова: торговля России со странами Востока, персидская торговля, транспортировка товаров в Персию, транспортная система

История статьи: Поступила в редакцию: 04.12.2020. Принята к публикации: 12.03.2021.

Для цитирования: Корноухова Г.Г., Царева Ю.О. Персидская торговля на Нижегородской ярмарке во второй половине XIX – начале XX в. и проблема транспортировки товаров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 2. С. 167–176. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-167-176

Persian trade at the Nizhny Novgorod Fair in the second half of the 19th – early 20th century and the problem of goods transporting

G.G. Kornoukhova*, Y.O. Tsareva

Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklay street, Moscow, Russian Federation, 117198
*Corresponding author: kornoukhova-gg@rudn.ru

Abstract. The article shows the role of the Nizhny Novgorod Fair as the most important point of the Russo-Persian trade in the second half of the 19th – early 20th century. The problem

© Корноухова Г.Г., Царева Ю.О., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

of transportation of goods from Persia to Nizhny Novgorod and in the opposite direction is also considered. This research is based on the body of documents stored in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and introduced into scientific circulation for the first time. On the base of them the authors show the inefficiency of activity of the “Caucasus and Mercury” Company, which actually monopolized the goods transportation across the Caspian Sea during the revised period. The extremely low speed of delivery of Russian goods purchased by Persian merchants at the Nizhny Novgorod Fair damaged not only private merchants’ commerce, involved in Russian-Persian trade, but also inevitably entailed a decrease in the overall trade between the two states.

Key words: trade between Russia and the countries of the East, Persian trade, transportation of goods to Persia, transport system

Article history: Received: 04.12.2020. Accepted: 12.03.2021.

For citation: Kornoukhova G.G., Tsareva Yu.O. Persian trade at the Nizhny Novgorod fair in the second half of the 19th – early 20th century and the problem of goods transporting. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(2):167–176. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-167-176

Введение

В настоящее время геополитического разворота РФ с Запада на Восток все большую актуальность приобретает изучение истории торговых отношений России с восточными государствами, среди которых одним из ведущих партнеров Российской империи являлась Персия.

Со второй половины XIX в. сюда началось заметное проникновение российских торговых капиталов. В свою очередь, персидские купцы все активнее стали ввозить свои товары в пределы России. Одним из мест его сосредоточения становится Нижегородская ярмарка.

Изучение ее феномена началось уже в первой половине XIX в. и продолжалось вплоть до 1917 г. Работы исследователей той эпохи носят нарративный характер и в основном содержат описание происходивших событий во время торгов на Нижегородской ярмарке или деятельности ярмарки в целом [1–7]. В советский период после непродолжительного внимания к Нижегородской ярмарке в 1920-е гг. в связи с обсуждением необходимости восстановления ее работы для активизации торговых отношений с ближневосточными государствами интерес к ней на долгие годы пропал [8–11]. Его восстановление произошло лишь в постсоветское время и успешно продолжается на современном этапе. Авторами рассматривается география межрегиональных торговых связей Нижегородской ярмарки и определяются факторы, влиявшие на процесс их развития [12]; изучается вопрос о роли Нижегородской ярмарки в системе международного рынка [13–14]. При этом исследователями отмечается доминирование среди иностранных торговцев представителей Востока – Китая и Персии [15]. Отдельно объясняется стремительный рост количества представителей последнего государства в 60-е гг. XIX в. возникновением жесткого хлопкового кризиса из-за начала гражданской войны в Северной Америке. Образовавшийся дефицит удалось решить за счет завоза хлопка персидскими купцами, которые с этого момента прочно заняли свои

торговые позиции на Нижегородской ярмарке и успешно удерживали их до конца ее функционирования в истории Российской империи [16–17]. Особенности делового поведения мусульманских предпринимателей, в том числе персидских, на основе архивных материалов Нижегородского ярмарочного биржевого комитета рассматривает исследователь Г.Г. Корноухова [18].

Между тем, несмотря на наличие определенного исследовательского интереса к проблеме персидской торговли на Нижегородской ярмарке в отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные проблемам транспортировки персидских товаров на ярмарку и вывоза российских грузов в Персию для их дальнейшей реализации купцами на местном рынке. В то же время товародвижение от места производства или приобретения товара к месту его продажи и использования является одним из важнейших факторов, влияющих на успешность торговой операции. Здесь ключевую роль играют такие моменты, как уровень цен, установленных перевозчиком, своевременность доставки и состояние товара в момент его прибытия к месту назначения. В настоящей статье авторы ставят задачу рассмотреть вопрос транспортировки товаров из Нижнего Новгорода до Персии и выявить основные проблемы, возникавшие при ее осуществлении.

Товарооборот Нижегородской ярмарки

Нижегородская ярмарка впервые была открыта 20 июля 1817 г. и стала стремительно развиваться, превратившись по своим размерам в город примерно с тридцатью улицами, десятью площадями и разветвленной инфраструктурой, включавшей в себя банки, почту, телеграф, предприятия общественного питания, гостиницы, постоялые дворы, бани, больницы, театры, цирк и т.д. Ярмарка открывалась ежегодно 15 июля и официально закрывалась 25 августа. Однако в действительности торговля на ней продолжалась до 10 сентября [19. С. 71, 73].

Показатели по количеству привезенного товара на Нижегородскую ярмарку из года в год, в целом, демонстрировали свою положительную динамику не только в первой, но и во второй половине XIX в., когда в целом по стране ярмарочная торговля падала в связи с развитием железных дорог и водного транспорта и, как следствие, распространением форм постоянной торговли – торговли через склады, магазины и лавки. Для получения конкретных данных по объему привозимого на Нижегородскую ярмарку товаров обратимся к таблице № 1.

Основной объем составляли на ярмарке отечественные товары, среди которых главное место занимали ткани, металл, металлические изделия, пушнина, кожа, шерсть, хлеб.

Основными персидскими товарами на ярмарке были сухофрукты, хлопок, рис, ковры. В 70-е гг. XIX в. на нее приходилось в среднем до 95% всего привоза персидского товара. Кроме того, через Нижний Новгород персидский товар шел транзитом. Так, в 1914 г. только одной персидской бакалеи проследовало через ярмарочную территорию 553 тыс. пудов. С Нижегородской

ярмарки, в свою очередь, отправлялись в Персию крупные партии мануфактурного товара (в 1911 г. – 32 тыс. пудов, в 1914 г. – 53 тыс. пудов) [20. С. 33].

Таблица 1 / Table 1

**Привоз товаров на Нижегородскую ярмарку 1817–1912 гг. /
Goods delivery to the Nizhny Novgorod Fair in 1817–1912**

Годы / Years	Привоз товаров, млн руб. / Goods Delivery, million rubles	Год / Years	Привоз товаров, млн руб. / Goods Delivery, million rubles
1817–1826	36	1887–1896	177
1827–1836	35	1897–1906	146
1837–1846	48	1908	194
1847–1856	60	1909	189
1857–1866	104	1910	199
1867–1876	155	1911	190
1877–1886	191	1912	195

Источник / Source: [10. С. 35]

Транспортировка товаров

Что касается транспортировки товаров из Персии в Нижний Новгород, то первоначально она осуществлялась сухим путем к портовым городам южного побережья Каспийского моря и далее грузы переправлялись по воде в Баку и Астрахань. Затем товары грузились на корабли, следовавшие по Волге к нижегородским причалам. Пароходы были деревянные, очень тяжелые, с большой осадкой, часто садились на мель. Путь от Астрахани до Нижнего Новгорода составлял порядка четырех недель [21].

По волжскому маршруту Астрахань – Нижний Новгород – Астрахань ходили суда пароходного общества «По Волге», образованного в 1842 г., в 1849–1850 гг. было создано пароходное общество «Меркурий», а в 1858 г. образовалась транспортная компания «Кавказ и Меркурий» (далее – КиМ), ставшая крупнейшим перевозчиком пассажиров и грузов, как по Волге, так и по Каспийскому морю.

Привилегированное положение КиМ, связанное с оказывавшейся ему государственной финансовой поддержкой, привело к тому, что данная компания стала постепенно монополизировать каспийскую акваторию [22. С. 674–679]. Это, в свою очередь, лишало клиентов возможности выбирать себе перевозчика и вынуждало ограничиваться услугами лишь одной компании. Последняя, в свою очередь, в условиях фактического отсутствия конкуренции освобождалась от необходимости улучшать качество предоставлявшихся клиентам услуг и провоцировала многочисленные жалобы с их стороны в свой адрес.

Так, к примеру, по отзывам персидских купцов, проживавших в Шахруде, Астрабаде и Барфуруше, доставка товара в 1889 г. с Нижегородской ярмарки на Гязский берег в Мешедесер была крайне медленной. Товар, купленный там и сданный обществу «КиМ» 5 сентября 1889 г., был доставлен в

Мешедесер не раньше, чем через пять месяцев. Поздняя доставка принесла персидскому купечеству убыток, достигавший трех тысяч туманов (1. Л. 1), и вынудил исфаганского купца Мирзу Ниматуллу Ашимова принести жалобу на общество «КиМ» Председателю Нижегородского биржевого комитета П.В. Осипову следующего содержания: «...Наши неоднократные переговоры относительно улучшения путей, благодаря чему была бы достигнута более быстрая доставка товаров в Персию, принуждает меня в настоящее время обратиться Ваше благосклонное внимание на то уже через чур плачевное состояние, в котором находится в настоящее время наши торговые сношения с этой страной благодаря халатному отношению транспортного общества «Кавказ и Меркурий» получающее субсидию от Русского Правительства.

Вы крайне будете удивлены, Милостивый Государь, если я Вам скажу, что часть товаров, которые были нами отправлены для Персии с Нижегородской ярмарки, в прошлом 1889 г. по сие время еще не доставлены по назначению. Происходит это оттого, что Общество «Кавказ и Меркурий» выгружает товары идущие из России в промежуточные порты Каспийского моря, не доставляя их прямо в тот порт, куда им было назначено и откуда эти товары могли бы быть отправлены немедленно дальше внутри Персии и оставлять их там до того времени, пока не находит для себя удобным, дать им дальнейшее направление <...> обращаю Ваше внимание, Милостивый Государь, на несправедливое обращение этого Общества с товароотправителями и на тот громадный ущерб, который мы терпим» (1. Л. 7–7 об.).

Как видим из документа, купец Ашимов в адрес КиМ высказал жалобу, во-первых, на «халатное» отношении этого Общества при перевозке товаров, во-вторых, на выгрузку их в промежуточных портах Каспийского моря.

Содержание этой жалобы стало известно Начальнику Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву, который, в свою очередь, дал поручение Управляющему консульством в Астрабаде А. Левицкому выяснить обстоятельства произошедшего инцидента. В результате проведенного расследования А. Левитским было составлено донесение на имя И.А. Зиновьева, в котором была воссоздана вся цепочка действий, связанных с транспортировкой товара из Нижнего Новгорода до Персии. Так, закупленный на Нижегородской ярмарке товар сдавался обществу «КиМ» для отправления в Персию двумя способами: или на срочно-пассажирские пароходы, или же на баржу. В первом случае с товароотправителя взимался повышенный фрахт и товар доставляется до Бендер-Гяза или в Мешедесера через 15–20 дней (1. Л. 2). Во втором же случае взималась уменьшенная такса, и товар принимался на баржу и остался здесь до тех пор, пока баржа не будет достаточно нагружена грузами от других отправителей. Затем буксирующий до Астрахани эту баржу пароход для окончательного ее наполнения грузом приставал с нею почти ко всем приволжским пристаням. Это занимало значительное количество времени. Иногда суда не успевали дойти до Астрахани до наступления морозов. Так произошло и в 1889 г., когда два парохода КиМ с товарами, предназначенными для Персии, вынуждены были зазимовать в Черном Яру.

Далее, когда товар поступал в астраханский порт, он перегружался на морские суда и перевозился в Баку и в Узун-Ада, где, в свою очередь, сортировался по местам назначения. Так как товар в Баку накапливался иногда до 12 тыс. кип (1. Л. 2 об.), то сортировка его, конечно, отнимала немало времени, и он, таким образом, оставался неотправленным довольно долгое время.

Вполне устоявшейся практикой было, что идущий из Баку почтовым рейсом и нагруженный товарами для Персии пароход вовсе не брал в Узун-Ада груза, предназначенного к отправлению на Гязский берег или в Мешедесер, а специально грузовых судов КиМ не посылал.

Принятый в Баку или Узун-Ада груз специально для Мешедесера очень часто, особенно зимой, вследствие сильного ветра и бурунов, не сдавался в месте выгрузки, и пароход на обратном пути из Мешедесера оставлял этот товар на барже Гязского рейда. Следующие же затем почтовые пароходы, шедшие в Мешедесер, отказывались взять с Гязской баржи Мешедесерский груз или потому, что они уже были полны товаром, или вследствие запаздывания не могли располагать временем для выгрузки в Мешедесере предлагаемого товара (1. Л. 3). То же произошло и в 1889 г., когда на Гязской барже накопилось мешедесерского товара до двух тысяч мест, и последние кипы сданы были в Мешедесер только в первых числах января уже 1890 г. (1. Л. 3 об.).

Частой практикой была также так называемая «засылка товарных мест», когда товар вместо Астрабада засылался либо в Ашхабад, либо в Астару. При обнаружении ошибки товар снова возвращался туда, откуда он был принят, т.е. в Баку или в Узун-Ада (1. Л. 3 об.).

Свое донесение Управляющий Консульством А. Левитский завершал следующими словами: «Хотя об этом неудобстве не раз было заявлено Обществу “Кавказ и Меркурий”, но никакого улучшения или облегчения в этом отношении до сих пор еще не последовало» (1. Л. 4 об.).

Выводы

Нижегородская ярмарка являлась важнейшим пунктом российско-персидского товарооборота в конце XIX – начале XX в. Транспортировка товаров на ярмарку из Персии и обратно осуществлялась водным путем – по Каспийскому морю и Волге, где со второй половины XIX столетия начался бурный рост судоходства, приведшего к образованию ряда крупных пароходных компаний. Крупнейшей из них стало акционерное общество «КиМ», монопольное положение которого на Каспийском море неизбежно должно было повлечь за собой отсутствие у компании стремления повышать уровень сервисного обслуживания своих клиентов. Материалы, связанные с его функционированием, подтверждают данную закономерность. Серьезной проблемой при транспортировке товаров указанным обществом из Нижегородской ярмарки в Персию стала крайне низкая скорость их доставки. Это, в свою очередь, приводило к тому, что персидское купечество несло серьезные убытки. Также снижался темп российско-персидского товарооборота, что наносило ущерб торговым отношениям двух стран. Понимание последнего вызывало

озабоченность со стороны российского правительства и заставляло его разбираться в конкретных проблемных ситуациях.

Между тем менять необходимо было положение, связанное с монополизацией морских перевозок, поддерживать развитие конкуренции в сфере торгового судоходства на Волге и Каспии. Российское же правительство проводило политику, противоположную этому курсу (См. подробнее об этом: [22]).

Примечание

- (1) Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2825.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Гурьянов И.Г.* Историческое обозрение Нижнего Новгорода и переведенной туда Макарьевской ярмарки: С планом оной и таблицею разстояния Нижнего Новгорода от знатнейших городов России. М., 1824.
- [2] *Зубов А. Н.* Полная история Нижегородской ярмарки, прежде бывшей Макарьевской: С подроб. описанием начала и постепен. возвышенности оной, и присовокуплением Истории самого Нижнего Новгорода, Макарьева и знаменитого Печер. монастырей, а равно и всего, нужного для торговцев ярмарки. М., 1837.
- [3] *Мельников П.И.* Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах. Н. Новгород, 1846.
- [4] *Безобразов В.П.* Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1865.
- [5] *Овсянников Н.Н.* О торговле на Нижегородской ярмарке. Н. Новгород, 1867.
- [6] *Канделаки И.* Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914.
- [7] *Мельников А.П.* Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. Н. Новгород, 1917.
- [8] *Мальшев С. В.* Нижегородская ярмарка 1924 г. Н. Новгород, 1924.
- [9] *Лаврухин А. Н.* Нижегородская ярмарка. М., 1925.
- [10] *Дрюбин Р., Ходорковский Н.* Итоги Нижегородской ярмарки. (Критический очерк). М., 1925.
- [11] *Арцимович И.* Нижегородская ярмарка и кустарная промышленность. М., 1926.
- [12] *Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка в системе межрегиональных торговых связей России в XIX – начале XX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. : сборник материалов Четвертой международной научной конференции. Н. Новгород, 2018. С. 338–345.
- [13] *Богородицкая Н.А.* Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX–XX вв. // Вопросы истории. 2012. № 4. С. 146–151.
- [14] *Шумилкин С.М.* Нижегородская ярмарка как центр международной торговли российской империи рубежа XIX–XX вв. // Приволжский научный журнал. 2012. № 4. С. 215–218.
- [15] *Выборнов А.Ю.* Нижегородская ярмарка в системе международного рынка в XIX – начале XX вв. // XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского: Материалы международной конференции. Н. Новгород, 2001. С. 39–43.
- [16] *Выборнов А.Ю.* Северо-Американская война и хлопковый кризис на Нижегородской ярмарке в 60-е гг. XIX в. // Владимир Даль и современная филология: Материалы международной научной конференции 22–23 ноября 2001. Нижний Новгород. Н. Новгород, 2001. С. 334–337.
- [17] *Грачева Е.З.* Торговые связи России и Ирана на Нижегородской ярмарке в 60–70-е гг. XIX в. // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии и

права: Межвузовский сборник научных трудов. Мордовский гос. пед. институт. Саранск, 2007. Вып. 1. С. 15.

- [18] Корноухова Г.Г. «Не обманешь – не продашь?»: К проблеме существования обмана в деловой культуре мусульманских предпринимателей Российской империи конца XIX – начала XX в. в торговой сфере // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 4. С. 128–144.
- [19] Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 т. М., 2009. Т. 2.
- [20] Иванова А.А., Иванов А.В. Нижегородская ярмарка: «Меновый двор Европы с Азией» (к двухсотлетию открытия Нижегородской ярмарки) // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 1. С. 29–36.
- [21] Медведева А.А. Страницы истории волжского судоходства (XIX – начало XX вв.) // Центральная городская библиотека г. Нижнего Новгорода [сайт]. URL: <http://www.gorbibl.nnov.ru/sudohodstvo> (дата обращения: 25.11.2020 г.).
- [22] Корноухова Г.Г. Роль российского правительства в развитии каспийской морской торговли с Персией во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 661–682.

REFERENCES

- [1] Gur'yanov IG. *Istoricheskoe obozrenie Nizhnyago Novgoroda i perevedennoi tuda Makar'evskoi yarmorki: S planom onoi i tablitsyu razstoyaniya Nizhnyago Novgoroda ot znatneishikh gorodov Rossii* [Historical review of Nizhnyago Novgorod and the Makaryevskaya fair transferred there: With the plan of this and the table of the distance of Nizhnyago Novgorod from the noble cities of Russia]. M., 1824 (In Russ.).
- [2] Zubov AN. *Polnaya istoriya Nizhegorodskoy yarmarki, prezhdе byvshey Makar'evskoy: S podrobnym opisaniem nachala i postepennosti vozvyshennosti onoy, i prisovokupleniem Istorii samogo Nizhnego Novgoroda, Makar'eva i znamenitogo Pecherskogo monastyrei, a ravno i vsego, nuzhnogo dlya torgovtsev yarmarki* [The complete history of the Nizhny Novgorod fair, the former Makarievskaya: With a detailed description of the beginning and gradual elevation of there, and the addition of the History of Nizhny Novgorod itself, Makariev and the famous Pecherskogo monasteries, as well as everything necessary for the traders of the fair]. M., 1837 (In Russ.).
- [3] Mel'nikov PI. *Nizhegorodskaya yarmarka v 1843, 1844 i 1845 godakh* [Nizhny Novgorod Fair in 1843, 1844 and 1845]. N. Novgorod, 1846 (In Russ.).
- [4] Bezobrazov VP. *Ocherki Nizhegorodskoi yarmarki* [Essays on the Nizhny Novgorod Fair]. M., 1865 (In Russ.).
- [5] Ovsyannikov NN. *O torgovle na Nizhegorodskoi yarmarke* [About trade at the Nizhny Novgorod Fair]. N. Novgorod, 1867 (In Russ.).
- [6] Kandelaki I. *Rol' yarmarok v russkoi torgovle* [The role of fairs in Russian trade]. St Petersburg, 1914 (In Russ.).
- [7] Melnikov AP. *Ocherki bytovoy istorii Nizhegorodskoy yarmarki* [Essays on the everyday history of the Nizhny Novgorod fair]. N. Novgorod, 1917 (In Russ.).
- [8] Malyshev SV. *Nizhegorodskaya yarmarka 1924 g.* [Nizhny Novgorod fair 1924] N. Novgorod, 1924 (In Russ.).
- [9] Lavrukhin AN. *Nizhegorodskaya yarmarka* [Nizhny Novgorod Fair]. M., 1925 (In Russ.).
- [10] Dryubin R., Khodorkovskiy N. *Itogi Nizhegorodskoi yarmarki (Kriticheskii ocherk)*. M., 1925 (In Russ.).

- [11] Artsimovich I. *Nizhegorodskaya yarmarka i kustarnaya promyshlennost* [Results of the Nizhny Novgorod Fair. (Critical essay)]. М., 1926 (In Russ.).
- [12] Bogoroditskaya NA. Nizhegorodskaya yarmarka v sisteme mezhregional'nykh trgovykh svyazei Rossii v XIX – nachale XX v. [Nizhny Novgorod Fair in the System of Interregional Trade Relations of Russia in the 19th – early 20th centuries] In: *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv. Sbornik materialov Chetvertoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th – 19th centuries. Collection of materials of the Fourth International Scientific Conference]. N. Novgorod, 2018, P. 338–345 (In Russ.).
- [13] Bogoroditskaya NA. The problem of mujadjirs in the Dahgestan epistolary sources, late 19th – early 20th centuries. *Voprosy istorii*. 2012; (4): 146–151 (In Russ.).
- [14] Shumilkin, SM. The fair of Nizhny Novgorod as the center of international trade of the Russian Empire at the end of the 19th and the beginning of the 20th cent. *Privolzhsky Scientific Journal*. 2012; (4): 215–218 (In Russ.).
- [15] Vybornov AYu. Nizhegorodskaya yarmarka v sisteme mezhdunarodnogo rynka v XIX – nachale XX vv. [Nizhny Novgorod Fair in the system of the international market in the 19th – early 20th centuries] In: *XII chteniya pamyati professora S.I. Arkhangel'skogo. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [XII readings in memory of professor S.I. Arkhangel'sk. Materials of the international conference]. N. Novgorod, 2001, P. 39–43 (In Russ.).
- [16] Vybornov A.Yu. Severo-Amerikanskaya voyna i khlopkovyi krizis na Nizhegorodskoi yarmarke v 60-e gg. XIX v. [The North American War and the Cotton Crisis at the Nizhny Novgorod Fair in the 60s. XIX century] In: *Vladimir Dal' i sovremennaya filologiya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 22–23 noyabrya 2001. Nizhnii Novgorod* [Vladimir Dal and modern philology. Materials of the international scientific conference 22-23 November 2001]. N. Novgorod, 2001, P. 334–337 (In Russ.).
- [17] Gracheva EZ. Torgovye svyazi Rossii i Irana na Nizhegorodskoi yarmarke v 60–70-e gg. XIX v. [Trade relations between Russia and Iran at the Nizhny Novgorod Fair in the 60s and 70s. XIX century] In: *Aktual'nye problemy istorii, arkheologii, etnografii i prava: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Mordovskiy gos.ped.institut* [Actual problems of history, archeology, ethnography and law: Interuniversity collection of scientific papers. Mordovian state ped. institute]. Issue 1. Saransk, 2007. P. 14–22 (In Russ.).
- [18] Kornoukhova GG. “No lies – no merchandize?”: The problem of deception in the muslim entrepreneurs' business culture of Russian Empire in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. *RUDN Journal of Russian History*. 2010; (4): 128–144 (In Russ.).
- [19] Bogoroditskaya NA. Nizhegorodskaya yarmarka [Nizhny Novgorod Fair]. In: *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (s drevneishikh vremen do 1917 g.)*: Entsiklopediya [Economic history of Russia (from ancient times to 1917): Encyclopedia]. In 2 vols. М., 2009. Vol. 2 (In Russ.).
- [20] Ivanova AA., Ivanov AV. Nizhny Novgorod Fair: “the exchange yard of europe and asia” (on the bicentenary of the Nizhny Novgorod Fair establishing). *Herald of Vyatka State University*. 2017; (1): 29–36 (In Russ.).
- [21] Medvedeva AA. Stranitsy istorii volzhskogo sudokhodstva (XIX – nachalo XX vv.) [Pages of the Volga shipping history (XIX – early XX centuries)]. In: *Tsentrāl'naya gorodskaya biblioteka g. Nizhnego Novgoroda* [Central City Library of Nizhny Novgorod]. Available from: <http://www.gorbibl.nnov.ru/sudokhodstvo> [Accessed: 25.11.2020] (In Russ.).

- [22] Kornoukhova GG. The role of the Russian government in the development of Caspian Sea trade with Persia in the second half of the 19th – early 20th century. *RUDN Journal of Russian History*. 2019; (3): 661–682 (In Russ.).

Информация об авторах:

Корноухова Гадия Гизатуллаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов, e-mail: kornoukhova-gg@rudn.ru
Царева Юлия Олеговна – магистрант кафедры истории России Российского университета дружбы народов, e-mail: zorkova1997@mail.ru

Information about the authors:

Kornoukhova Gadilya – PhD in History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: kornoukhova-gg@rudn.ru
Tsareva Yulia Olegovna – master of the Department of History of Russia, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: zorkova1997@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ STUDIES ON CHINESE HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-177-188

Научная статья / Research article

Причины, эволюция и последствия неравномерного регионального развития КНР в современный период истории: обзор подходов и практик в китайской науке

С.Б. Макеева

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук,
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский пр., д. 32А

Российский государственный социальный университет,
129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4
msbmag9581@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются исторические условия, причины, эволюция и варианты решения одной из актуальных проблем пространственной исторической динамики Китая в конце XX – начале XXI вв. – неравномерности регионального развития. Целью данной статьи является рассмотрение на китайском языке работ таких китайских ученых, как Ван Кэ, Ван Фэн, Ван Юньхуэй, Гань Чуньхуэй, Ли Чжуни, Лян Лунбинь, Ся Ваньцзюнь, Фань Цзяньюн, Ху Дали, Ху Шудун, Цай Фан, Чжоу Чжэ, Чжу Дэгуи, Чэнь Жун, Чэнь Чанши, Ши Линь, Шэнь Чжунцян по истории неравномерного регионального развития КНР и выделение на основе использования системного анализа и сравнительно-исторического метода исследования ведущих подходов и практических рекомендаций по преодолению диспропорциональных тенденций в региональном историческом и современном развитии Китая. К основным факторам, существенно влияющим на неравномерность регионального развития Китая в современный период истории, относятся: неравномерное развитие промышленности, распределение доходов по провинциям, иностранные инвестиции, сельское хозяйство, человеческий капитал и мобильность рабочей силы.

Ключевые слова: КНР, региональная история, неравномерность, региональная политика, китайские ученые

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00010 «Влияние неравномерного развития регионов России и Китая на межрегиональное двустороннее сотрудничество: сравнительно-историческое исследование».

История статьи: Поступила в редакцию: 17.08.2020. Принята к публикации: 24.11.2020.

© Макеева С.Б., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: *Makeeva C.B.* Причины, эволюция и последствия неравномерного регионального развития КНР в современный период истории: обзор подходов и практик в китайской науке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 2. С. 177–188. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-177-188

Causes, evolution and consequences of uneven regional development in the PRC in the modern period of history: an overview of approaches and practices in Chinese science

S.B. Makeeva

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
32 A, *Leninsky pr.*, Moscow, Russian Federation, 119991
Russian State Social University,
4, *st. Wilhelma Pika*, Moscow, Russian Federation, 129226
msbmag9581@yandex.ru

Abstract. This article examines the historical conditions, causes, evolution and options for solving one of the topical problems of the spatial historical dynamics of China in the late XX – early XXI centuries. – uneven regional development. The purpose of this article is to review in Chinese the works of such Chinese scholars as Wang Ke, Wang Feng, Wang Yunhui, Gan Chunhui, Li Zhuni, Liang Longbin, Xia Wanjun, Fan Jianyong, Hu Dali, Hu Shudong, Tsai Fang, Zhou Zhe, Zhu Degui, Chen Rong, Chen Changshi, Shi Lin, Shen Zhongqiang on the history of the uneven regional development of the PRC and highlighting the leading approaches and practical recommendations for overcoming disproportionate trends in the regional historical and modern development of China based on the use of system analysis and a comparative historical method. The main factors that significantly affect the uneven regional development of China in the modern period of history include: uneven industrial development, income distribution by provinces, foreign investment, agriculture, human capital and labor mobility.

Key words: PRC, regional history, unevenness, regional policy, Chinese scholars

Financing. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-014-00010 “The influence of uneven development of the regions of Russia and China on interregional bilateral cooperation: a comparative historical study”.

Article history: Received: 17.08.2020. Accepted: 24.11.2020.

For citation: Makeeva S.B. Causes, evolution and consequences of uneven regional development in the PRC in the modern period of history: an overview of approaches and practices in Chinese science. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(2):177–188. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-177-188

Введение

Для современной региональной истории КНР характерны такие процессы как обострение проблем неравномерности и диспропорциональности пространственной организации экономики, решение которых осуществлялось в результате региональной политики китайского руководства, опирающейся на комплексные исследования ведущих аналитических центров Китая.

В разработке программ по преодолению неравномерного регионального развития Китая в современный период истории сыграли значительную роль такие научно-исследовательские институты и «мозговые» центры КНР, как Китайская ассоциация зон развития, Институт территориального развития и региональной экономики, Институт развития сельских районов, Департамент стратегии развития и региональной экономики, Центр исследований проблем развития при Госсовете КНР.

Неравномерность регионального развития является одной из актуальных проблем пространственной исторической динамики Китая в конце XX – начале XXI вв. и характеризуется большим отклонением и существенным разрывом в уровнях социально-экономического роста между регионами страны. «Современный Китай демонстрирует мировому сообществу беспрецедентный продолжительный по времени экономический рост, сопровождающийся социальными преобразованиями и построением социально-ориентированной экономики, при этом в китайском обществе все еще сохраняются такие региональные проблемы, как разница в социально-экономическом развитии между городом и деревней, а также неравномерное социально-экономическое развитие северо-западных, северо-восточных, восточных и южных провинций» [1. С. 226].

Целью данной статьи является рассмотрение многочисленных источников на китайском языке по истории неравномерного регионального развития КНР и выделение на основе использования системного анализа и сравнительно-исторического метода исследования ведущих подходов и практических рекомендаций по преодолению диспропорциональных тенденций в региональном историческом и современном развитии Китая. Анализируя экономическую историю неравномерного регионального развития КНР, необходимо опираться на рассмотрение пятилетних планов, реализуемых в период после образования КНР. Особую значимость представляют монографические работы таких китайских ученых экономистов, историков как, Ван Кэ, Ван Фэн, Ван Юньхуэй, Гань Чуньхуэй, Ли Чжуни, Лян Лунбинь, Ся Ваньцзюнь, Фань Цзяньюн, Ху Дали, Ху Шудун, Цай Фан, Чжоу Чжэ, Чжу Дэгуи, Чэнь Жун, Чэнь Чанши, Ши Линь, Шэнь Чжунцян, содержащие комплексный анализ региональной политики, направленной на ликвидацию неравномерного регионального развития Китая в современный период истории.

Проблематика неравномерности в развитии регионов КНР представлена на страницах таких известных китайских научных периодических изданий, как «Географические исследования», «Региональная экономика», «Китайские общественные науки», «Региональное и глобальное развитие», «Обзор региональной экономики», «Управление экономикой», «Шанхайские экономические исследования», «Промышленная экономика Китая», «Исследования экономических проблем», «Макроэкономические исследования» и «Сельская экономика и технологии».

Исторические условия, оказавшие влияние на усиление неравномерного регионального развития КНР

Краткий анализ экономической истории Китая во второй половине XX – начале XXI вв. показывает, что после основания КНР уже в июне 1950 г. был

предложен проект Национального плана восстановления и строительства экономики на 1951–1955 гг., который впоследствии был одобрен на заседании Постоянного Комитета Госсовета КНР. Стратегия сбалансированного развития региональной экономики в этот период была направлена на стимулирование внутренней промышленности Китая. С 1950 по 1952 гг. Центральное правительство КНР проводило дифференцированную и целенаправленную политику в отношении развития регионов Китая, поддерживая капитальное строительство на Северо-Востоке, затем в Восточном и Северном регионах КНР, при этом экономическое развитие Северо-Западного и Юго-Западного регионов КНР было достаточно ограничено. Первый пятилетний план (1953–1957 гг.) содержал региональные инвестиционные проекты, направленные на использование существующей промышленной базы всех регионов КНР и сбалансированное развитие региональной экономики Китая. При этом преобладала региональная политика приоритетного развития тяжелой промышленности. Как отмечает специалист в области экономической истории КНР Гань Чуньхуэй: «Первоначально китайская промышленность была неравномерно сконцентрирована на одной стороне страны, что неразумно с точки зрения экономики. В первое десятилетие существования КНР, региональная стратегия сбалансированного экономического развития Китая была направлена на то, чтобы надлежащим образом распределить промышленность во всех регионах страны» [2. С. 25–34].

1 июня 1958 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая издает «Решение об усилении межрегионального сотрудничества в работе регионов», согласно которому страна была разделена на 7 крупных регионов, включая Северо-Восточный, Северный, Восточный, Южный, Центральный, Юго-Западный и Северо-Западный регионы Китая. С 1964 г. начинается масштабное строительство национальной оборонной, научно-технологической, промышленной и транспортной инфраструктуры КНР в 13 провинциях, автономных районах, образующих согласно определению китайской историографии региональное развитие «три линии», территориально охватывающих Центральный и Западный регионы КНР. Основные положения реализации стратегии «трех линий» содержатся в программных документах четвертого пятилетнего плана, реализуемого с 1971 по 1975 гг. Целью данной политики было изменение концентрации промышленности Китая и адаптация внутреннего регионального развития под условия международной ситуации конца 1950-х и начала 1960-х гг. Это сыграло позитивную роль в национальной безопасности КНР и определило векторы сбалансированного промышленного регионального развития на будущее. Некоторые китайские города и поселки, которые первоначально специализировались на сельском хозяйстве, были индустриализированы в условиях реализации политики строительства «трех линий» [3. С. 87].

После начала политики «реформ и открытости» с 1978 г. китайское руководство переходит от реализации стратегии несбалансированного регионального развития Китая к стратегии скоординированного развития регионов. Эволюцию процессов регионального развития в рассматриваемый период можно условно разделить на четыре этапа. Первый этап (1978–1990 гг.) –

время реализации стратегии несбалансированного регионального развития, в результате которого усиливаются процессы неравномерности в условиях ускоренного экономического роста восточных прибрежных регионов КНР. Реализация данной стратегии способствовала усилению Восточного региона КНР, что, в свою очередь, привело к повышению уровня национального экономического развития Китая, а также оказало влияние на осуществление рыночных реформ в условиях плановой экономики. Второй этап региональных преобразований приходится на 1991–1998 гг. После принятия восьмого пятилетнего плана в Китае началось корректирование стратегии регионального развития. Согласно предусмотренным изменениям экономика регионов должна была развиваться в направлении разумного регионального разделения труда, развития дополнительных региональных преимуществ и общего скоординированного развития регионов КНР. В ходе третьего этапа (1999–2012 гг.) начинается комплексная реализация региональной скоординированной стратегии развития. Четвертый этап (с 2012 г. по настоящее время) характеризуется углублением и внедрением новой стратегии скоординированного регионального развития.

Причины неравномерного регионального развития КНР

Неравномерность развития регионов КНР во второй половине XX века прежде всего была обусловлена особенностями физико-географического положения Китая. Будучи крупной развивающейся страной, Китай обладал обширной территорией и богатыми природными ресурсами, при этом экономические факторы были распределены неравномерно между регионами.

Экономическая история КНР показывает то, что после начала осуществления политики «реформ и открытости» с 1978 г. Китай приступает к реализации стратегии несбалансированного регионального развития, что послужило основной причиной неравномерности и диспропорциональности пространственной организации экономики. Под влиянием таких факторов производства, как кадры, капитал и технологии, в восточных прибрежных районах Китая началось бурное промышленное развитие. Выгодное территориальное расположение, государственные преференции предприятиям и организациям обеспечили преимущества в области пространственного развития. В восточных прибрежных районах Китая были сосредоточены иностранные инвестиции, внедрялись инновационные проекты, применялись новейшие технологические достижения науки в производстве. Со временем быстро развивающийся Восточный регион начинает привлекать большое количество избыточной рабочей силы из Центрального и Западного регионов КНР. К середине 1980-х гг. обостряется причина неравномерности регионального развития Китая, заключающаяся в несогласованности между обеспеченностью рабочими местами с одной стороны в Восточном, а с другой, в Центральном, Западном и Северо-Восточном регионах КНР и развитостью промышленной агломерации в данных регионах.

На усиление неравномерного регионального развития также оказал влияние дисбаланс между наличием ресурсов и ускоренными темпами развития промышленности Восточного региона КНР. Высокая плотность населения в прибрежных восточных районах и потребности в обеспечении темпов промышленного роста требовали расширенных пространственных возможностей. Западные и центральные регионы, обладавшие такими производственными факторами, как земля, полезные ископаемые и энергия, однако, находились на начальной стадии развития добывающей промышленности, и были не в состоянии сформировать конкурентные производственные мощности. Данное несоответствие между распределением населения, наличием рабочих мест и развитием отдельных отраслей промышленности привело к увеличению разрыва в региональном развитии Китая, который усилился в начале 1990-х гг.

К одной из причин неравномерного регионального развития Китая в конце XX века можно отнести также процесс урбанизации, оказавший значительное влияние на пространственную организацию в 1980–1990-е гг. Несмотря на государственный контроль за ростом городских агломераций количество средних и малых городов после начала проведения политики «реформ и открытости» значительно сократилось. Рост мегаполисов усиливал диспропорциональные тенденции в пространственном развитии Китая.

Основу региональной политики, направленной на ликвидацию неравномерности регионального развития, составлял комплекс мер, образующих стратегию экономического развития регионов Китая. Данная стратегия являлась важной частью общей стратегии экономического и социального развития страны в современный период истории. В работах китайских ученых Цай Фана [4] и Шэнь Чжунцяна [5] стратегия рассматривалась как модель, концепция или даже важное решение, принятое для достижения как среднесрочных, так и долгосрочных целей социально-экономического развития КНР. Реализация стратегий регионального развития, направленных на ликвидацию диспропорциональности пространственной организации экономики в КНР, к концу 1990-х гг. достигла определенных результатов. Однако противоречия несбалансированного развития не были полностью решены, и стремление региональной политики к согласованности и координации сталкивалось с различными проблемами. Определенный разрыв в уровне регионального развития сохраняется и в настоящих условиях, и эта неравномерность будет продолжаться еще некоторое время.

Научные подходы и практические рекомендации по преодолению неравномерного регионального развития КНР, опирающиеся на исторический опыт развития китайских регионов

Как показывает анализ научных работ китайских исследователей, специалистов в области экономической истории, региональной политики КНР, в настоящее время в китайской науке сформировалось несколько концептуальных подходов, отражающих не только исторические причины диспропорциональности пространственного развития Китая, но и предлагающие различные варианты решения проблем неравномерности регионов.

Подход с доминантой развития промышленности прослеживается в работах таких китайских ученых, как Ван Кэ, Лян Лунбинь, Ху Шудун, Чэнь Чанши [6; 7; 8; 9]. Данные исследователи утверждают, что неравномерность регионального развития была обусловлена государственной политикой в отношении поддержания вторичного сектора экономики в отдельных регионах Китая. Усиление производственных предприятий Северо-Востока КНР в рамках осуществления стратегии приоритетного развития тяжелой промышленности повлияла на рост противоречий по региональным сравнительным преимуществам и еще большему отставанию Северо-Восточного региона от Центрального и Западного регионов Китая. Путем корректировки структуры промышленности, изменения концепций производства, непрерывной координации в распределении ресурсов и финансовых инвестиций можно эффективно содействовать развитию региональной экономики и сокращать разрыв между данными регионами.

Такие китайские специалисты в области экономической истории и региональной политики, как Ван Фэн, Ван Юньхуэй, Ли Чжуни [3; 10; 11], связывают несбалансированное развитие региональной экономики Китая с комплексом мер региональной политики, которая определила в дальнейшем процессы неравномерности пространственного развития. Китайская государственная политика по отношению к отдельным регионам усилила разрыв между прибрежными и внутренними районами. Для устранения дисбалансов необходимо, например, распространять различные меры социальной поддержки в Центральном и Западном регионах КНР, которые по уровню экономического развития в конце XX в. значительно отставали от восточных прибрежных районов. Исследователь причин неравномерности регионального развития Цай Фан подчеркивает, что политика китайского правительства в области сокращения неравномерности должна быть направлена на улучшение инфраструктуры и других условий в отсталых районах Китая [4].

Следующий подход с фактором экономического развития прослеживается в работах таких китайских исследователей, как Чэнь Чанши, Ши Линь, Шэнь Чжунцян [9; 12; 5]. При анализе взглядов вышеуказанных ученых было выявлено, что несбалансированное развитие экономики в конечном итоге приводит к формированию региональных диспропорций. Дисбаланс развития относится к разнице в уровнях экономического роста различных регионов внутри страны. Необходимо корректировать политику экономического развития, оказывать финансовую поддержку, ускорять экономический рост в Западном регионе Китая, тем самым смягчая противоречия общего регионального экономического развития на всей территории КНР.

Подход с преобладающими характеристиками пространственного и временного развития прослеживается в работах китайских исследователей Гань Чуньхуэй, Ху Дали [2; 13]. Данные ученые выделяют два основных типа оценочных показателей дисбаланса регионального развития: показатели итогов экономического роста в регионах и межрегиональные показатели уровня жизни. К неравномерности развития регионов КНР приводят дисбалансы в распределении доходов по провинциям, разница в материальных и социальных показателях.

Неравномерное региональное развитие КНР вызвано также преобладанием таких факторов, как количество прямых иностранных инвестиций и эффективность региональной политики по их привлечению. Эта точка зрения находит отражение в работах китайских специалистов в области региональной истории и экономики Фань Цзяньюн, Чжоу Чжэ [14; 15], которые отмечают, что прямые иностранные инвестиции оказывают существенное влияние на региональные различия, а именно на технологический уровень региона и его экономический рост, так как они воздействуют на структуру промышленности и институциональные изменения, значительно способствуя усилению восточных прибрежных районов Китая и отставанию других китайских регионов.

Следующий подход с доминантой человеческого капитала прослеживается в работах китайских ученых Чэнь Жун и Шэнь Чжунцян, которые отмечают, что человеческий и физический капитал оказывают значительное влияние на экономический рост в регионе, но физический капитал является основной причиной регионального экономического неравенства. При этом человеческий капитал – ключевой фактор, влияющий на долгосрочную тенденцию диспропорциональных явлений регионального развития. Конкурентоспособность человеческого капитала в разных региональных условиях различна и определяет скорость экономического роста в том или ином районе страны [16. С. 71–80].

Мобильность рабочей силы является еще одним важным фактором, определяющим региональные различия КНР. Подход с доминантой мобильности рабочей силы находит отражение в работах китайского ученого Чжу Дэгуя, которые отмечают, что в рыночных условиях перемещение рабочей силы из регионов с низкой предельной производительностью труда в регионы с высоким уровнем оплаты труда поможет улучшить использование трудовых ресурсов и сократить разрыв в доходах. Уровень развития рынка труда напрямую определяет темпы экономического роста в различных регионах [17. С. 71–80].

Многие исследования китайских специалистов в области экономической истории, региональной политики показывают, что экономический дисбаланс между Восточным и Западным регионами КНР проявляется в разнице доходов между сельскими и городскими жителями данных регионов [18; 19; 20]. Развитие сельской индустриализации, особенно промышленных сельских предприятий, имеет большое значение для сокращения региональных различий в КНР. Дополнительно можно выделить подход с доминантой сельскохозяйственного производства при рассмотрении причин и вариантов решения неравномерного регионального развития Китая, который нашел отражение в работах китайских исследователей Лян Лунбинь, Чэнь Чанши [7; 9]. Они отмечают, что аграрное производство является наиболее важным фактором, приводящим к дисбалансу в развитии большинства провинций, поэтому содействие скоординированному развитию сельского хозяйства между Центральным регионом КНР и периферийными китайскими регионами – важный способ устранения дисбаланса между провинциями.

Подход с доминантой процесса урбанизации прослеживается в работах китайских специалистов в области региональной экономики Ван Фэн, Фань

Ган, которые полагают, что в настоящее время увеличивающийся разрыв между Восточным и Западным регионами КНР частично обусловлен разрывом в уровне урбанизации, а развитие Западного региона в значительной степени обусловлено оживлением городской экономики [3]. Другая точка зрения представлена в работе китайского специалиста в области региональной экономики Чжоу Чжэ. Он утверждает, что ускорение урбанизации является эффективным способом содействию мобильности рабочей силы. Рост городов приводит к сокращению доли сельского населения с низким уровнем дохода и соответствующему увеличению доли городского населения с более высоким уровнем дохода, что, в свою очередь, эффективно воздействует на сокращение разрыва между городскими и сельскими доходами, тем самым ликвидируя диспропорциональные тенденции в пространственном развитии регионов КНР [15. С. 20–28].

Заключение

Таким образом, анализ основных тенденций экономической истории КНР в период с 1949 г. по настоящее время позволил выделить причины неравномерного регионального развития Китая в современный период времени. Обзор научных монографических исследований китайских ученых способствовал выделению основных подходов к рассмотрению не только причин диспропорциональных тенденций в развитии китайских регионов, но и практических вариантов по решению проблем неравномерного регионального развития КНР. К основным факторам, существенно влияющим на неравномерность регионального развития Китая в современный период истории, относятся: неравномерное развитие промышленности, распределение доходов по провинциям, иностранные инвестиции, сельское хозяйство, человеческий капитал и мобильность рабочей силы. Китайским научным сообществом предлагаются следующие пути решения данных проблем. Корректировка структуры промышленности позволит эффективно содействовать развитию региональной экономики и сокращению разрыва в социально-экономическом развитии между регионами. Для устранения дисбалансов необходимо распространять различные меры государственной социально-экономической поддержки в Центральном и Западном регионах КНР. Чтобы сократить разницу в уровнях экономического регионального развития Китая, необходимо уделять большое внимание выравниванию между Восточным, Центральным и Западным регионами КНР уровня доходов, содействовать диверсификации региональных промышленных структур и повышать эффективность в распределении ресурсов. Кроме того, необходимо заботиться об охране окружающей среды, совершенствовании механизма скоординированного регионального развития и дальнейшему продвижению борьбы с бедностью в разных регионах Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Makeeva C.B.* Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 1. С. 24.
- [2] Gan Chunhui. *Zhongguo diqu jingji chaju yanbian jiqi chanye fenjie China's industrial economy*, 2010. № 5. С. 51–59. (на кит. яз.).
- [3] Wang Feng. *Zhongguo de zhidu banqian yu jingji fazhan bu pingheng:1978–2005*. Chongqing, 2007. 124 с. (на кит. яз.).
- [4] Cai Fang. *Zhongguo diqu jingji zengzhang de qutong yu chayi – dui xibu kaifa zhanlue de qishi*. *Economic research*, 2000. № 4. С. 12–25. (на кит. яз.).
- [5] Shen Zhongqiang. *Dangqian woguo quyu jingji fazhan bu pingheng de yuanyin ji duice fenxi*. *Chinese international finance and economics*, 2018. № 3. С. 41–49. (на кит. яз.).
- [6] Wang Ke. *Woguo quyu jingji fazhan bu pingheng de yuanyin fenxi ji duice yanjiu*. School of Education and Management, Guizhou University of Finance and Economics, 2014. № 1. С. 8. (на кит. яз.).
- [7] Liang Longbin. *Zhongguo quyu jingji fazhan bu pingheng de shoulian xing yanjiu*. *Research on economic problems*, 2011. № 3. С. 28–34. (на кит. яз.).
- [8] Hu Shudong. *Diqu jingji fazhan chaju de biandong yu chengyin*. *Journal of the China Center for Economic Research, Peking University*, 1999. № 8. С. 34. (на кит. яз.).
- [9] Chen Changshi. *Zhongguo sheng ji fazhan bu pingheng chang yin ji zhi hua qun xi*. *Quantitative Economics Studies*, 2015. № 8. С. 58–73. (на кит. яз.).
- [10] Wang Yunhui. *Woguo diqu fazhan bu pingheng xianzhuang ji yuanyin qian xi*. *Social science theory*, 2016. № 1. С. 155–156. (на кит. яз.).
- [11] Li Zhongyi. *Zhongguo diqu jingji fazhan bu pingheng de yuanyin fenxi*. *Economic research*, 2006. № 2. С. 121–122. (на кит. яз.).
- [12] Shi Lin. *Chayi, chaju yu bu pingheng fazhan jian lun yinqi woguo quyu jingji bu pingheng fazhan de zhuyao yinsu*. *Central University Journal of Ethnic Affairs*, 1998. № 9. С. 93–96. (на кит. яз.).
- [13] Hu Dali. *Zhongguo quyu jingji fazhan chaju yu minying jingji fazhan chaju de xiangguan xing fenxi*. *Shanghai Economic Research*, 2006. № 6. С. 17–25. (на кит. яз.).
- [14] Fan Jianyong. *Zhongguo diqu chaju yanbian jiqi jiegou fenjie*. *Global governance*, 2002. № 5. С. 3–13. (на кит. яз.).
- [15] Zhou Zhe. *Zhongguo diqu jian jingji fazhan bu pingheng*. *Journal of Shanxi University of Finance and Economics*, 2012. № 4. С. 20–28. (на кит. яз.).
- [16] Chen Rong. *Jingji fazhan bu pingheng, renkou qianyi yu renkou laoling hua quyu chayi*. *Demographic Journal*, 2018. № 7. С. 71–80. (на кит. яз.).
- [17] Zhu Degui. *1964–1978 Nian de sanxian jianshe dui guizhou shehui jingji fazhan de zhongyao yiyi*. *Guizhou Literary History Series*, 2012. № 2. С. 27–31. (на кит. яз.).
- [18] Qi Xianwang. *Sichuan quyu jingji xietiao fazhan zhanlue yanjiu*. *Sichuan: Xinan caijing daxue chubān shè chūbān de túshū*. Sichuan: Publishing House of the South-western University of Finance and Economics, 2011. 253 с. (на кит. яз.).
- [19] Cheng Bo. *Dangdai quyu jingji xietiao fazhan lilun ji zhanlue mai shi*. *Beijing: Zhongguo fangzhi chubān she*. Beijing: Publishing House of Textile Industry, 2019. 187 с. (на кит. яз.).
- [20] Li Na. *Xin shidai xia quyu xietiao fazhan zhanlue yanjiu*. *Shanghai: Shanghai shehui kexueyuan chubān she*. Shanghai, Publishing House of the Academy of Social Sciences, 2019. 164 с. (на кит. яз.).

REFERENCES

- [1] Makeeva S.B. Problemy neravnomernogo razvitiya Kitaya v rabotah kitajskih uchenyh-regionovedov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019(1):24.
- [2] Gan Chunhui. Evolution of China's Regional Economic Divide and its Industrial Decomposition. China's industrial economy, 2010. (In Chin.).
- [3] Wang Feng. Institutional Change in China and Unbalanced Economic Development: 1978–2005. Chongqing. 2007. (In Chin.).
- [4] Cai Fang. Convergence and Difference in Regional Economic Growth in China – Implications for the Development Strategy of the West. *Economic research*, 2000. (In Chin.).
- [5] Shen Zhongqiang. Analysis of the causes and countermeasures of the current imbalance in regional economic development in China. *Chinese international finance and economics*, 2015. (In Chin.).
- [6] Wang Ke. Analysis of the causes of unbalanced regional economic development in China and countermeasures. School of Education and Management, Guizhou University of Finance and Economics, 2014. (In Chin.).
- [7] Liang Longbin. A Study of the Convergence of Unbalanced Regional Economic Development in China. *Research on economic problems*, 2011. (In Chin.).
- [8] Hu Shudong. Changes and causes of the gap in regional economic development. *Journal of the China Center for Economic Research*, Peking University, 1999. (In Chin.).
- [9] Chen Changshi. Analysis of the causes of uneven regional development in the provinces of China. *Quantitative Economics Studies*, 2015. (In Chin.).
- [10] Wang Yunhui. Analysis of the current situation and the reasons for the unbalanced development in China. *Social science theory*, 2016. (In Chin.).
- [11] Li Zhongyi. Analysis of the causes of unbalanced economic development in China. *Economic research*, 2006. (In Chin.).
- [12] Shi Lin. Differences, uneven development and main factors causing uneven development of China's regional economy. *Central University Journal of Ethnic Affairs*, 1998. (In Chin.).
- [13] Hu Dali. Correlation analysis of uneven regional economic development in China and uneven private economic development. *Shanghai Economic Research*, 2006. (In Chin.).
- [14] Fan Jianyong. Evolution of uneven regional development in China and its structure. *Global governance*, 2002. (In Chin.).
- [15] Zhou Zhe. Unbalanced economic development between regions of China. *Journal of Shanxi University of Finance and Economics*, 2012. (In Chin.).
- [16] Chen Rong. Uneven economic development, population migration and regional differences in population aging. *Demographic Journal*, 2018. (In Chin.).
- [17] Zhu Degui. Importance of the construction of the third line from 1964 to 1978 for the socio-economic development of Guizhou. *Guizhou Literary History Series*, 2012. (In Chin.).
- [18] Qi Xianwan. Research strategy for the coordinated development of the regional economy of Sichuan. Sichuan: Publishing House of the Southwestern University of Finance and Economics, 2011. (In Chin.).
- [19] Cheng Bo. Theory and Strategy for the Coordinated Development of the Modern Regional Economy. Beijing: Publishing House of Textile Industry, 2019. (In Chin.).
- [20] Li Na. Study of the strategy of coordinated development of regions in the new era. Shanghai, Publishing House of the Academy of Social Sciences, 2019. (In Chin.).

Информация об авторе:

Makeeva Svetlana Borisovna – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр., д. 32А, доцент лингвистического факультета Российского государственного социального университета, Российская Федерация, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, e-mail: msbmag9581@yandex.ru

Information about the author:

Makeeva Svetlana Borisovna – PhD in History, Leading researcher, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), 119991, Moscow, Leninsky pr., D.32A, Russian Federation, Associate Professor of the Linguistic Faculty of the Russian State Social University, st. Wilhelma Pika, 4, 129226, Moscow, Russian Federation, e-mail: msbmag9581@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-189-210

Научная статья / Research article

История раскопок памятника Чжанцзяпо (1955–1992 гг.)

М.В. Ефименко

Отдел Китая Института востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН),
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12
efimenko.masha2012@yandex.ru

Аннотация. В данной статье говорится о необходимости изучения истории раскопок на наиболее значимых археологических памятниках древнего Китая, в частности на крупнейшем могильнике эпохи Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) – Чжанцзяпо, который расположен в среднем течении реки Вэйхэ (уезд Чанъань, пров. Шэньси). Археологические материалы расширяют представления о самых разных сторонах жизни изучаемого общества. По ним можно судить не только о его материальной и духовной культуре, но и о процессах развития социальных и хозяйственных отношений, а также о многих других вопросах, которые не описаны в письменных источниках. А их систематизация и анализ позволяют дополнять сообщения письменных источников о политической и социальной истории. Далее дадим краткую характеристику памятника Чжанцзяпо, выявим этапы в истории его раскопок, опишем важнейшие обстоятельства, которые сопровождали их проведение. Это позволит ответить на вопрос о причинах фрагментарной раскопанности уникального и крайне ценного для изучения истории важнейшего в китайской истории периода Западного Чжоу археологического памятника. В статье рассматриваются все раскопки памятника до 1992 г. После 1992 г., насколько мы можем судить, раскопок на памятнике не проводилось.

Ключевые слова: эпоха Западное Чжоу, история раскопок, Чжанцзяпо, район Фэнси, керамические комплексы, археология древнего Китая

Благодарности. Выражаю благодарность М.Ю. Ульянову, идейному вдохновителю и бесменному научному руководителю.

История статьи: Поступила в редакцию: 12.05.2020. Принята к публикации: 16.08.2020.

Для цитирования: Ефименко М.В. История раскопок памятника Чжанцзяпо (1955–1992 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 2. С. 189–210. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-189-210

Zhangjipo site excavations' history (1955–1992)

M. V. Efimenko

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences,
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031
efimenko.masha2012@yandex.ru

Abstract. The article examines the question of the need to study the history of excavations at archaeological sites of ancient China, in particular at the largest burial ground of

© Ефименко М.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the Western Zhou era (1027–771 BC) – Zhangjiapo. Archaeological materials are the closest in time source for the history of the period. They not only confirm and supplement the reports of written sources on the political and social history of the era, but also provide new materials for the analysis of the economy and everyday life of the general population, which is not the object of description in written sources. In the first part, the author reveals the features of the source base of the era and points out a number of restrictions in conducting archaeological excavations and the further publication of their results. Then she proceeds to a brief description of the Zhangjiapo monument and reveals the stages in the history of its excavations, which allows us to answer the question about the reasons for the fragmentary excavations of the monument.

Keywords: Western Zhou era, excavation history, Zhangjiapo, Fengxi District, ceramic complexes, ancient China archeology

Acknowledgment. I express my gratitude to M.Yu. Ulyanov, the ideological inspirer and permanent scientific leader.

Article history: Received: 12.05.2020. Accepted: 16.08.2020.

For citation: Efimenko M.V. Zhangjiapo site excavations' history (1955–1992). *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(2):189–210. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-189-210

Введение

История государства Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) восстанавливается на основании нескольких видов источников. Наиболее близкими по времени являются эпиграфические источники – надписи на бронзовых сосудах. Они содержат различные по размерам и тематике сообщения. Следующими по значению и информативности являются сведения письменных источников. Все они изучаются в совокупности, поскольку каждый из видов источников несет определенный, отличный от других, набор исторической информации.

Наиболее полное описание истории Чжоу сохранилось в «Исторических записках» (*Шицзи*)¹ [1]. За ними по степени важности сообщений следуют «Бамбуковые анналы. Древний текст» (*Губэнь Чжусу цзинянь*)² [2]. В древнем тексте «Бамбуковых анналов» имеются указания на политическую историю государства Западное Чжоу. В «Книге песен» (*Шицзин*) государству

¹ *Шицзи* было создано в эпоху Хань (3 в. до н.э. – 3 в. н.э.), составлено на основе текстов различных первичных источников доханьского и ханьского времени о реалиях эпохи Шан-Инь (ок. 1300–1027 гг. до н.э.), Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.), Чуныцзо (771–456 гг. до н.э.), Чжаньго (456–221 гг. до н.э.) и др.

² «Бамбуковые анналы» – это один из важнейших письменных источников по истории Древнего Китая, существующий в двух вариантах: «древний» текст и «современный» текст. «Древний» текст – это подборка сохранившихся в различных произведениях III–XII вв. сообщений из *Чжусу цзинянь*, сочинения, восстановленного в III в. н.э., которое включало в себя летопись царства Вэй 魏 (453–225 гг. до н.э.), периода Восточное Чжоу (771–221 гг. до н.э.) и еще как минимум двух исторических памятников, извлеченных в то же время из погребения правителя этого царства. В средние века сам текст был утерян и в XIX в. заново реконструирован. «Современный» же текст представляет собой подборку сообщений, часть которых восходит к самому тексту *Чжусу цзинянь*, а часть – сведения из различных исторических сочинений, подобранных и стилизованных составителями нового времени под сообщения древней летописи. Несмотря на то, что тексты его частично были утеряны, данной работе нам представляется обоснованным использовать «древний» текст «Бамбуковых анналов» [2].

Западное Чжоу посвящено несколько од, в которых содержатся сведения о ранней истории Чжоу [3]. В более поздних письменных источниках (*Шицзи*) имеются повторения некоторых текстов более ранних источников (*Шицзин*). В частности, ранняя история Чжоу в *Шицзи* соответствует пересказу содержания некоторых од *Шицзина* (раздел 3 «Великие оды»: «Ода Вэнь-вану», «Ода о царях Вэнь-ване и У-ване и о покорении царства Инь-Шан», «Ода о переселении племени чжоу», «Славословие царю просвещенному», «Вышнего неба державен верховный владыка», «Ода У-вану», «Ода царю просвещенному (Вэнь-вану) и царю воинственному (Вэнь-вану)», «Ода князю Лю», «Слово Вэнь-вана последнему государю Шан» и др.)³ [3].

Несмотря на то, что на базе вышеперечисленных источников историки восстановили сравнительно полную картину политической истории государства Западное Чжоу, но ни синхронная эпиграфика, ни письменные источники более позднего времени не в силах ответить на многие вопросы, стоящие перед исследователями данного периода⁴.

Сообщения письменных источников и информация, полученная археологами, исследуется в рамках историко-археологического подхода, который на основе анализа археологических материалов позволяет дополнить сообщения письменных источников.

В письменных источниках отражены лишь наиболее общие представления о государстве Западное Чжоу, прежде всего о политической истории государства Западное Чжоу. В них практически нет сведений о многих сторонах социальных и этнических особенностей населения, о структуре управления (от общины до владения членов чжоуской династии Цзи), не описаны и ранние города, включая столичные центры. Отчасти эти недостатки удается компенсировать благодаря данным археологии при рассмотрении поселенческих и погребальных комплексов. Подробное рассмотрение и классификация археологического материала не только позволяет выявлять особенности материальной культуры и чжоусцев, и других этнических групп Восточной и прото-Юго-Восточной Азии, но и реконструировать важные особенности социальной и экономической истории государства⁵.

³ Вэнь-ван 文王 – один из правителей народа чжоу, отец основателя государства Западное Чжоу У-вана 武王 (ум. ок. 1025 гг. до н.э.).

⁴ В работах Ли Фэна представлен концептуальный подход к западночжоуской государственности через призму «мандата Неба». На основе анализа надписей на бронзовых сосудах эпохи Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) он пришел к выводу о том, что политическая система государства Западное Чжоу сформировалась на базе легитимации Вэнь-ваном и У-ваном получения «мандата от Неба». Позднее ни один правитель Западного Чжоу не получал «мандат». Ли также сделал акцент на том, что он понимает государство Западное Чжоу не как единое географическое пространство, отделенное от всех остальных территорий границей, а как отдельные поселения (внутри владений 邑 义), которые отделены друг от друга пространством, но объединены политической властью Чжоу [4].

⁵ Однако археологические раскопки сопряжены с рядом ограничений. После проведения археологической разведки и заполнения всех необходимых документов приходится ждать решения на проведение раскопок иногда по несколько лет. Мы полагаем, что это связано прежде всего с тем, что место раскопок зачастую располагается на территории приусадебных

Итак, большинство раскопок этого памятника, которым суждено было состояться, проведены в результате обнаружения крестьянами археологических материалов во время сельскохозяйственных работ и последующем уведомлении местного Отдела по надзору за памятниками материальной культуры о находке. Также археологические раскопки проводятся при строительстве новых заводов и фабрик, или перестройках на территории старых. В такой ситуации археологи вынуждены спешить, ведь их деятельность задерживает строительство.

Вышеперечисленные обстоятельства создают заметные сложности при исследовании ценнейших памятников материальной культуры древности, которые, как правило, содержат бесценный материал о прошлом страны, значимость которого далеко не всегда осознается обывателем, и не только простым крестьянином, но и занимающим высокий пост местным чиновником.

Поэтому изучение истории раскопок позволяет ответить на вопрос об обстоятельствах обнаружения и раскопок, объяснить степень сохранности и полноты материала, а также предоставляет возможность узнать о том, какая часть памятника еще осталась нераскопанной или была навсегда утрачена.

В качестве примера рассмотрим ход раскопок в 1955–1992 гг. на крупнейшем могильнике эпохи Западное Чжоу – Чжанцзяпо, где были обнаружены погребения представителей различных слоев чжоуского населения.

Но сначала рассмотрим упоминание памятника в историографии.

Историография

В отечественном востоковедении описание археологических памятников встречается среди работ по истории древнего Китая. Сами же раскопки (их ход и обстоятельства проведения работ) предметом исследования являются редко.

О специфике историко-археологического исследования было сказано в первом томе 10-томной академической «Истории Китая», в котором подробно разбирались историко-археологическая характеристика столичного города Шан (Аньян), написанная Д.В. Деопиком, М.Ю. Ульяновым при участии Е.С. Аникушиной [5. С. 547–602]. Авторами были рассмотрены различные районы столичного комплекса и выявлены особенности каждого из районов. Были выделены дворцово-храмовая зона (Иньсуй), ров, окружавший ее, округа за пределами рва, состоявшая из ближайших памятников, храмовая ритуальная зона. Авторы описали историю раскопок шанской столицы и ее

участков крестьян. Эта собственность является единственным источником дохода и пропитания семей, возделывающих на них сельскохозяйственные культуры. Вероятно, без разрешения крестьян на проведение раскопок памятники и культуры, располагающиеся под сельскохозяйственным слоем земли, не могут быть исследованы. Однако семьи редко дают такие разрешения, особенно если они узнают, что на их земле может располагаться важный археологический объект. Так могут начаться несанкционированные раскопки, в результате которых утрачивается бесценный материал памятников и разрешается его структура. Памятник Чжанцзяпо расположен на территории заводов и других промышленных предприятий, дирекция которых не заинтересована в приостановке производства, поэтому, очевидно, препятствует раскопкам на их территории.

памятников, выделили несколько наиболее значимых сезонов, описали их основные достижения. Ими было указано на некоторые проблемы, возникавшие во время раскопок. Прежде всего это проведение нелегальных раскопок местным населением, грабежи, а также неполнота раскопок: некоторые участки шанской столицы располагаются под современной застройкой и до сих пор не исследованы.

Примечательна статья Д.Е. Куликова «Дун Цзобинь и история открытия иньских гадательных надписей (обзор сведений из двух изданий Цзягу няньбяо и их источников)», опубликованная в 2016 г. В ней автор восстановил историю обнаружения и изучения гадательных надписей в КНР и воспользовался несоответствиями в свидетельствах об открытии гадательных костей в различных изданиях *Цзягу няньбяо* («Хронологические таблицы»), написанных Дун Цзобинем, очевидцем происходивших событий, для выяснения реальной истории их обнаружения [6]⁶. Статья затронула проблему обнаружения надписей на панцирях черепах.

Переходя к публикациям, касающимся эпохи Западное Чжоу в российской и зарубежной историографии, следует отметить, что памятник упоминается достаточно часто. Но за исключением кратких его упоминаний и в контексте исследований культуры раннего *чжоу*, и в контексте исследования самого государства Западное Чжоу его всестороннее исследование до сих пор не было реализовано.

С.А. Комиссаров использовал отчеты о раскопках крупнейшего для своей эпохи могильника – Чжанцзяпо – на китайском языке. Его статья «Археология Западного Чжоу – 1027–771 гг. до н.э. (по материалам исследований 70-х гг.)» опубликована в 1985 г. В ней он описал некоторые этапы раскопок на памятниках эпохи Чжоу до 1027 г. до н.э. и привел основные результаты этих раскопок с выводами авторов [7].

Затем на основе этой статьи была опубликована монография «Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы» того же автора [8]. В монографии он описал основные типы вооружения изучаемого периода и вновь кратко коснулся истории раскопок пам. Чжанцзяпо.

Монография К.В. Васильева «Истоки китайской цивилизации» была издана в 1998 г. Автор широко использовал археологические и эпиграфические материалы эпох Шан-Инь и Западной и Восточной Чжоу для иллюстрации своих тезисов, а также составил единую концепцию древнекитайской цивилизации. Могильник Чжанцзяпо был кратко упомянут при рассмотрении памятников раннего Чжоу [9].

П.М. Кожин в статье «Иньские и чжоуские колесницы как палеокультурологическая проблема» также упомянул Чжанцзяпо в контексте сравнения двух видов псалий. Однако какой-либо информации о самом памятнике в статье нет [10].

---

⁶ Дун Цзобинь – археолог, историк, руководитель нескольких сезонов раскопок в Аньяне на памятниках шанской столицы, в 1951–1955 гг. директор НИИ Истории и филологии при Китайской академии наук.

О памятнике Чжанцзяпо сказано в разделах о Западном Чжоу до образования и государства первого тома 10-томной академической «Истории Китая» (написанных С.А. Комиссаровым, С.И. Блюмхеном) [5. С. 633–639]. Авторы писали о выделении в Чжанцзяпо в 1950-е гг. крупного могильника и поселения, об обнаружении значительного числа могил в 1961–1962 гг. Несмотря на то, что данный раздел касается памятников района столиц Фэн и Хао, однако, за исключением Кэшенчжуана и Чжанцзяпо, других памятников приведено не было. Также от внимания исследователей ускользнули масштабные раскопки 1983–1986 гг. в Чжанцзяпо, которые позволили выявить и исследовать 314 новых погребений представителей различных слоев населения пристоличного района.

Впервые в отечественном востоковедении уникальность и значимость данного памятника была отмечена в нашей статье «О социальном и региональном разнообразии западночжоуского общества (на основе выделения керамических комплексов могильника Чжанцзяпо)». Мы рассмотрели все погребения могильника Чжанцзяпо, известные на конец 2018 г. Нами были выделены три типа керамических комплексов, обнаруженных в погребениях могильника: «шанский», «чжоуский» и «иноэтничный» [11].

Указанные комплексы позволили сделать вывод о разнообразии социального и этнического состава погребенных, что подтвердило наличие здесь неподалеку крупного поселенческого памятника. Мы также пришли к выводу о том, что представители шанской субэтнической группы исчезают с кладбища в среднем Западном Чжоу (965–857 гг. до н.э.), а иноэтничные группы – в позднем Западном Чжоу (857–771 гг. до н.э.). Чжоуская субэтническая группа представлена на протяжении всего Западного Чжоу. Это представители средней и низшей знати, служившие при дворе, а также высшей знати.

Единственным специальным трудом о раскопках на могилнике Чжанцзяпо в 1983–1986 гг. является монография китайских специалистов «Западночжоуское кладбище Чжанцзяпо» в двух томах, опубликованная в 1999 г. [12]. В первом томе представлены археологические материалы раскопок (разбор типов погребений, особенностей погребального обряда, керамического комплекса, бронзового комплекса, украшений и изделий из камня и нефрита) и его периодизация, основанная на датировке керамических сосудов из стратиграфических слоев памятника, а также анализ впускных погребений с датировками, типов жертвенных ям с лошадьми и колесницами, результаты датировки органических остатков по С14. Во втором томе собраны цветные и черно-белые фотографии с места раскопок, самого материала. В основном это описание материала. Его всестороннее изучение и историческая интерпретация лежит за рамками монографии.

О памятнике

Памятник Чжанцзяпо 张家坡 расположен в провинции Шэньси, уезде Чанъань, в 20 км к юго-западу от города Сиань, на западном берегу реки Фэн,

в среднем ее течении, в 500 м к западу от деревни Маванчжэн 马旺镇, на территории чжоуского столичного двоеградья Фэн-Хао на Средней Вэйхэ⁷.

Чжанцзяпо – крупнейший могильник в районе столичного двоеградья Западного Чжоу Фэн-Хао. Уже само это обстоятельство делает его уникальным культурным объектом. Но это так и не было осознанно, археологам приходилось бороться за право раскопок на каждом квадратном метре.

Памятник расположен на территории двух деревень: Чжанцзяпо 张家坡 и Хайцзяпо 海家坡. Его чаще всего называют Чжанцзяпо, однако, можно встретить совмещенное название Чжанхайпо 张海坡. Памятник Чжанцзяпо исследовался совместно с другими ближайшими памятниками: Маванцунь 马王村, Кэшэнчжуан 客省庄 и др. При написании отчетов о раскопках археологи указывали такие места, как территория к югу от деревни Маванчжэн и к северу от деревни Чжанцзяпо без разграничения памятников по административным границам, причисляя материал то к первому, то ко второму памятнику.

Могильник стал известен с середины 1950-х гг., когда на территории деревни Чжанцзяпо началось строительство кирпичного завода. Во время расчистки грунта под фундамент рабочими были обнаружены некие древние объекты. По прибытии на место археологов выяснилось, что это были могилы эпохи Западного Чжоу. После этого раскопки велись вслед за перестройкой некоторых стен заводских сооружений, а также хозяйственных сооружений к югу от деревни. Все это время археологам приходилось терпеливо выжидать возможности продолжить раскопки.

Исследованная часть памятника расположена за пределами фабричной территории. Однако поскольку памятник плотно прилегает к ее стенам, то становится очевидным, что очень много материала осталось на территории завода, куда доступ археологам закрыт [12].

Значительное число погребений и материала в них позволило китайским специалистам выстроить четкую периодизацию памятника. В его истории выделяются пять периодов, привязанных к периодам правления чжоуских царей. Соотнесение периодов в истории памятника с периодами правления *ванов* позволяет выявить происходившие в эти периоды политические и социально-экономические процессы. Особенности данных процессов нашли отражение в материальных предметах и толщине стратиграфического слоя. Всего выделено пять периодов:

1. Правления У-вана (1046–1043 гг. до н.э.), Чэн-вана (1042–1021 гг. до н.э.) и Кан-вана (1020–996 гг. до н.э.) – ранний период установления государства,

---

⁷ Несмотря на сравнительно высокую степень изученности памятников столичного двоеградья Фэн-Хао, уникальное кладбище Чжанцзяпо не привлекло сколь-нибудь значимого внимания исследователей эпохи Западного Чжоу. Особенность историографии по данному памятнику в российской науке заключается в том, что его в основном рассматривают в качестве дочжоуского памятника (до основания государства Западного Чжоу в 1027 г.). Всестороннее рассмотрение материалов данного памятника эпохи Западного Чжоу в российской китаистике также отсутствует [11].

строительства основных политических центров и утверждение власти царя на огромной территории;

2. Правления Чжао-вана (995–977 гг. до н.э.) и Му-вана (976–922 гг. до н.э.) – первый кризис власти правителя и период реформ;

3. Правления Гун-вана (922–900 гг. до н.э.), И-вана (I) (899–892 гг. до н.э.) и Сяо-вана (891–886 гг. до н.э.) – расцвет государства и появление первых тенденций к децентрализации;

4. Правления И-вана (II) (885–878 гг. до н.э.) и Ли-вана (877–841 гг. до н.э.) – период децентрализации государства и окончательная потеря власти царем;

5. Правления Сюань-вана (827–782 гг. до н.э.) и Ю-вана (781–771 гг. до н.э.) – крах чжоуской государственности, потеря власти и необходимость перемещения ставки царя на восток для сохранения его безопасности [12].

Первые раскопки начались здесь в 1955 г., а последние известные по отчетам раскопки были проведены в 1992 г.⁸ На могильнике обнаружено 514 погребений, среди которых пять погребений представителей высшей знати [11]. Поскольку до сих пор не известно расположение погребений чжоуских царей, то можно предположить, что они, по примеру шанских, могли быть захоронены неподалеку от дворцового комплекса на берегу реки. Это может свидетельствовать, что их погребения расположены вблизи столичного центра Фэн-Хао.

До сих пор этот уникальный памятник не исследован полностью из-за своего расположения на территории завода, поэтому историческая реконструкция особенностей населения политического центра Фэн возможна лишь частично. Чтобы понять полноту материала и степень раскопанности памятника, рассмотрим историю его раскопок, выделим этапы раскопок и их основных участников.

Ситуация, когда археологи вынуждены ждать несколько десятилетий, чтобы получить возможность проводить раскопки, не уникальна, она также характерна для раскопок на территории Шанской столицы в Аньяне⁹. С началом вторжения японских войск в Китай (1937 г.) раскопки в различных частях шанского нома прекратились, а продолжились лишь в после войны и образования КНР в 1949 г. Кроме того, после создания КНР некоторые из тех, кто стоял у истоков исследования шанских памятников в Аньяне, были вынуждены покинуть материковую часть Китая и переселиться на Тайвань по политическим соображениям. Так, почти 15-летний перерыв в раскопках затормозил исследования Шанской столицы на несколько десятилетий [4].

***

Далее опишем историю раскопок на ценнейшем могильнике эпохи Западное Чжоу, Чжанцзяпо, и скажем об основных публикациях.

⁸ Разведка 1930-х гг. и обнаружение здесь крестьянами нескольких бронзовых сосудов начиная с XIX в. не могут считаться полноценным исследованием памятника, – раскопок до 1955 г. не проводилось.

⁹ Столица государства Шан-Инь (ок. 1300–1027 гг. до н.э.).

История раскопок

Раскопки памятника в основном велись сотрудниками Института археологии Китайской академии наук на востоке, юго-востоке и на западе деревни Чжанцзяпо (см. Приложение). В целом историю раскопок памятника можно разделить на несколько этапов в зависимости от регулярности проведения раскопок, их масштаба и проведения исследований, на основе опубликованных отчетов:

1. начало 1930-х гг. – 1967 гг. – начало раскопок и изучения, нерегулярное исследование всего района к западу от реки Фэн, частичные раскопки в Чжанцзяпо по мере обнаружения могил;

2. 1970–1981 гг. – привлечение внимания к проблеме разрушения памятников в районе и их спасение;

3. 1983–1986 гг. – планомерные раскопки сплошной площади памятника, исследования полученного в ходе раскопок этих лет материала;

4. 1987–1990-е гг. – раскопки по мере случайного обнаружения материала крестьянами и планомерное исследование материала предыдущих лет, в основном публикации на узкие темы, несколько знаковых публикаций исследования района к западу от реки Фэн в целом.

В Приложении расположена сводная таблица с указанием этапов раскопок, дат раскопок, организатора, конкретного места раскопок (если указано) и публикаций по результатам раскопок.

1 этап. Начало изучения (1930-е гг. – 1967 г.)

Первый этап характеризуется проведением разведок и нерегулярных раскопок, связанных со строительством кирпичного и бумажно-целлюлозного завода. Некоторые публикации отчетов о раскопках этого периода вышли значительно позже в связи с Культурной революцией и смертью одного из руководителей раскопок Чжао Юнфу (ум. 1979).

Разведка на территории дер. Чжанцзяпо впервые была проведена Сю Фаньчаном и Чан Хуэй в 1933 г. [12]. В апреле они посетили шесть объектов на территории города Сиань и его округа, это объекты могли быть связаны с эпохой Чжоу. Отчет об этой поездке представлен в виде записок Сю Фанчана. Автор не ставил целью исследовать и описать археологический материал. Он посещал храмы и деревни, имеющие в своем названии имена правителей Чжоу, расспрашивал местных жителей о происхождении названия места. Он также провел частичную разведку в районе волости Доумэн (район политического центра Хао) и храма Чжоугун (у подножья гор Цишань, в 15 км к северо-западу от сакрального центра Цичжоу). Им были обнаружены несколько разрытых зольников, фрагменты битой черепицы и керамических сосудов.

В 1948 г. Ши Чжанжу была проведена первая археологическая разведка района чжоуских столиц Цичжоу и Фэн-Хао [12]. В самом начале статьи Ши Чжанжу рассмотрел аргументы за и против существования шести

разновременных столичных центра народа *чжоу*: Ин 郢, Тай 蔡, Бинь 邳, Ци 岐, Фэн 丰 и Хао 镐. Он собрал фрагменты битой керамики, обнаруженные в шурфах пяти столичных центров, и выявил степень разграбления их памятников. Наиболее значимым представляется его классификация керамических сосудов. Он обнаружил, что керамика со шнуровым орнаментом присутствует на всех изученных им памятниках, гладкая керамика присутствует на всех крупнейших памятниках, а разноцветная керамика в большом количестве встречается на памятниках района Бинь. Он также классифицировал столичные центры по длительности строительства на основании их размеров, глубине и толщине хозяйственных ям. Затем после перерыва разведка возобновилась лишь в 1951 г. и продолжилась в 1953 г.

В 1951 г. археологам удалось за два месяца с апреля по июнь заложить 39 шурфов, из которых в 13 были обнаружены могилы различных периодов. В Чжанцзяпо было заложено семь шурфов, в двух из которых выявлены погребения, а в пяти – хозяйственные ямы. В 1953 г. была исследована территория ок. 500 кв. км на обоих берегах реки Фэн в уезде Чаньань пров. Шэньси. В Чжанцзяпо были расчищены две могилы. Результаты этих разведок были представлены во второй части 9 выпуска журнала *«Кэсюэ тунбао»* за 1951 г., в первом выпуске за 1955 г. и во втором выпуске за 1956 г. журнала *«Каогу тунсюнь»* [13]. Таким образом, публикация материалов затянулась на шесть лет.

Отдельная заметка была посвящена разведке 1955–1956 гг. в Чжанцзяпо, где был обнаружен богатейший материал, включающий изделия из камня, кости, металла, раковины. Особенное внимание исследователей привлекли гадательные надписи на лопаточных костях быков. Это первые обнаруженные здесь гадательные надписи.

В середине 1950-х гг. по программе государственного инвестирования на юго-востоке дер. Чжанцзяпо началось строительство кирпичного завода, что оживило деятельность археологов и дало возможность полного обследования памятника.

В 1955 г. проводили археологические работы, связанные со строительством этого завода на юго-востоке дер. Чжанцзяпо [13. С. 516]. Уже в результате первых пробных раскопок был обнаружен богатый материал Западного Чжоу, в том числе кости с гадательными надписями. После публикации результатов было решено начать на территории завода полноценные археологические раскопки. В то же время кирпичный завод был включен в объединенный производственный комплекс, состоящий из этого кирпичного завода, тракторно-экскаваторного завода и текстильной фабрики. Территория комплекса претерпела большие изменения, однако, кирпичный завод остался на своем месте. На освободившихся территориях археологам удалось провести раскопки.

Раскопки 1955–1957 гг. проводились на территории деревни Чжанцзяпо и деревни Кэшэнчжуан на двух участках. Раскопки в Кэшэнчжуан дали исключительно важный результат: были обнаружены хозяйственные ямы

позднего неолита (3500–2500 гг. до н.э.), материал культуры Кэшэнчжуан-2 (2300–2000 гг. до н.э.), слой культуры Западного Чжоу раннего (1027–966 гг. до н.э.) и позднего (857–771 гг. до н.э.) периодов, эпохи Чжаньго (456–221 гг. до н.э.) и Западной Хань (правление У-ди, 141–87 гг. до н.э.), самый поздний материал – могилы эпохи Тан (618–907 гг.) [4. С. 516]. Оба участка представлены поселенческими памятниками и могилами, среди которых 182 могилы – Западного Чжоу и 72 могилы – Восточного Чжоу (771–221 гг. до н.э.) [4. С. 521].

С ноября 1955 по февраль 1956 гг. на памятнике было расчищено 14 хозяйственных ям, обнаружены следы одной постройки, колодца и канавы-рва, 5 могил Западного Чжоу и 5 могил эпохи Тан (618–907 гг.) [4. С. 522]. Жилища раннего периода в основном прямоугольные неглубокие. В этом же слое были обнаружены хозяйственные ямы. Над ранним слоем располагается поздний слой. Жилища позднего периода Западного Чжоу – овалы полуземлянки. Также в слое обнаружены печи, зольники, колодцы. В жилищах обнаружены заготовки изделий из рога и кости, каменные орудия, костяные орудия, а также изделия из раковины [14]. Это первые жилища, обнаруженные на западном берегу реки Фэн столичного района.

В 1961–1962 гг. к востоку и юго-востоку от дер. Чжанцзяпо была расчищена 31 могила эпохи Западного Чжоу [15. С. 784]. Результаты раскопок 1961–1962 гг. были опубликованы от имени Чжао Юнфу посмертно в 1984 г. в статье «Отчет о раскопках в районе Фэнси в 1961–1962 гг.» [15]. В публикации описаны наиболее примечательные могилы и их инвентарь, приведены некоторые планы погребений.

Затем в 1961 г. к востоку от завода был обнаружен клад бронзовых изделий (преимущественно бронзовых сосудов) отдельно от могильников, в его составе 53 изделия, 32 из которых имеют надписи [16]. Исследование особенностей сосудов и надписей на них показало, что все они относятся к Западному Чжоу.

В 1967 г. к северу от кирпичного завода и к западу от дер. Чжанцзяпо началось строительство завода по производству бумаги в рамках большой сети строительства таких заводов в Сиани и округе. На место прибыли археологи. Им удалось расчистить 124 могилы, пять ям с лошадьми и колесницами, три ямы с лошадьми и др. [17].

Статья «Раскопки 1967 г. западночжоуских могил в Чжанцзяпо уезде Чанъань» вышла в свет лишь в 1980 г. [17]. В ней рассмотрены материалы керамического комплекса из погребений, описаны конструкции и инвентарь нескольких могил раскопок 1967 г., выявлены особенности группы схожих могил в зависимости от их ориентации, места их расположения на могильнике, количества и разнообразия сопровождающего инвентаря. Сводная таблица всех раскопок с размерами, указанием датировки, ориентации и количеством сопровождающего инвентаря в конце статьи представляет несомненную ценность для исследователей периода. Авторы датируют эту часть кладбища периодом Западного Чжоу.

Так прошел первый этап в истории раскопок памятника. На территории вдоль стен завода были проведены раскопки погребений. Все это позволило археологам сделать вывод о том, что на территории завода также может располагаться ценный для изучения Западного Чжоу материал. Но он оставался недоступным для изучения.

2 этап. Новые условия (1970–1981 гг.)

В 70-е гг. XX в. после Культурной революции ситуация в районе Фэнси изменилась. К западу от реки Фэн появилось большое число новых маленьких предприятий по производству кирпича. В районе деревни Кэшэнчжуан при строительстве двух небольших предприятий был почти полностью разрушен фундамент из трамбованной земли эпохи Западного Чжоу [12. С. 2]. Позднее восстановить его не удалось.

На юго-западе деревни Чжанцзяпо сотрудниками еще одного кирпичного завода при заборе почвы было разрушено несколько западночжоуских могил, некоторые предметы из них потом были обнаружены на поверхности земли.

В этой ситуации появилась необходимость защиты памятника и проведения раскопок в этом районе. Лишь призывы множества лиц и вмешательство Отдела по надзору за памятниками материальной культуры города Сиань смогли вынудить руководство предприятий приостановить свою деятельность хотя бы в одной в юго-западной части деревни Чжанцзяпо. Для того, чтобы провести срочные раскопки в этом районе, они нашли сочувствующего историкам влиятельного сотрудника соседней текстильной фабрики Сю Фэнвэя, благодаря связям которого было оказано давление на руководителей этих предприятий, и археологам удалось получить доступ на их территорию и провести там раскопки. Это дало свои результаты.

В 1973 г. был обнаружен еще один клад с более чем 20-ю предметами [18].

В 1976–1978 гг. на территории нескольких деревень (включая Чжанцзяпо) обнаружены три фундамента и остатки керамических труб древнего водопровода, также 11 могил Западного Чжоу и одна яма с лошадьми и колесницами [19]. Все могилы датируются исследователями ранним Западным Чжоу.

В 1979–1981 гг. раскопки продолжались на всей территории района к западу от реки Фэн. В Чжанцзяпо в 1979 г. обнаружили семь могил и одну яму с лошадьми и колесницами, а в 1981 г. еще одну могилу [18]. Археолог Дай Иньсинь пришел к выводу о том, что эти могилы следует датировать ранним и поздним периодами Западного Чжоу, а яму с лошадьми и колесницами – поздним периодом [18. С. 208].

Одновременно с этим публиковались работы об истории раскопок в районе столиц Фэн и Хао [14, 20, 21, 22].

Второй этап характеризуется частыми окказиональными раскопками в местах, где деятельность предприятий угрожала полным или частичным разрушением памятника. Именно в этот период потребовалось привлечение властей к охране культурного наследия, что в дальнейшем привело к организации регулярных охранных работ.

3 этап. Пик изучения (1983–1986 гг.)

На третий этап приходится наиболее масштабные и последовательные раскопки памятника. Начиная с весны 1983 г. археологи работали в Чжанцзяпо регулярно: расчистили более 60 уже вскрытых могил эпохи Западное Чжоу [12. С. 2]. Осенью 1983 г. для сокращения разрушений в районе дер. Кэшэнчжуан туда были направлены археологи, им удалось обнаружить большой фундамент из утрамбованной глины № 4 [23].

Однако это стало причиной замедления работ на могильнике в Чжанцзяпо. Зимой 1983–1984 гг. в районе кирпичной фабрики (к востоку от дер. Чжанцзяпо) в Чжанцзяпо была проведена разведка и обнаружено четыре могилы с дромосами членов влиятельной чжоуской семьи Цзин. После этого на протяжении нескольких лет зимой проводилась разведка, в результате которой на территории между дер. Чжанцзяпо и дер. Даюаньцунь было разведано свыше 1500 могил Западного Чжоу, что позволило очертить границы и подробнее разобраться в могильнике [12. С. 2].

Кроме того, зимой 1983 г. на юго-востоке дер. Чжанцзяпо начали строить текстильную фабрику. При беглом осмотре территории археологи обнаружили еще четыре могилы Западного Чжоу [24].

Весной 1984 г. все еще продолжались работы в Кэшэнчжуане, поэтому все силы были задействованы там. В Чжанцзяпо на территории кирпичных предприятий было раскопано несколько могил [12. С. 2; 24].

Осенью 1984 г. начались раскопки могил с дромосами, которые затем были названы «могилами семьи Цзин-шу». Начали с могилы М157 (могила самого Цзин-шу), которая является самой большой могилой Западного Чжоу на территории столиц Фэн-Хао, ее расчистка заняла два с половиной месяца [12. С. 3]. Благодаря ей удалось узнать, что на памятнике, кроме могил низшей и средней знати, также расположены погребения высшей знати. Обнаружение погребений семьи Цзин-шу позволило предположить, что на могильнике могут располагаться погребения других представителей высшей знати. Сам могильник получил статус крупнейшего публичного кладбища эпохи Западного Чжоу в районе столиц Фэн-Хао.

Весной 1985 г. раскопки обычных могил и могил с дромосами продолжались, были раскопаны М152, М168, М170 [12. С. 3, 10]. Начиная с осени 1985 г. до осени 1986 г. команда увеличивала площадь раскопок вокруг могил с дромосами и дошла до севера дер. Чжанцзяпо. Поскольку там ничего не было обнаружено, то разведка была остановлена.

За 1983–1986 гг. всего было раскопано 390 могил Западного Чжоу, включая «одну могилу с двумя дромосами, три могилы с одним дромосом, 340 грунтовых могил, 21 катакомбную могилу, 22 ямы с лошадьми и три ямы с лошадьми и колесницами» [12. С. 3].

В 1999 г. вышла монография в 2-х томах «Западночжоуское кладбище Чжанцзяпо» [12]. Авторы затронули вопросы культурных слоев памятника, их классификации и датировки полученных материалов, они описали погребения культуры чжоу и привели классификацию погребений, основанную на

их размерах и форме погребальной камеры. Они также не обошли стороной жертвенные ямы с лошадьми и жертвенные ямы с лошадьми и колесницами и привели подробное описание их материала. После этого они описали сопроводительный инвентарь погребений: керамические и бронзовые, нефритовые и каменные изделия и изделия из слоновой кости, рога, черепаховых панцирей, лака и т.д. Это ценнейший труд по крупномасштабным раскопкам данного памятника в 1983–1986 гг.

Вслед за раскопками и публикацией материалов раскопок 1983–1986 гг. последовала серия статей об исследовании памятника и анализе групп могил, погребального ритуала, могил и бронзовых сосудов семьи *Цзин* и др. [14, 21, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37].

4 этап. Спад раскопок (1987 г. – 1990-е гг.)

После 1986 г. в проведении раскопок наметился спад. В 1987 г. здесь вновь были проведены работы, было выявлено 16 хозяйственных ям, одна печь для обжига керамики и 20 могил [38]. В 1991 г. было раскопано еще 3 могилы [38. С. 895].

После 1991 г. началось активное всестороннее изучение могильника, раскопки же велись нерегулярно. В 1992 г. в Чжанцзяпо расчистили еще 9 могил и четыре печи по обжигу керамики эпохи Западного Чжоу [39]. 1997 годом датируются последние официальные раскопки в районе столицы Фэн-Хао. Проводились ли раскопки после этого, неизвестно. Публикации с материалами и результатами раскопок отсутствуют.

С середины 2000-х гг. среди археологических статей снова стали появляться статьи с анализом археологического материала пам. Чжанцзяпо. Среди авторов выделяется Чжан Лиянь, которая занимается исследованием погребального обряда эпохи Западного Чжоу на примере могильников района к западу от реки Фэн [40, 41].

Заключение

Памятник Чжанцзяпо представляет собой крупнейший могильник эпохи Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) сакрально-политического центра Фэн-Хао. Частично на нем расположены утрабованные фундаменты, которые относятся археологами к памятнику Кэшэнчжуан эпохи Западного Чжоу.

В работах по истории и культуре Западного Чжоу археологический материал этого памятника Чжанцзяпо освещается довольно скудно. Китайские же археологи, несмотря на доступность материала на китайском языке в многочисленных отчетах о раскопках, исследуют узкие вопросы¹⁰. В отечественной китаистике памятник Чжанцзяпо также исследован недостаточно.

В данной статье был восстановлен ход раскопок на этом уникальном памятнике, выявлена степень его исследованности, определены основные этапы

¹⁰ Например, серия статей Чжан Чаншоу по материалам раскопок 1983–1986 гг. [28–37].

раскопок. На территории памятника расположено четыре погребения представителей высшей знати, остальные погребения принадлежат представителям средней и низшей знати чжоуской, шанской субэтнической группы и иноэтнической группы населения. Но история раскопок этого памятника связана с постройкой новых заводов и текстильной фабрики вокруг деревни Чжанцзяпо, а также с перестройкой технических строений на территории крупного кирпичного завода. Поэтому могильник раскопан лишь частично. Нельзя исключить и то, что именно на территории заводов могут располагаться могилы представителей высшей знати или даже *ванов*, чьи могилы до сих пор не обнаружены.

Приложение

Таблица 1 / Table 1

Сводный перечень раскопок пам. Чжанцзяпо по этапам с указанием мест раскопок, организатора, публикаций /
Summary table of excavations of Zhangjiapo monument by stage, indicating the site of the excavation, the organizer, and publications

№	Год раскопок	Кем организованы	Место проведения раскопок	Публикация
Этап 1 (Начало 1930-х гг. – 1967 гг.)				
1	1955–1957	Сначала сотрудники Комитета по надзору за памятниками культуры провинции Шэньси, потом сотрудники Отдела археологических исследований Китайской Академии Наук	Строительство завода на юго-востоке дер. Чжанцзяпо	<i>Ван Бохун, Чжун Шаолин, Чжан Чаншоу.</i> 1955–1957 нянь Шэньси Чанъань Фэнси фацзюэ цзяньбао (Отчет о раскопках 1955–1957 гг. в пров. Шэньси, уезде Чанъань, районе Фэнси) // Каогу, 1959, № 10, с. 516–530.
2	1961–1962	Сотрудники Комитета по надзору за памятниками культуры провинции Шэньси за Чжао Юнфу	К востоку от дер. Чжанцзяпо	<i>Чжао Юнфу.</i> 1961–62 нянь Фэнси фацзюэ цзяньбао (Отчет о раскопках 1961–1962 гг. в районе Фэнси) // Каогу. 1984, № 9, с. 784–789.
3	1961	Сотрудники рабочей группы района Фэнси, Института Археологии КАН	К востоку от кирпичного завода	<i>Го Можо, Чжао Юнфу.</i> Чанъань Чжанцзяпо сичжоу тунциционь (Западночжоуские бронзы из местности Чжанцзяпо в уезде Чанъань). Пекин, 1965.
4	1967	Сотрудники рабочей группы района Фэнси, Института Археологии КАН	К северу от кирпичного завода и к западу от дер. Чжанцзяпо	Чжунго шэхуйкэсюэюань каогу-яньцзосо Фэнси фацзюэду. 1967 нянь Чанъань Чжанцзяпо сичжоу муцзандэ фацзюэ (Раскопки 1967 г. западночжоуских могил в Чжанцзяпо уезде Чанъань) // Каогу сюэбао. 1980, № 4, с. 457– 502.

Продолжение табл. 1 / Continuation table 1

№	Год раскопок	Кем организованы	Место проведения раскопок	Публикация
Этап 2 (1970–1981 гг.)				
5	1970	Сотрудники Отдела по контролю за памятниками материальной культуры г. Сиань	К северу от дер. Чжанцзяпо	Сианьши вэньгуаньхуй. Сичжоу дучэн Фэн Хао ичжи (Памятники восточных столиц Фэн-Хао Западного Чжоу) // Вэньбу, 1979, № 10, с. 68–70.
6	1976–1978	Сотрудники рабочей группы района Фэнси, Института Археологии КАН	К юго-западу и к востоку от дер. Чжанцзяпо	Чжунго шэхуйкэсюэюань каогуяньцзюсо Фэнси фацзюэдуй. 1976–1978 нянь Чаньвань Фэнси фацзюэ цзяньбао (Отчет о раскопках 1976–1978 гг. в районе Фэнси уезда Чаньвань) // Каогу. 1981, № 1, с. 13–18, 76.
7	1979–1981	Сотрудники рабочей группы района Фэнси, Института Археологии КАН	К юго-востоку от дер. Чжанцзяпо	<i>Дай Инсинь</i> . 1979–1981 нянь Чаньвань Фэнси, Фэндун фацзюэ цзяньбао (отчет о раскопках 1979–1981 гг. в уезде Чаньвань, районах Фэнси, Фэндун) // Каогу. 1986, № 3, с. 197–209.
Этап 3 (1983–1986 гг.)				

8	1983–1986	Сотрудники рабочей группы района Фэнси, Института Археологии КАН	К юго-востоку от дер. Чжанцзяпо	1. Чжанцзяпо сичжоу муди (Западночжоуское кладбище Чжанцзяпо). Т. 1. Т. 2. Пекин, 1999.
				2. Чжунго шэхуйкэсюэюань каогуяньцзюсо Фэн Хао гунцзодуй. 1984–1985 нянь Фэнси Сичжоу ичжи, муцзан фацзюэ баогао (Отчет о раскопках могил и поселенческого памятника эпохи Западного Чжоу в районе Фэнси в 1984–1985 гг.) // Каогу, 1987, № 1.
				3. <i>Лу Ляньчэн, Чэнь Чан</i> . Чаньвань Фэнси цзао Чжоу муцзан фацзюэ цзилюэ (Краткие записки о раскопках могил раннего Чжоу в уезде Чаньвань, районе Фэнси) // Каогу. 1984, № 9, с. 779–783.

9	1983	Сотрудники рабочей группы района Фэнси, Института Археологии КАН	К востоку от дер. Чжанцзяпо, к западу от дер. Кэшэнчжуан	Чжунго шэхуйкэсюэюань каогуяньцзюсо Фэнси фацзюэдуй. Шэньси Чаньвань Фэнси Кэшэнчжуан ханту цзичжи фацзюэ цзяньбао (Отчет о раскопках трамбованных фундаментов пам. Кэшэнчжуан, уезда Чаньвань, пров. Шэньси) // Каогу, 1987, № 8.

Окончание табл. 1 / End of the table 1

№	Год раскопок	Кем организованы	Место проведения раскопок	Публикация
Этап 4 (1987 г. – 1990-е гг.)				
10	1987	Сотрудники рабочей группы района Фэнси, Института Археологии КАН	К юго-востоку от дер. Чжанцзяпо	<i>Чжэн Вэньлань</i> . 1987, 1991 нянь Шэньси Чаньань Чжанцзяпо дэ фацзюэ (Раскопки 1987, 1991 гг. в дер. Чжанцзяпо уезда Чаньань) // <i>Каогу</i> . 1994, № 10, с. 895–947.
11	1991	Сотрудники рабочей группы района Фэнси, Института Археологии КАН	К юго-востоку от дер. Чжанцзяпо	<i>Чжэн Вэньлань</i> . 1987, 1991 нянь Шэньси Чаньань Чжанцзяпо дэ фацзюэ (Раскопки 1987, 1991 гг. в дер. Чжанцзяпо уезда Чаньань) // <i>Каогу</i> . 1994, № 10, с. 895–947.
12	1992	Сотрудники рабочей группы района Фэн-Хао, Института Археологии КАН	К востоку от дер. Чжанцзяпо	<i>Сю Лянсао, Чжан Лянжэнь</i> . 1992 нянь Фэнси фацзюэ цзяньбао (Отчет о раскопках 1992 г. в районе Фэнси) // <i>Каогу</i> , 1994, № 11, с. 964, 974–983.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I / Перевод с китайского и комментарий Р.В. Вяткина и В.С. Таскина, под общей редакцией Р.В. Вяткина. Вступительная статья М.В. Крюкова. М., 1972. 440 с. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001. С. 415.
- [2] Бамбуковые анналы (Губэнь Чжуншу цзинянь) / Издание текста, перевод с китайского, вступительная статья, комментарии и приложения Ульянова М.Ю. (при участии Деопика Д.В. и Таркиной А.И.). М., 2005. С. 311.
- [3] Шицзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит. и коммент. А.А. Штукина. М., 1987. Режим доступа: http://www.burdonov.ru/SHI_ZIN/ShiJing/RUS/index.html#shijing4 Дата обращения: 18.09.2019
- [4] *Li Feng*. Bureaucracy and the state in early China: governing the Western Zhou. Cambridge – New York : Cambridge University Press, 2008. P. 381.
- [5] История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э. М., 2016. С. 482.
- [6] *Куликов Д.Е.* Дун Цзобинь и история открытия иньских гадательных надписей (обзор сведений из двух изданий Цзягу няньбао и их источников) // Общество и государство в Китае. М. 2016. № 21–2. С. 25–58. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dun-tszobin-i-istoriya-otkrytiya-inskih-gadatelnyh-nadpisey-obzor-svedeniy-iz-dvuh-izdaniy-tszyagu-nyanbyao-i-ih-istochnikov>. Дата обращения: 17.09.2019
- [7] *Комиссаров С.А.* Археология Западного Чжоу – 1027–770 гг. до н.э. (по материалам исследований 70-х гг.) // Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние. 1985. С. 86–111.
- [8] *Комиссаров С.А.* Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 119 с.
- [9] *Васильев К.В.* Истоки китайской цивилизации. М.: Вост. лит., 1998. 320 с.

- [10] *Кожин П.М.* Иньские и чжоуские колесницы как палеокультурологическая проблема // Общество и государство в Китае: XXXV научная конференция. Ин-т востоковедения; сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. М.: Вост. лит. 2005. № 35. С. 5–15.
- [11] *Ефименко М.В.* О социальном и региональном разнообразии западночжоуского общества (на основе выделения керамических комплексов могильника Чжанцзяпо) // 48-я научная конференция Общество и государство в Китае. Ученые записки отдела Китая. Выпуск 28. Т. XLVIII. ч. 2. М. 2018. № 28–2. С. 9–36.
- [12] Zhangjiapo Xizhou mudi (Западночжоуское кладбище Чжанцзяпо). Т. 1. Т. 2. Пекин, 1999. 457 с. + 320 с. м
- [13] Zhongguo kexueyuan kaogusuo Fengxifajuedui. 1955–1957 nian Shaanxi Chang'an Fengxi fajue jianbao (Отчет о раскопках 1955–1957 гг. в пров. Шэньси, уезде Чанъань, районе Фэнси) // Kaogu. Beijing. 1959. № 10. С. 516–530.
- [14] Hu Qianying. Feng Hao kaogugongzuo sanshinian (1951–1981) de huigu (Петроспектива 30-ти лет археологических работ (1951–1981 гг.) в районе Фэн-Хао) // Wenwu. Beijing. 1982. № 10. С. 57–67.
- [15] Zhao Yongfu. 1961–1962 nian Fengxi fajue jianbao (Отчет о раскопках 1961–1962 гг. в районе Фэнси) // Kaogu. Beijing. 1984. № 9. С. 784–789.
- [16] Guo Momo, Zhao Yongfu. Chang'an Zhangjiapo Xi Zhou tongqiqun (Западночжоуские бронзы из местности Чжанцзяпо в уезде Чанъань). Beijing, 1965. 115 с.
- [17] Zhongguo kexueyuan kaogusuo Fengxifajuedui. 1967 nian Chang'an Zhangjiapo Xi Zhou muzang de fajue (Раскопки 1967 г. западночжоуских могил в Чжанцзяпо уезде Чанъань) // Kaogu хуебао. Beijing. 1980. № 4. С. 457–502.
- [18] Dai Yingxin. 1979–1981 nian Chang'an Fengxi, Fengdongfajue jianbao (отчет о раскопках 1979–1981 гг. в уезде Чанъань, районах Фэнси, Фэндун) // Kaogu. Beijing. 1986. № 3. С. 197–209.
- [19] Zhongguo kexueyuan kaogusuo Fengxifajuedui. 1976–1978 nian Chang'an Fengxi, Fengdongfajue jianbao (Отчет о раскопках 1976–1978 гг. в районе Фэнси уезда Чанъань) // Kaogu. Beijing. 1981. № 1. С. 13–18, 76.
- [20] Lu Liancheng. 1984–85 nian Fengxi Xi Zhou yizhi, muzang fajue jianbao (Отчет о раскопках памятников и могил Западного Чжоу в районе Фэнси) // Kaogu. Beijing. 1987. № 1. С. 15–32.
- [21] Han Rubin. Zhangjiapo M152 chutu XI Zhou ge de jianing (Характеристика клевцев, обнаруженных в могиле M152 эпохи западное Чжоу, пам. Чжанцзяпо) // Kaogu. Beijing. 1995. № 7. С. 640–642.
- [22] Guanli weiyuanhui. Shanxi Chang'an Fengxi Zhangjiapo yizhi de fajue (Раскопки западночжоуского памятника Чжанцзяпо в районе Фэнси, уезде Чанъань, провинции Шэньси) // Kaogu. Beijing. 1964 № 9. С. 441–474.
- [23] Zhongguo kexueyuan kaogusuo Fengxifajuedui. Shanxi Chang'an Fengxi Kesheng-zhuang hangtu jizhi fa ue jianbao (Отчет о раскопках трамбованных фундаментов пам. Кэшэнчжуан, уезда Чанъань, пров. Шэньси) // Kaogu. Beijing. 1987. № 8. С. 34–78.
- [24] Lu Liancheng, Chen Chang. Chang'an Fengxi zao Zhou muzang fajue jianbao (Краткие записки о раскопках могил раннего Чжоу в уезде Чанъань, районе Фэнси) // Kaogu. Beijing. 1984. № 9. С. 779–783.
- [25] Lu Liancheng, Zheng Wenlan. Chang'an Zhangjiapo M183 XI Zhou dongshimu fajue jianbao (Отчет о раскопках катакомбного погребения M183 Западного Чжоу в уезде Чанъань, дер. Чжанцзяпо) // Kaogu. Beijing. 1989. № 6. С. 524–529.
- [26] Liang Xingpeng. Qizhou, Fenghao zhouwenhua yiji, muzang fenqi yanjiu (Исследование памятников и могил Чжоуской культуры из района Цичжоу, Фэн-Хао по периодам) // Kaogu хуебао. Beijing. 2002. № 4. С. 381–420.
- [27] Xi'anshi wenguanhui. Xi Zhou ducheng Fenghao yizhi (Памятники восточных столиц Фэн-Хао Западного Чжоу) // Wenwu. Beijing. 1979. № 10. С. 68–70.

- [28] Zhang Genghai. Fengxi chemakeng de huaxue baohu (Химическая защита ям с лошадьми и колесницами района Фэнси) // Wenbo. Beijing. 1992. № 8. С. 94–95.
- [29] Zhang Changshou. Lun Jingshu tongqi – 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhier (К вопросу о бронзовых сосудах рода Цзин-шу – по материалам раскопок в районе Фэнси 1983–1986 гг. Часть 2) // Wenwu. Beijing. 1990. № 7. С. 32–35.
- [30] Zhang Changshou. Shuo “wangjun xue” – 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhisi (Обсуждение фразы «ван цзюнь сюэ» – по материалам раскопок в районе Фэнси 1983–1986 гг. Часть 4) // Wenwu. Beijing. 1991. № 12. С. 75, 87–89.
- [31] Zhang Changshou. Qiangliu yu guangwei – 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhiwu (Украшения цяню и мешочки с травами – по материалам раскопок в районе Фэнси 1983–1986 гг. Часть 5) // Wenwu. Beijing. 1992. № 4. С. 49–52.
- [32] Zhang Changshou. Xi Zhou shiqi de tongqi muqiju – 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhiliu (Утварь из бронзы, лака, дерева эпохи Западное Чжоу – по материалам раскопок в районе Фэнси 1983–1986 гг. Часть 6) // Kaogu. Beijing. 1992. № 6. С. 550–558.
- [33] Zhang Changshou. Xi Zhou de zangyu – 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhiba (Погребальные нефриты эпохи Западное Чжоу – по материалам раскопок в районе Фэнси 1983–1986 гг. Часть 8) // Wenwu. Beijing. 1993. № 9. С. 55–59, 103–104.
- [34] Zhang Changshou. XI Zhou de yubing xingqi- 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhi-jiu (Нефритовые изделия в форме ручки эпохи западное Чжоу – по материалам раскопок в районе Фэнси 1983–1986 гг. Часть 9) // Kaogu. Beijing. 1994. № 6. С. 551–555.
- [35] Zhang Changshou. Fengxi de xianzhou wenhua yicun (Следы до-чжоуской культуры в районе Фэнси) // Kaogu yu wenwu. Beijing. 2002. № 2. С. 22–27, 34.
- [36] Zhang Changshou, Lu Liancheng. Chnag’an Zhangjiapo Xi Zhou Jingshumu fajue jianbao (Отчет о раскопках могилы Цзин-шу эпохи Западное Чжоу в уезде Чанъань, дер. Чжанцзяпо) // Kaogu. Beijing. 1986. № 1. С. 22–27.
- [37] Zhang Changshou, Zhnag Xiaoguang. Jingshu mudi suojian Xi Zhou lunyu (Экспозиция Западного Чжоу из могилы Цзин-шу) // Kaogu хуэбао. Beijing. 1994. № 2. С. 155–172.
- [38] Zheng Wenlan. 1987, 1991 nian Shanxi Chang’an Zhangjiapo de fajue (Раскопки 1987, 1991 гг. в дер. Чжанцзяпо уезда Чанъань) // Kaogu. Beijing. 1994. № 10. С. 895–947.
- [39] Xu Lianggao, Zhang Liangren. 1992 nian Fengxi fajue jianbao (Отчет о раскопках 1992 г. в районе Фэнси) // Kaogu. Beijing. 1994. № 11. С. 964, 974–983.
- [40] Zhang Liyan. Fanghao diqu Xi Zhou muzang fenqi yanjiu (Исследование могил Западного Чжоу района Фэн-Хао по периодам) // Kaogu хуэбао. Beijing. 2012. № 1. С. 23–62.
- [41] Zhang Liyan. Cong muzang cailiao kan Fenghaodiqu Xi Zhou shiqi de renqun goucheng (Структура населения западного Чжоу по материалам могил памятников района Фэн-Хао) // Huaxia kaogu. Beijing. 2015. № 2. С. 67, 89–98.

REFERENCES

- [1] Sima Qian. Istoricheskie zapiski (Shi Ji). Vol. I [Historical Notes]. Translation from Chinese and commentary by RV Vyatkin and V.S. Taskin, editors R.V. Vyatkin. Introductory article by M., V Kryukov. M., 1972. Ed. 2nd, corrected and supplemented. M., 2001. P. 415 (In Russ.).
- [2] Bambukovie annaly (Guben Zhushu Jinian) [The Bamboo Annals]. Publication of the text, translation from Chinese, introductory article, comments and annexes Ulyanov MYu. (with the participation of Deopik DV and Tarkina AI), M., 2005. P. 311 (In Russ.).

- [3] Shijing: kniga pesen y gimnov [Shijin: Book of songs and hymns]. Transl. with a commentary by AA Shtukin. Moscow, 1987. Available from: http://www.burdonov.ru/SHI_ZIN/ShiJing/RUS/index.html#shijing4 [Accessed: September 18, 2019]. (In Russ.).
- [4] *Li Feng*. Bureaucracy and the state in early China: governing the western Zhou. Cambridge, UK; New York : Cambridge University Press, 2008. P. 381.
- [5] Istoriya Kitaya c drevneishikh vremen i do nachala 21 veka. T. 1. Drevneyshaya i drevnyaya istoriya (po arkheologicheskim dannim): ot paleolita do 5 veka do n. e. [The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century. Vol. 1. The oldest and most ancient history (according to archaeological data): from the Paleolithic to the V century BC]. M., 2016. P. 482 (In Russ.).
- [6] Kulikov DE. Dong Zuobin i istoriya otkrytiya inskikh gadatel'nikh nadpisey (obzor svedeniy iz dvukh izdaniy Jiagu nianbao i ikh istochnikov). [Dong Zuobin and the history of the discovery of Yin fortune-telling inscriptions (a review of the information from two editions of Jiagu Nianbao and their sources)]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2016: (21–2):25–58. (In Russ.). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/dun-tszobin-i-istoriya-otkrytiya-inskih-gadatelnyh-nadpisey-obzor-svedeniy-iz-dvuh-izdaniy-tsyzagu-nyanbyao-i-ih-istochnikov> [Accessed: 17 September 2019]. (In Russ.).
- [7] Komissarov SA. Arkheologiya Zapadnogo Chzhou – 1027-771 gg. do n.e. (po materialam issledovaniy 70-kh gg.). [Archeology of Western Zhou – 1027–770 BC (based on research from the 70s)]. *Drevnie kulturi Kitaya. Paleolit, neolit i epokha metalla*. 1985. P. 86–111. (In Russ.).
- [8] Komissarov SA. kompleks vooruzheniya Drevnego Kitaya. Epokha pozdney bronzy. [The armament complex of ancient China. The era of late bronze]. Novosibirsk, 1988. P. 119 (In Russ.).
- [9] Vasiliev KV. Istoki kitayskoi tsivilizatsii. [The origins of Chinese civilization]. M.: Vost. lit., 1998. P. 320 (In Russ.).
- [10] Kozhin PM. In'skie i chzhouskie kolesnitsi kak paleokul'turologicheskaya problema. [Yin and Zhou chariots as a paleocultural problem]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2005: (35):5–15. (In Russ.).
- [11] Efimenko MV. O sotsial'nom i etnicheskom raznoobrazii zapadnochzhouskogo obschestva (na osnove vidileniya keramicheskikh kompleksov mogilnika Zhangjiapo). [On the social and regional diversity of West Zhou society (based on the allocation of ceramic complexes of the Zhangjiapo cemetery)]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2018: (28–2):9–36. (In Russ.).
- [12] Zhangjiapo Xizhou mudi (Western Zhou Cemetery Zhangjiapo). Xia shang. Beijing, 1999. (In Chin.).
- [13] Zhongguo kexueyuan kaogusuo Fengxifajuedui. 1955–1957 nian Shaanxi Chang'an Fengxi fajue jianbao (Excavation Report of 1955–1957 Shaanxi Province, Chang'an County, Fengxi District). *Kaogu*. 1959: (10):516–530. (In Chin.).
- [14] Hu Qianying. Feng Hao kaogugongzuo sanshinian (1951–1981) de huigu (Retrospective of 30 years of archaeological work (1951–1981) in the Feng Hao area) // *Wenwu*. 1982: (10):57–67. (In Chin.).
- [15] Zhao Yongfu. 1961–1962 nian Fengxi fajue jianbao (Report on excavations of 1961–1962 in the Fengxi area). *Kaogu*. 1984: (9):784–789. (In Chin.).
- [16] Guo Moruo, Zhao Yongfu. Chang'an Zhangjiapo Xi Zhou tongqiqun (Western Zhou Bronzes from Zhangjiapo, Chang'an County). Beijing, 1965. (In Chin.).
- [17] Zhongguo kexueyuan kaogusuo Fengxifajuedui. 1967 nian Chang'an Zhangjiapo Xi Zhou muzang de fajue (Excavation of the 1967 Western Zhou graves in Chang'an county). *Kaogu xuebao*. 1980: (4):457–502. (In Chin.).
- [18] Dai Yingxin. 1979–1981 nian Chang'an Fengxi, Fengdongfajue jianbao (Report on the excavations of 1979–1981 in Chang'an County, Fengxi, Fengdong). *Kaogu*. 1986:(3): 197–209. (In Chin.).

- [19] Zhongguo kexueyuan kaogusuo Fengxifajuedui. 1976–1978 nian Chang'an Fengxi, Fengdongfajue jianbao (Excavation Report 1976–1978 in the Fengxi District of Chang'an County). Kaogu. 1981: (1):13–18, 76. (In Chin.).
- [20] Lu Liancheng. 1984–85 nian Fengxi Xi Zhou yizhi, muzang fajue jianbao (Report on the excavation of monuments and tombs of Western Zhou in the Fengxi area). Kaogu. 1987: (1):15–32. (In Chin.).
- [21] Han Rubin. Zhangjiapo M152 chutu XI Zhou ge de jianding (Characteristics of the armory discovered in the tomb of M152 of the Western Zhou era, Zhangjiapo site). Kaogu. 1995: (7):640–642. (In Chin.).
- [22] Guanli weiyuanhui. Shanxi Chang'an Fengxi Zhangjiapo yizhi de fajue (Excavations of the Western Zhou Zhangjiapo Monument in Fengxi District, Chang'an County, Shaanxi Province). Kaogu. 1964: (9):441–474. (In Chin.).
- [23] Zhongguo kexueyuan kaogusuo Fengxifajuedui. Shanxi Chang'an Fengxi Keshengzhuang hangtu jizhi fa ue jianbao (Report on excavation of rammed foundations at Keshengzhuang, Chang'an County, Shaanxi Province). Kaogu. 1987: (8):34–78. (In Chin.).
- [24] Lu Liancheng, Chen Chang. Chang'an Fengxi zao Zhou muzang fajue jianbao (Brief notes on excavation of the graves of early Zhou in Chang'an County, Fengxi District). Kaogu. 1984: (9):779–783. (In Chin.).
- [25] Lu Liancheng, Zheng Wenlan. Chang'an Zhangjiapo M183 XI Zhou dongshimu fajue jianbao (Report on excavation of the catacomb burial M183 of Western Zhou in Chang'an county, Zhangjiapo village). Kaogu. 1989: (6):524–529. (In Chin.).
- [26] Liang Xingpeng. Qizhou, Fenghao zhouwenhua yiji, muzang fenqi yanjiu (Study of monuments and graves of Zhou culture from the Qizhou region, Feng Hao region by periods). Kaogu xuebao. 2002: (4):381–420. (In Chin.).
- [27] Xi'anshi wenguanhui. Xi Zhou ducheng Fenghao yizhi (Monuments of the Eastern Capitals of Feng Hao of Western Zhou). Wenwu. 1979: (10):68–70. (In Chin.).
- [28] Zhang Genghai. Fengxi chemakeng de huaxue baohu (Chemical Protection of Pits with Horses and Chariots in the Fengxi District). Wenwu. 1992: (8):94–95. (In Chin.).
- [29] Zhang Changshou. Lun Jingshu tongqi – 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhier (On the issue of bronze vessels of the Jing-shu genus – based on excavations in the Fengxi area in 1983–1986, Part 2). Wenwu. 1990: (7):32–35. (In Chin.).
- [30] Zhang Changshou. Shuo "wangjun xu" – 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhisi (Discussion of the phrase "Wang Jun Xue" – based on materials from excavations in the Fengxi District 1983–1986, Part 4). Wenwu. 1991: (12):75, 87–89. (In Chin.).
- [31] Zhang Changshou. Qiangliu yu guangwei – 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhiwu (Jewelry Qian and Bags With Herbs – Based on Excavations in the Fengxi District of 1983–1986, Part 5). Wenwu. 1992: (4):49–52. (In Chin.).
- [32] Zhang Changshou. Xi Zhou shiqi de tongqi muqiju – 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhiliu (Utensils made of bronze, varnish, wood of the Western Zhou era – based on materials from excavations in the Fengxi district 1983–1986, Part 6). Kaogu. 1992: (6):550–558. (In Chin.).
- [33] Zhang Changshou. Xi Zhou de zangyu – 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhiba (Funeral jades of the Western Zhou era – based on excavation materials in the Fengxi district 1983–1986, Part 8). Wenwu. 1993: (9):55–59, 103–104. (In Chin.).
- [34] Zhang Changshou. XI Zhou de yubing xingqi- 1983–1986 nian Fengxi fajue ziliao zhijiu (Jade pen-shaped products from the Western Zhou era – based on excavations in the Fengxi District 1983–1986, Part 9). Kaogu. 1994: (6):551–555. (In Chin.).
- [35] Zhang Changshou. Fengxi de xianzhou wenhua yicun (Traces of Pre-Zhou Culture in the Fengxi District). Kaogu yu wenwu. 2002: (2):22–27, 34. (In Chin.).
- [36] Zhang Changshou, Lu Liancheng. Chnag'an Zhangjiapo Xi Zhou Jingshumu fajue jianbao (Report on the excavation of the grave of the Jing-shu of the Western Zhou era in Chang'an County, Zhangjiapo Village). Kaogu. 1986: (1):22–27. (In Chin.).

- [37] Zhang Changshou, Zhnag Xiaoguang. Jingshu mudi suojian Xi Zhou lunyu (Crews of Western Zhou from the grave of Jing-shu). *Kaoguxuebao*. 1994: (2):155–172. (In Chin.).
- [38] Zheng Wenlan. 1987, 1991 nian Shanxi Chang'an Zhangjiapo de fajue (Excavations of 1987, 1991 in the village of Zhangjiapo of Chang'an county). *Kaogu*. 1994 (10):895–947. (In Chin.).
- [39] Xu Lianggao, Zhang Liangren. 1992 nian Fengxi fajue jianbao (1992 Excavation Report in the Fengxi District). *Kaogu*. 1994 (11):974–983. (In Chin.).
- [40] Zhang Liyan. Fanghao diqu Xi Zhou muzang fenqi yanjiu (Study of the graves of Western Zhou Feng Hao district by periods). *Kaoguxuebao*. 2012: (1):23–62. (In Chin.).
- [41] Zhang Liyan. Cong muzang cailiao kan Fenghaodiqu Xi Zhou shiqi de renqun goucheng (The structure of the population of Western Zhou based on the materials of the graves of the monuments of the Feng Hao region). *Huaxia kaogu*. 2015: (2):67, 89–98. (In Chin.).

Информация об авторе:

Ефименко Мария Владимировна – лаборант-исследователь Отдела Китая Института востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН). E-mail: efimenko.masha2012@yandex.ru.

Information about the author:

Efimenko Maria Vladimirovna – laboratory Assistant Researcher of Department of China, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: efimenko.masha2012@yandex.ru.

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ HISTORY OF CULTURE

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-211-229

Научная статья / Research article

Формирование египетской коллекции Национального музея Республики Татарстан: вклад в развитие отечественной египтологии

А.А. Аксенова

Университет Лион 2,
69007, Франция, г. Лион, ул. Пастер, 86
anastasia.aksenova@univ-lyon2.fr

Аннотация. В статье анализируется история формирования египетской коллекции Национального музея Республики Татарстан (НМРТ) на протяжении XIX и XX вв. На материалах архивов города Казани, национального музея, а также с привлечением других научных публикаций в контексте развития отечественной египтологии как науки и музееведения в Казани рассмотрены и проанализированы четыре основных этапа формирования археологического фонда, а также современное состояние коллекции древнеегипетского наследия. Анализ каждого этапа позволяет реконструировать эволюцию египтологии как науки и востоковедения в целом в регионах России. Данная коллекция Национального музея Республики Татарстан является одним из крупнейших отечественных собраний египетской культуры, которая не экспонировалась с начала XX в. В данной ситуации каталогизация и изучение формирования коллекции необходимы для ее сохранения как уникального наследия. Автор статьи пришел к выводу о важном значении Казанского университета в развитии археологического фонда Национального музея Республики Татарстан, роли собранных египетских материалов в развитии отечественной египтологии и востоковедения в XIX в.

Ключевые слова: египтология, отечественное музейное дело, национальная коллекция города Казани, формирование отечественной науки, русский путешественники в Египте, египетская коллекция

История статьи: Поступила в редакцию: 13.10.2020. Принята к публикации: 18.01.2021.

Для цитирования: Аксенова А.А. Формирование египетской коллекции Национального музея Республики Татарстан: вклад в развитие отечественной египтологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 2. С. 211–229. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-211-229

© Аксенова А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Formation of the Egyptian collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan: a contribution to the development of Russian Egyptology

A.A. Aksenova

University of Lyon 2,
86, rue Pasteur, Lyon, France, 69007
anastasia.aksenova@univ-lyon2.fr

Abstract. The article analyzes the history of the formation of the Egyptian collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan during the 19th and 20th centuries. Based on the materials of the archives of the city of Kazan, the national museum, as well as with the involvement of other scientific publications in the context of the museology in Kazan and the development of Russian Egyptology as a science, the four main stages of the formation of the archaeological fund, as well as the current state of the collection of the ancient Egyptian heritage, are examined and analyzed. An analysis of each stage allows the reconstruction of the evolution of Egyptology as a science, and oriental studies in general, in the regions of Russia. This collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan is one of the largest domestic collections of Egyptian culture, which has not been exhibited since the beginning of the 20th century. In this context, cataloging and studying the formation of a collection is necessary for its preservation as a unique heritage. The author of the article came to the conclusion about the importance of Kazan University in the development of the archaeological foundation of the National Museum of the Republic of Tatarstan, the role of the collected Egyptian materials in the development of Russian Egyptology and Oriental studies in the 19th century.

Keywords: egyptology, national museum work, national collection of the city of Kazan, the formation of domestic science, Russian travelers in Egypt, Egyptian collection

Article history: Received: 13.10.2020. Accepted: 18.01.2021.

For citation: Aksenova A.A. Formation of the Egyptian collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan: a contribution to the development of Russian Egyptology. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(2):211–229. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-211-229

Введение

Государственный Национальный музей Республики Татарстан¹ является старейшим региональным музеем России, хранилищем духовного и культурного наследия.

Формирование музея имеет собственную давнюю традицию и историю. Казанский городской научно-промышленный музей, открытый в 1895 г., был одним из крупнейших эксклюзивных собраний Российской империи. Как указывает Назипова Г.Р. [1. С. 15], возникновению музея способствовали удачные условия, сложившиеся к концу второй половины XIX в. К моменту создания музея Казань стала многонациональным и активно развивающимся региональным центром. Город считался экономическим и административным стержнем

---

¹ НМРТ – Национальный музей Республики Татарстан.

губернии. Более того, он был духовным и культурным центром татар, которые жили на его территории. Особое влияние на формирование просветительской роли города оказал Императорский Казанский Университет, который являлся крупнейшим учебным заведением Российской империи наравне с Московским и Петербургским. Научные деятели и профессора были инициаторами многих нововведений в регионе, в том числе они оказывали значительное влияние на развитие коллекционирования, а также принимали участие в открытии литературных салонов, проведении мероприятий, популяризировали научные статьи, помогали организации выставок и открытию научных кабинетов и т.д. [2. С. 15–16]. Также благодаря активной деятельности университета в регионе быстрыми темпами развивалось краеведение и археология Поволжско-Уральского края. Безусловно, накопление археологических памятников благоприятствовало развитию музейной деятельности в Казани.

Музей имеет долгую историю формирования фондов. Истоки возникновения музейной коллекции можно проследить вплоть до начала XIX в. Создание хранилищ привезенных древностей и региональных археологических памятников начинается с 1804 г., а именно с возникновения Казанского университета [1.С.53]. Путешествия на Восток, в том числе в Египет, на Синай, в Палестину и т.д., являлись неотъемлемой частью научной деятельности преподавателей и сотрудников университета. Часто миссии финансировались государством или директорией учебного заведения. Университет ориентировался на развитие востоковедения в целом, изучение языков и диалектов, местной культуры и традиций. Неудивительно, что студенты и профессора могли быть командированы в продолжительные экспедиции в различные регионы Ближнего Востока. Значительный вклад, к примеру, в развитие и изучение восточной словесности в России, турецкого и персидского языков внес Илья Николаевич Березин, отправленный в длительное путешествие по Закавказью, в Турцию, Персию и Египет для исследования быта, культуры и местных наречий. После возвращения из экспедиции магистр восточной словесности опубликовал путевые заметки совместно с сопровождавшим его Вильямом Диттелем, а также несколько отчетов для Казанского университета.

Некоторые путешественники покупали исторические артефакты и предметы древности – на аукционах, местных рынках, во время археологических экспедиций. Например, кабинет древностей и редкостей располагал незначительным числом предметов египетской культуры уже к началу второй половины XIX в., которые были вывезены из Египта господином Вагнером, преподавателем университета. Таким образом, будущий фонд начал формироваться задолго до возникновения музея в стенах Казанского университета.

Созданный кабинет древностей и редкостей при Казанском университете в 1815 г. положил начало египетской коллекции современного национального музея, которая хранится в археологическом фонде НМРТ. Его создание сыграло особую роль в развитии востоковедения в казанском регионе, а также в накоплении и исследовании исторических памятников Египта.

На данный момент в археологическом фонде Национального музея Республики Татарстан хранится около 250 египетских памятников. За всю

историю существования музея было опубликовано два научных труда, благодаря которым можно выявить общую численность египетских древностей на протяжении века.

Если обратиться к данным каталога египетских памятников О.Д. Берлева и С.И. Ходжаш [3], опубликованного в 1998 г., среди наиболее значительных предметов древности авторы выделяют 176 разнообразных объектов, включая мелкую пластику и погребальную утварь.

Среди самых ранних упоминаний египетской коллекции Казани стоит отметить публикацию Б.А. Тураева [4], изданную в 1903 г. Исследователь сообщает о 165 древностях, принадлежащим музею, а также о 15 небольших предметах Лихачевского музея, представлявшего на тот момент особый отдел. Необходимо отметить архивные данные, хранящиеся в самом Национальном музее, например, неопубликованную статью научного сотрудника ТАССР В.Н. Маркова [5], который в 1980 г. отмечает наличие около 400 египетских древностей археологического фонда.

Анализируя все представленные материалы, целесообразно выделить несколько значимых этапов в истории формирования египетской коллекции фонда. Анализ и выделение этапов изложено по хронологическому принципу.

Первый этап затрагивает период с 1842 г. до последней четверти XIX в., когда происходит формирование египетской коллекции при Казанском университете, в частности в кабинете древностей и редкостей, благодаря многочисленным экспедициям на Восток, частным дарениям и обменов археологическими находками между университетами.

Второй этап, менее длительный, с 1894 по 1918 гг., относится к периоду крупных поступлений египетских артефактов из частных коллекций, таких как собрание А.Ф. Лихачева, В.И. Заусайлова и других меценатов.

Значительные изменения фонда произошли на третьем этапе, 1928–1934 гг., когда музейная коллекция обогатилась благодаря поступлению из фондов Восточного педагогического института.

Следует отметить, что на последнем этапе формирования современного египетского собрания Национального музея Республики Татарстан (1934 – наше время) часть артефактов была передана в Государственный музей Эрмитаж или, к сожалению, утеряна.

Первый этап

В период начала формирования фонда до официального открытия его основой стала коллекция Казанского университета и кабинета древностей и редкостей, насчитывающая к началу XX в. 165 предметов. К сожалению, на данном этапе сложно восстановить описание всех египетских памятников из университетского собрания, привезенных в течение XIX в. Несмотря на то, что кабинет был открыт в 1815 г., длительное время его собрание насчитывало незначительное количество предметов, поступивших из частных коллекций. Часть артефактов прибыли в 1842 г. [5. С. 7], в частности скараabei и большая часть фигурок божеств, из Санкт-Петербургской Академии наук. Благодаря описанию египетских памятников в Музее при императорском Казанском

университете Б.А. Тураевым в 1903 г. [4.], можно составить список значимых предметов коллекции (См. Приложение 1), центральное место которой занимает саркофаг жрицы Амона в Фивах, *Несута-уджат-ахет*. В кабинет древностей и редкостей при Казанском университете он был прислан в 1894 г. в дар Александру III от хедива Египта Аббаса II Хильми вместе с «частью» статуэток ушебти. «Египетский дар», лот № 6 [6. С. 46], в который входили 5 саркофагов и около 45 мелких предметов, был передан крупнейшим учебным заведениям Российской империи – Московскому, Киевскому, Казанскому, Харьковскому, Новороссийскому, Юрьевскому, Варшавскому, Гельсингфорскому университетам и двум художественными школам [6. С. 46].

Также в коллекции имеется деревянная крышка саркофага желтого типа Гори, часть папируса «Ам-Дуат» с рисунком-виньеткой и иероглифической надписью, несколько ушебти из голубого фаянса с надписью (*jmn-m-jpt*), также (*bj ntr mr Nsj-jmn*), картонаж от мумии и часть амулетов [3. Р. 12–13; Р. 83–114; Р. 141]. Некоторые предметы принадлежат к XXI династии, найдены в Дейр-эль-Бахри. Часть значимых памятников была передана в музей в сентябре 1868 г. почетным попечителем Нижегородского Александровского института Б.М. Прутченко. Письмом² от 10 августа 1868 г. в сопровождении ящика с египетскими древностями М.Б. Прутченко просит принять в дар некоторые египетские объекты, вывезенные его покойным братом из Египта в начале 50-х г. XIX в. «большая часть которых была вынута при нем из гробницы»³. Эти артефакты меценат находит интересными для изучения, «почему и желает, чтобы они находились в таком месте, где могли бы служить научным целям и быть достойными публики»⁴. Сомневаясь, что Императорский Казанский Университет может заинтересоваться египетскими находками, М.Б. Прутченко уточняет, что в случае отказа перенаправит запрос в Москву. Однако Казанский университет уже располагал небольшой восточной коллекцией на тот момент, которая пополнялась периодически благодаря профессорам-востоковедам, командированным в Египет и на Синай. Например, в заключении акта о передаче⁵ заведующий Кабинетом указывает, что университетский музей хранит древности, переданные бывшим профессором господином Вагнером, среди которых можно найти руку и ногу мумии, несколько статуэток из песчаника. К моменту поступления подарка от нижегородского мецената в коллекции уже были несколько экземпляров папирусов, скарабеев и погребальных урн.

Таким образом, одно из первых крупнейших поступлений египетских древностей в XIX в. было принято в Этнографический кабинет № 743⁶. Императорского казанского университета 9 сентября 1868 г. В момент передачи

² Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 977. Казанский университет: Извещение попечителя Казанского учебного округа о пожертвовании Прутченко в дар университету вещей из Египта (2 сентября 1868 г. – 27 сентября 1868 г.). – Оп. 4. – № 5174 – 5119.

³ Там же, с. 1–2.

⁴ Там же, с. 1.

⁵ Там же, с. 6.

⁶ Там же, с. 4–5.

собрание насчитывало 39 предметов, среди которых можно отметить действительно примечательные объекты, такие как часть деревянного саркофага желтого типа и картонаж мумии белого типа Бубастидской эпохи, большая коллекция ушебти, а также тотемных и антропоморфных фигурок божеств, погребальные урны, мумии животных (крокодилов), папирусы с демотическими и коптскими надписями и другое. (См. Приложение 2 и 3).

К сожалению, среди экспонатов музея, описанных Б.А. Тураевым к началу XX в., указываются не все представленные древности. По всей вероятности, часть из них не были переданы городскому музею, возможно были утрачены или потеряны, а также переданы в другие коллекции, в том числе частные собрания, однако официальных документов, подтверждающих данные изменения, не осталось.

Второй этап

При основании музея в 1894 и до начала октябрьской революции в фонд поступило несколько дарений из частных собраний казанских меценатов. Крупная частная коллекция А.Ф. Лихачева [4. С. 100], в которую входят предметы античной и египетской культур, культур эпохи бронзы, болгарская керамика, изделия из бронзы и железа и т.д., обогатила фонды будущего музея. Собрание египетских памятников, состоявшее из 15 предметов, стало основой для будущей коллекции древностей Национального музея. Из-за малочисленности представленных предметов собрание, однако, не экспонировалось.

Меценат оказал значительное влияние на формирование и развитие казанского городского музея. Русский археолог и нумизмат, А.Ф. Лихачев, всю жизнь занимался коллекционированием археологических артефактов и образцов западноевропейского искусства. Казанский ученый участвовал на четырех всероссийских археологических съездах (1,2,4 и 6-м), стал первооткрывателем памятников неолита и бронзового века на территории Поволжья [1. С. 198–205]. Основная заслуга археолога – ценная коллекция, легшая в основу национального музея республики Татарстан. После смерти Андрея Федоровича в 1890 г. собрание находилось в его доме на Ново-Комиссариатской улице. Не сохранилось никаких документов о дарении предметов после смерти владельца коллекции, поэтому в 1890 г. брат ученого, И.Ф. Лихачев, выкупил его у вдовы и передал собрание городу. Наконец в 1894 г., после открытия Казанского городского музея, она была помещена на хранение на особых условиях. Экспонаты должны были храниться отдельно от других отделов музея. До 1918 г. ей были выделены пять залов, но, к сожалению, собрание не было каталогизировано.

Описание коллекции впервые было опубликовано Л.О. Сиклером – «Краткий указатель коллекции А.Ф. Лихачева в Казанском городском музее» [7], который переиздавался несколько раз. Затем египетская коллекция была описана Б.А. Тураевым только в 1903 г. Поскольку А.Ф. Лихачев не посещал Египет, большая часть египетских предметов, вероятно, была приобретена во время европейских путешествий, скорее всего во Франции. (См. Приложение 4, 5). Несколько предметов из античного и египетского собрания, вывезенных из

Западной Европы, были переданы в фонд археологии Государственного музея ТАСССР в 1918 г. В собрании имеются фаянсовые ушебты XIII – VII в. до н. э., предметы погребального культа и части саркофага желтого типа.

Другой меценат, оказавший огромное влияние на формирование коллекции НМРТ на раннем этапе – Василий Иванович Заусайлов. Он передал первые предметы в музей в 1898 г. среди которых были экспонаты египетской культуры. Купец имел крупнейшую частную коллекцию местной культуры, среди которой встречались интересные экспонаты. К моменту продажи в 1909 г. коллекция насчитывала в общей сложности 11 000 предметов и была высоко оценена Н.Ф. Катановым [1. С. 141–142]. Стоит отметить, что В.И. Заусайлов оказал значительное влияние на формирование египетской коллекции не только как даритель, но и как активный член комиссии по организации музея. Меценат продолжал приобретать предметы для уже музейного собрания, в частности, и на свои средства [8. С. 260–261]. Попытка каталогизации коллекции была предпринята В.И. Заусайловым в 1898–1900 гг. в публикации Ежегодник. Собрание было систематизировано по тематическому принципу: церковная археология, посуда металлическая и другие предметы из металла, фарфор и фаянс, стекло и хрусталь, этнография и история, египетские вещи, археологические памятники. Некоторые египетские артефакты сегодня являются частью археологической коллекции НМРТ.

Часто собрание пополнялось за счет дарений путешественников и паломников в Египет. По данным Ежегодника Казанского городского научно-промышленного музея, Отчета Совета музея за 1911 г. [8. С. 80] в 1899 г. О.С. Лебедева пожертвовала «сувениры», привезенные из Египта. В 1911 г. А.М. Суворов передал в дар некоторые египетские предметы [8. С. 287].

К сожалению, более подробное архивной информации за дореволюционный период в музее не сохранилось.

Третий этап

Период, наиболее значимый для формирования современной египетской коллекции, – послереволюционный, 1928 – 1934 гг. Стоит отметить, что, по данным отчета Казанского губернского музея за 1919 г., для исторического отдела было выделено 4 зала: «в первом зале коллекции собственно исторические: древности египетские, античные, сборные коллекции оружия и нумизматическая, а также памятники русской истории»⁷. Следовательно, собрание египетских памятников выставлялись в музее в начале XX в. Однако малочисленность предметов исторического отдела вынуждает руководителей музея Н.Ф. Калинина и М.Г. Худякова снять часть памятников с экспозиции, а также поставить вопрос о будущем содержании коллекции. Согласно заметке «О современном состоянии и перспективах развития постановки работы в историко-археологическом отделе центрального музея Т.Р.»⁸, к сентябрю 1926 г.

⁷ Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. Р-2021: Отчет исторического отдела (1919 г.). – Оп. 1. – Д. 5; 7. Д. 5 С. 2.

⁸ Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. Р-2021: Отчет исторического отдела (1919 г.). – Оп. 1. – Д. 7. С. 2.

«небольшая коллекция греческих, этрусских, египетских и мексиканских предметов»⁹ насчитывала около 40 памятников. Эти малочисленные собрания «не местного значения» не отвечали новой политике музея местного края, в связи с этим был поставлен вопрос о передаче экспонатов на хранение в «специальные музеи».

Вопрос был решен в 1928 г., когда крупное поступление из кабинета истории материальной культуры при Восточном педагогическом институте (ВПИ) было передано в археологический отдел Центрального музея ТАСССР. Предметы египетской культуры ВПИ, ранее коллекция кабинета древностей и редкостей при Казанском университете насчитывала около 55 предметов. По данным Списка о передаче предметов из документального каталога Коллекции Музея древностей и искусства КГУ 1928 г.¹⁰, обширное собрание состояло из 524 предметов, 7 ящиков и 1 пакета, где «VIIa. Египет – 37 предметов; VIIb. Античные древности – 51 предмет»¹¹. В списке египетских памятников имеются ссылки на каталог Б.А. Тураева для некоторых древностей. (См. Приложение 6). Благодаря пополнению коллекции экспозиция вероятно выставлялась в 30-е годы. В актах приема упоминаются плакаты «в древнеегипетский гозогар; с) древнеегипетская ручная мельница», изготовленные к специальной выставке каменных орудий. Однако, учитывая специфику музея местного края, египетская коллекция после 1928 г. более не выставлялась.

Четвертый этап

Небольшие изменения египетского собрания произошли в 1934 г. Часть экспозиции была перемещена для хранения в Государственный музей Эрмитаж, включая саркофаг с мумией ребенка, папирусы и т.д. Памятники египетской культуры нуждались в специальных условиях хранения и, возможно, реставрации на данном этапе. Многочисленные отчеты о работе музея ТАСССР в довоенный период подтверждают крайне тяжелое состояние музея: помещения отапливались нерегулярно в зимний период, предметы перемещались постоянно в разные здания, не было финансирования для реставрации коллекции. В отчете за 1930 г. указывается, что объекты свалены в кучу, они не систематизированы и находятся без этикеток, часть предметов имеет номера и подписи на русском и татарском языках. Вероятно, трудности в хранении древностей стали значимой причиной для передачи их в Санкт-Петербург.

В этот год Государственный Эрмитаж передал взамен последнее крупное поступление в казанскую египетскую коллекцию. Согласно неопубликованной статье В.М. Маркова, научного сотрудника музея ТАСССР, среди памятников были статуэтки из бронзы Осириса, Исиды с младенцем Хором, священного быка Аписа, глиняные статуэтки Шу, покрытые голубой глазурью, несколько египетских сосудов, деревянные статуэтки египтян, образцы тканей и

⁹ Там же, D. 7 С. 2.

¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. Р-2021: Список о передаче предметов из документального каталога Коллекции Музея древностей и искусства КГУ за 1928 г. – О. 1. – D. 116. С. 41–44.

¹¹ Там же, с. 41–44.

несколько амулетов [5. С. 7]. Также были привезены муляжи канопов Амсета для организации выставки.

К сожалению, это было последний крупный дар музею. В 1944 г. и 1970 г. были сделаны два приобретения для собрания. М.Н. Иванова передала египетский сосуд, вывезенный в 80-е годы XIX в. из Египта. Можно предположить, что во второй половине XIX в., в связи с возросшим интересом к паломничеству на Святую Землю, а также на Синай, Египет привлек большое количество путешественников. Многочисленные египетские предметы были вывезены именно в последнюю четверть XIX в., для пополнения уже сформированных коллекций древностей в России. В путевых заметках В.Н. Сипягина [9], сопровождающего князя Николая Николаевича Старшего в 1872 г. по Египту, автор описывает значительное количество путешественников на корабле в Египет и Палестину, указывая, что «большая часть состоит из наших русских богомольцев, которых наберется до 100 человек, преимущественно женщин» [9. С. 30–31]. Соответственно, можно предположить, что родственница М.Н. Ивановой была, вероятно, паломницей в Египет, где и приобрела египетский сосуд.

Еще одно поступление в 1970 г. было получено в дар от К.Г. Гречевой. Статуэтка ушебти принадлежала профессору Казанского университета А.А. Миславскому, которую он приобрел для кабинета древностей и редкостей [5. С. 8].

На данном этапе некоторые памятники были утеряны. В первую очередь это касается мелкой пластики. В 1955 г. 8 предметов египетской коллекции, возможно амулеты (изображение животных), были украдены¹². До настоящего времени коллекция египетских древностей более не пополнялась.

Заключение

Египетское собрание НМРТ представляет уникальную коллекцию редких и ценных экспонатов, насчитывающую на сегодняшний день от 170 до 250 предметов. Среди значимых египетских памятников стоит упомянуть саркофаг желтого типа *Несу-та-уджат-ахет*, крышку от саркофага Гори, богатую коллекцию ушебти, амулетов и погребальной утвари, часть папируса Ам-Дуат, несколько сосудов, а также погребальные сетки на мумию. (См. Приложение 7). К сожалению, многие древности находятся в тяжелом состоянии и нуждаются в срочной реконструкции. С начала XX в. коллекция выставялась частично лишь единожды в 2015 г. Изучение ценного собрания НМРТ позволит внести значимый вклад в исследование египетской культуры, а также развитие египтологии в России и мире. В целом за два века формирования египетского собрания археологического фонда национального музея Республики Татарстан была собрана целостная и разнообразная коллекция памятников разных периодов истории Древнего Египта.

¹² Согласно музейной записке от 27.10.1955.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Назипова Г.Н. Казанский городской музей очерки истории 1895–1917 годов. Казань, 2000.
- [2] Синицына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. Казань, 2002.
- [3] Berlev O., Hodjash S. *Catalogue of the monuments of Ancient Egypt*. Fribourg: Univ. Press; Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998.
- [4] Тураев Б.А. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Санкт-Петербург. 1903. Т. XV. С. 81–100.
- [5] Марков В.М. Египетская коллекция в государственном музее ТАССР. 1980 (рукопись музея).
- [6] Белова Г.А. Возвращение в Египет: страницы истории российской египтологии. М.: Наука. 2009.
- [7] Сиклер Л.О. Краткий указатель коллекции Казанского городского научно-промышленного музея. Отдел им. А.Ф. Лихачева. Казань. 1901.
- [8] Отчет Казанского городского научно-промышленного музея за 1895–1900 годы. Казань, 1901.
- [9] Сипягин В.Н. Путешествие его императорского величества государя Великого князя Николая Николаевича Старшего по Турции, Сирии, Палестине и Египту в 1872 году. СПб. 1873.

REFERENCES

- [1] Nazipova GN. *Kazanskij gorodskoj muzej ocherki istorii 1895–1917 godov*. [Kazan City Museum essays on the history of 1895–1917]. Kazan', 2000. (In Russ.).
- [2] Sinicyna KR. *Polveka muzeev Kazani i Tatarii. Ocherki istorii 1917–1967 godov*. [Half a century of museums in Kazan and Tataria. Essays on the history of 1917–1967]. Kazan', 2002. (In Russ.).
- [3] Berlev O, Hodjash S. *Catalogue of the monuments of Ancient Egypt*. Fribourg: Univ. Press; Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998.
- [4] Turaev BA. *Opisanie egipetskih pamjatnikov v russkih muzejah i sobranijah* [Description of Egyptian monuments in Russian museums and collections]. *Zapiski vostochnogo otdelenija Imperatorskogo russkogo arheologicheskogo obshhestva*. 1903; (XV): 81–100. (In Russ.).
- [5] Markov VM. *Egipetskaja kollekcija v gosudarstvennom muzee TASSR*. [Collection of Egypt in national museum TASSR]. Kazan', 1980. (In Russ.).
- [6] Belova GA. *Vozvrashhenie v Egipet: stranicy istorii rossijskoj egiptologii*. [Return to Egypt: pages of the History of Russian Egyptology]. M.: Nauka, 2009. (In Russ.).
- [7] Sikler LO. *Kratkij ukazatel' kollekcii Kazanskogo gorodskogo nauchno-promyshlennogo muzeja. Otdel im. A. F. Lihacheva*. [A brief index of the collection of the Kazan City Scientific and Industrial Museum. Department named after A.F. Likhacheva]. Kazan', 1901. (In Russ.).
- [8] *Otchet Kazanskogo gorodskogo nauchno-promyshlennogo muzeja za 1895–1900 gody*. [Report of the Kazan City Scientific and Industrial Museum for 1895–1900]. Kazan', 1901. (In Russ.).
- [9] Sipjagin VN. *Puteshestvie ego imperatorskogo velichestva gosudarja Velikogo knjazja Nikolaja Nikolaevicha Starshego po Turcii, Sirii, Palestine i Egiptu v 1872 godu*. [The journey of His Imperial Majesty the Sovereign Grand Duke Nikolai Nikolaevich the Elder across Turkey, Syria, Palestine and Egypt in 1872]. SPb, 1873. (In Russ.).

Приложение 1

Египетские памятники из коллекции Казанского университета и кабинета древностей и редкостей (составлен по: *Тураев Б.А.* Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Санкт-Петербург. 1903. Т. XV. С. 81–100.)

Фигурки Божеств и священных животных

- 1–2. Осирис – мумия в атефе. Бронза.
3. Осирис – мумия в атефе. Бронза.
4. Осирис без атефа. Сзади столбик.
5. Осирис в атефе. Дерево.
- 6–10. Шу с поднятыми руками. Голубой фаянс.
- 11–13. Пта – эмбрион. Зелено-голубой фаянс.
- 14–17. Бес. Зелено-голубой фаянс.
18. Тауэрис. Голубой фаянс.
19. Тауэрис. Голова отбита. Голубой фаянс.
20. Анубис. Зеленый фаянс.
21. Голова Исиды (?). Зеленый фаянс.
22. Сехмет с львиной головой. Ярко-синий фаянс.
23. Сидящая кошка. Дерево.
24. Голова кошка, полая внутри. Бронза.
25. Голова кошки. Зеленый фаянс.
26. Лягушка. Темный фаянс.
27. Крокодил. Бронза.
28. Крокодил. Голубой фаянс.
29. Баран. Ушко вверх.

Саркофаги – мумии

30. Деревянный антропоморфный саркофаг желтого типа жрицы Амона в Фивах *Неси-та-уджат-ахет*.
33. Детский саркофаг с мумией. Птолемеевский период.
34. Часть саркофага желтого типа с изображением крылатого иеракокефала с диском на голове.
35. Часть позднего саркофага с изображениями двух загробных судей с перьями правосудия в руках.
36. Нога мумии.
37. Рука мумии.
38. Мумия ибиса (?)
- 39–42. Мумии небольших крокодилов.

Ушебти

43. Из известняка с иероглифами в пяти строках. Изображение земледельческих орудий, ожерелья и двух мешков сзади. Отбиты левый угол головы и край ноги – ок. 23 см.
- 49–50. Из голубого фаянса (типа Дейр-эль-Бахри) ок. 7 см.
- 51–54. Из голубого фаянса (типа Дейр-эль-Бахри) с разбитыми или с поврежденными надписями.
55. Глиняный ушебти. Глаза и надпись чернилами, ок. 11 см.
56. Глиняный ушебти. В одеянии живых. Ок. 10 см
57. Ушебти саисского типа, зеленый фаянс. Ок. 20 см., с надписью из 9 строк иероглифами, VI гл. Книги мертвых.
58. Ушебти из зеленого фаянса персидского времени (надпись вертикальная стерлась). Ок. 13 см.
59. Id. Ок. 11 см.
60. Id. Ок. 9 см.

- 61–63. Ушебти из голубого фаянса позднего времени с вертикальной надписью. Ок. 8 см.
64. Ушебти из глины с зеленой штукатуркой. Надпись неразборчивая, ок. 9 см.
65. Глиняный ушебти, сзади корзина. Надпись неразборчива, ок. 12 см.
66. Деревянная ушебти, лицо желтое, прическа черная, нарисовано ожерелье. В одной руке кирка, в другой мешок. Надпись в 10 горизонтальных строках, разделенных красными линиями.
67–71. Ушебти из голубого фаянса без надписи, ок. 7 см.
72. Ушебти из синего фаянса без надписи, ноги отбиты, ок. 8 см.
73. Ушебти из синего фаянса без надписи, ноги отбиты, ок. 6 см.
74. Малая ушебти, вроде подвески к ожерелью на мумию, ок. 5 см.

Амулеты

- 75–84. *wDA* – простые от 2 см – 0,5 см.
85. *wDA* двойное, 1 см.
86–88. *wDA*. От 5 см до 2 см.
89–93. *Dd*, от 2 см до 6 мм.
94. Сердце, *jb*, 2 см.
95. Корона Нижнего Египта, синий фаянс, 4 см.
96. Сistr Гатор, бронза, 3 см.
97. Сistr Гатор, фаянс, 2,5 см.
98. *tjt*, голубой фаянс, 1,8 см.
99. Цветок лотоса, зеленый фаянс, 1 см.
100. Цветок лотоса, синий фаянс, 4 см.
101. Каменная закругленная пластина с ушком сверху, с изображением ибиса Тота с посохом, 2 см.
102. Каменная закругленная пластина с ушком сверху, с изображением – сидящее божество с посохом, рогами и диском на голове. Синий фаянс.
103. Каменная закругленная пластина с ушком сверху, с изображением (сидящее божество со скарабеем на голове и жезлом в руке).
104. Фаллофор. Голубой фаянс, 2 см.
105. Фалл. Сердолик, ок. 2 см.
106. Бронзовое кольцо с печатью – змей.
107–109. Костяные кольца (6 см).
110–111. Кольца (одно сломано).
113–124. Неопределенные амулеты или части ожерелий из сердолика и пасты.
125–129. Сердоликовые круглые бусы.
130–132. Сердоликовые круглые бусы (длинные).
133. Костяная бусина.
134. Стекланная бусина.

Скарабей.

135. Крупный скарабей. Зеленый фаянс с остатками погребальных пелен. На плоской стороне изображен египтянин в переднике с букетом лотоса в левой руке и пятью убитыми гусями в правой. За ним знаки *nfr*, перед ним вертикальная надпись из двух строк: *wr-nj mA-Hrw mr mn nb*. Ок. 8 см.
136. Скарабей из серого фаянса. (Картуш Тутмоса III).
137. Скарабей из зеленого фаянса. На плоской стороне знак *n* между двумя обращенными друг к другу цветками папируса. Ок. 1,2 см.
138. Скарабей из серого фаянса. На плоской стороне орнамент из пяти кружков. Ок. 1 см.
139–141. Форма жука, без надписей и изображений, от 2 см до 1, 8 см.
142–143. Скарабей из синего фаянса с погребального стеклярусного покрова, ок. 6–4 см.

Varia

144. Металлический кобчик с распростертыми крыльями.
145. Известковая плитка с картушем Сети I.
146. Базальтовая статуя, опирающаяся на брусок сзади, в costume XIII династии. Голова и ноги отбиты. Ок. 25 см.

147. Деревянный ящичек с крышкой для письменных приборов. В нем 8 палочек и деревянный инструмент в форме лопаточки.
148. Мешочек из тростниковой рогожи.
149. Погребальные пелены – синдон. (Ок. 1,85 см дл.).
150. Погребальные пелены – синдон. (40 см дл.).
151. Кожаная подошва сандалии.
- 152 – 154. Плоды из гробницы.
155. Глиняный сосуд от св. Мины с изображением его на обеих сторонах (10 см высота и 7 см ширина).
156. Лампочка с изображением лягушки. Ок. 8 см.
- 157–159. Лампочки из красной глины с орнаментом и без.
160. Алавастр с изьяном наверху (9 см и 14 см).

Папирусы

161. Два куска иератического экземпляра Книги Мертвых (главы 23, 25, 26) XX–XXI династии, ок. 20 см длины.
163. Несколько мелких кусочков крайне курсивного иератического письма. Бубастидская эпоха (?).
164. Кусок демотического документа (жалоба), ок. 18 см длина.
165. Коптский документ (1 м 18 см) – дарственная запись из архива знаменитого монастыря Жиме у древнего Ермонта, преподобного Фиваммона. Целиком сохранившийся.

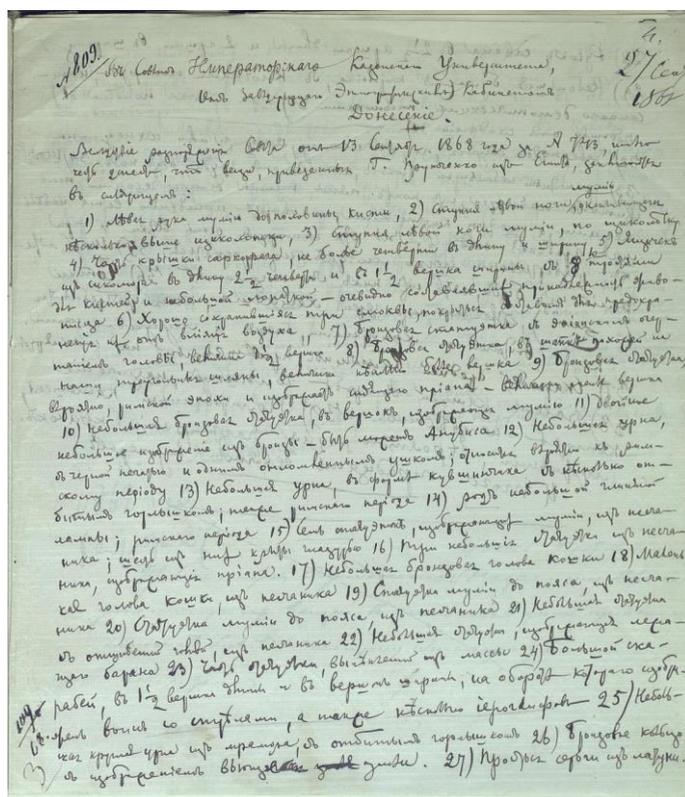
Приложение 2

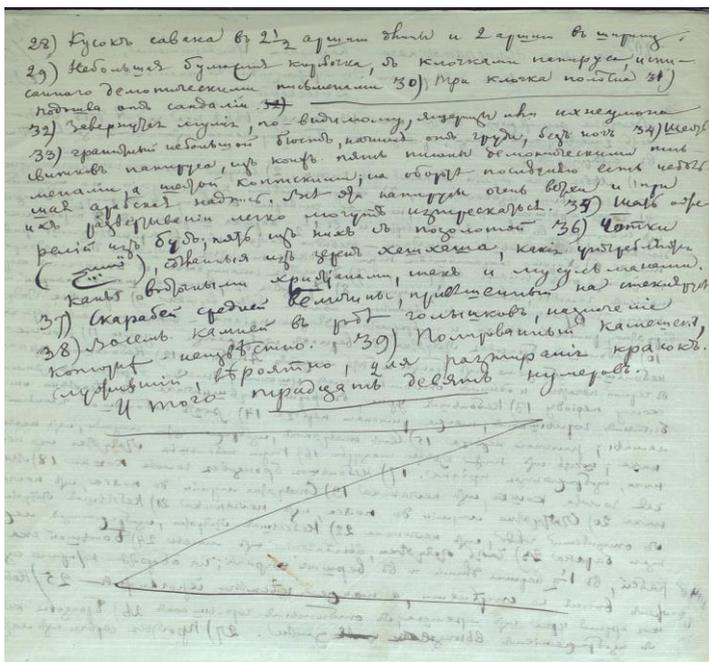
Египетские памятники из коллекции Б.М. Прутченко отданные в дар Казанскому университету и кабинету древностей и редкостей, согласно Донесению № 809 в Совет Императорского Казанского Университета, от Заведующего Этнографическим Кабинетом (27 сентября 1868 г.)

Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 977 Казанский университет: *Извещение попечителя Казанского учебного округа о пожертвовании Прутченко в дар университету вещей из Египта (2 сентября 1868 г. – 27 сентября 1868 г.).* – Оп. 4. – № 5174–5119. С. 4–5. Kazan University: Notice of the trustee of the Kazan educational district of Prutchenko's donation to the university of things from Egypt (September 2, 1868 – September 27, 1868). – Op. 4 – № 5174–5119.

1. Левая рука мумии до половины кисти.
2. Ступня левой ноги мумии, оканчивающаяся несколько выше щиколотки.
3. Ступня левой ноги мумии, по щиколотку.
4. Часть крышки саркофага, не более четверти в длину и ширину.
5. Ящичек из сикомора в длину 2 ½ четверти и в 1 ½ вершка ширину с 8 трофеями для кистей и небольшой лопаткой – очевидно составлявших принадлежности живописца.
6. Хорошо сохранившиеся три смоквы, составом был предохранен от влажности воздуха.
7. Бронзовая статуэтка с эфиопскими очертаниями головы, величина 1 ½ вершка.
8. Бронзовая статуэтка, в шапке похожей на наши треугольные шляпы, величины (?) более вершка.
9. Бронзовая статуэтка, вероятно, римской эпохи и изображения сидящего Приапа, величина менее вершка.
10. Небольшая бронзовая статуэтка, в вершок, изображающая мумию.
11. Двойные небольшие изображения из бронзы бога мертвых Анубиса.
12. Небольшая урна с черной печатью и одним отломанным ушком, относится, вероятно, к римскому периоду.
13. Небольшая урна, в форме кувшинчика с отбитым горлышком, также римского периода.
14. (?) небольшой глиняной лампы, римского периода.
15. Семь статуэток, изображающих мумий, из песчаника, шесть из них покрыты глазурью.
16. Три небольших статуэтки из песчаника, изображающих Приапа.

17. Небольшая бронзовая голова кошки.
18. Маленькая голова кошки из песчаника.
19. Статуэтка мумии до пояса из песчаника.
20. Статуэтка мумии до пояса из песчаника.
21. Небольшой небольшая статуэтка с отбитой головой из песчаника.
22. Небольшая статуэтка, изображающая лежащего барана.
23. Часть статуэтки выточена из (?).
24. Большой скарабей, в 1 ½ вершка длины и в вершок ширины, на обороте которого изображен воин со (?), а также надписью иероглифами.
25. Небольшая круглая ура из мрамора, с отбитым горлышком.
26. Бронзовое кольцо с изображением вьющейся змеи.
27. Простые серьги из латуни.
28. Кусок савана в 2 ½ аршина длины и 2 аршина в ширину.
29. Небольшая бумажная коробочка, с клочками папируса, исписанного демотическими письменами.
30. Три клочка полотна.
31. Подошва для сандалий.
32. Завернутая мумия, по-видимому, ящерицы или ихнеумона.
33. Гранитный небольшой бюст, начинающийся от груди, без ног.
34. Шесть свитков папируса, из которых пять писаны демотическими письменами, а шестой коптским, на обороте последнего есть небольшая арабская надпись. Вероятно, папирусы очень (?) и при их разворачивании легко могут истрескаться.
35. Шесть ожерелий из бусин, пять из них с позолотой.
36. Четки (арабская надпись, собранные из зерен хешхаша, каких употребляли как выборочными христианами, так и мусульманами).
37. Скарабей средней величины, подвешенный на стеклярус.
38. Восемь камней в (?), назначение которых неизвестно.
39. Полированный камушек, служивший вероятно, для растирания красок.

Приложение 3

Египетские памятники из коллекции Б.М. Прутченко, отданные в дар Казанскому университету и кабинету древностей и редкостей (составлен по: Тураев Б.А. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Санкт-Петербург. 1903. Т. XV. С. 81).

1. Крышка деревянного саркофага желтого типа Гори. (1,89 м дл. 0,57 м. ш.).
2. Картонаж мумии (Белого типа. Бубастидская эпоха. 1,44 м. дл. 0,95 м.).
3. Ушебти, голубой фаянс типа Дейр-эль-Бахри (0,10 м. дл. 0,115 м.) орудия, мешок и надпись из 6 вертикальных строк. Надпись представляет 5-ю главу Книги Мертвых, с надписью (*jmn-m-jrt*).
4. Три статуэтки ушебти, голубой фаянс (ок. 0,1 м. дл. и 0,094 – 0,076 м.) с надписью.
5. Две части папируса «Ам-Дуат» с изображением солнечной барки. Посередине в наосе, образованном из змея, стоит Ра с головой, за ним – Гор и матросы, впереди: Маат, Исида, Сет. Наверху окончание 9 вертикальных иероглифических строк. (Вторая часть папируса утеряна).
6. Амулеты.

Приложение 4

Египетские памятники из коллекции А.Ф. Лихачева: Лихачевский музей в Казани (составлен по: Тураев Б.А. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Санкт-Петербург. 1903. Т. XV. С. 100).

1. Осирис. Деревянная статуэтка на пьедестале. Голова и тело окрашены в красный цвет. На груди ожерелье.
2. Сидящая Исида. Бурая глазурь.
3. Бес. Синий фаянс.
4. *jb*. Зеленый фаянс.

5. Статуэтка птицы с головой человека (Ба) голова выкрашена в красное, прическа и когти в черное, платье клетчатое (известняк).
6. Часть саркофага желтого типа. Тонкими красными линиями изображен наос, украшенный сверху уреями с дисками на головах. На нем – корова с головным убором Хатхор. Над мумией – две надписи.
7. Часть изголовья саркофага желтого типа с изображениями богини Нут с распростертыми руками.
- 8–9. Две руки мумии.
10. Мумия кобчика.
11. Ушебти из синего фаянса типа Дейр-эль-Бахри. Без надписей.
12. Ушебти из дерева без надписей и орудий. Следы белой краски.
- 13–14. Два стеклярусных покрова для мумии.
15. Глиняный плоский сосуд с изображением головы Хатхор.

Приложение 5

Египетские памятники из коллекции А.Ф. Лихачева: список А.Ф. Лихачева
(составлен согласно Национальный музей Республики Татарстан. – Архивные данные: Список А.Ф. Лихачева. – С. 136–137).

Египетские вещи

1. Глиняная фигура длиной 3 3/8 вершка, в форме мумии, покрыта синей глазурью, по которой местами раскрашена черной краской. (1)
  2. Подобная же фигура, но меньшей величины (длиной 2 2/2 вершка) из желтоватой глины, на поверхности местами следы глазури светло-серого цвета. На задней стороне фигуры вытеснены иероглифы. (1)
  3. Подобная же фигура, темно-коричневого цвета. Высота 1 6/8 вершка. (1)
  4. Подобная же глиняная фигура, покрытая снаружи глазурью зеленого цвета, глазурь эта местами стерта. (1)
  5. Маленькая глиняная фигурка какого баснословного (фантастического) животного, напоминающего фигуру лежащего льва ноги сфинкса. (1)
  6. Продолговатая, овальная, плоская фигура, из глины изображающая большого жука (скарабея). Цвет темно-серый. (1)
- Итого (6)
- № 38 Привески из фаянсовой глины, покрытый (...) бирюзово-голубою и лазорево-синего цветов, в форме цилиндра с ушками для нанизывания на нитку или проволоку ожерелья, или перевязкой (...) (3)
- № 39 Пронизки для ожерелий и пуговиц, из фаянсовой глины (?) со следами поливы блестящего белого цвета, бирюзово-голубого, темно-фиолетового и других; разных форм и величин. (31)
- № 40 Пуговицы из голубой стекловатой массы, бирюзового оттенка похожей на так называемый Египетский фарфор. (15)
- № 41 Пронизки из голубой стекловатой массы, бирюзового оттенка похожей на так называемый Египетский фарфор. (9, 8 исправление карандашом – прим. авт.)
- № 42 Пронизки для ожерелий и пуговиц из просвечивающей стекловатой массы бирюзово-голубого цвета, похожей на Египетский фарфор, формы шаровидный, разной величины. (4)
- № 43 Пуговицы из белой стекловатой массы, похожей с виду на слоновую кость. (1)
- № 44 Пронизки для ожерелий и пуговиц, из массы похожей на Египетский фарфор, грязновато-белого цвета со следами блестящей поливы ярко белого цвета, шаровидной формы, разной величины. (2)
- № 45 Пронизки для ожерелий, пуговиц и прочее из черной шлаковой массы без всяких украшений, разной формы и величины. (50)

№ 46 Пронизки для ожерелий и пуговиц из черной шлаковой массы без всяких украшений, разной формы и величины. (24)

№ 47 Пронизки для ожерелий черной шлаковой массы с инкрустацией неправильно-округлых пятен из белой массы, шаровидной формы, разной величины. (90)

№ 48 Пронизки для ожерелий из черной шлаковой массы с инкрустацией неправильно-округлых пятен из красной массы (...)

Приложение 6

Список предметов, передаваемых из Кабинета истории Материальной Культуры при ВПИ в Археологический Отдел Центрального Музея ТССР по документальному каталогу Коллекции Музея древностей и искусства КГУ (1928 г.).

Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. Р-2021: *Список о передаче предметов из документального каталога Коллекции Музея древностей и искусства КГУ за 1928 г.* – О.1. – Д. 116. – С. 41–44.

1. Мумия младенца из Фивских катакомб (1)
2. Барельеф, представляющий Рамзеса V, вынутый из его гробницы (1)
3. Идолы, египетских (12)
4. Ожерелье (1)
5. Три жука (3)
6. Коробочка с египетскими вещами (1)
7. Надгробная доска с мумии, расписанная иероглифами (1)
8. Оболочка мумии, в виде картонной куклы (1)
9. Бронзовая статуэтка из Помпеи (1)
10. Бронзовый фалос из Помпеи (1)
11. Три куса папируса (3)
12. Левая рука мумии до половины кисти (1)
13. Ступня левой ноги мумии, оканчивающаяся несколько выше щиколотки (1)
14. Часть крышки саркофага, не более аршина в длину и ширину (1)
15. Ящичек из сикомора с 8 тростями для кистей и небольшой лопаткой, очевидно, принадлежностью живописца. (1)
16. Бронзовая статуэтка с эфиопским (изображением) очертанием головы. Вел. 1 ½ в. (1)
17. Бронзовая статуэтка в шапке, похожей на наши треугольные шляпы. (1)
18. Бронзовая статуэтка в вершок, изображающая мумию. (1)
19. Двойное небольшое изображение из бронзы, быть может эхнубиса. (1)
20. Небольшая урна с черной печатью и одним отломанным ушком; вероятно, относится к римскому периоду. (1)
21. Небольшая урна в форме кувшинчика с отбитым горлышком – римского периода. (1)
22. Род небольшой глиняной лампы – римского периода. (1) Бронзовая статуэтка (...) (1) (помечено карандашом – прим. Автора)
- Семь статуэток из песчаника (Египет). Шесть из них с глазурью (7) (помечено карандашом – прим. Автора)
23. Три статуэтки из песчаника, изображающие Прияпа. (3)
24. Небольшая бронзовая голова кошки. (1)
25. Маленькая голова кошки из песчаника. (1)
26. Две статуэтки мумий до пояса, из песчаника. (2)
27. Небольшая статуэтка мумии с отшибленной головой из песчаника. (1)
28. Небольшая статуэтка, изображающая лежащего барана (1)
29. Большой скарабей в 1 ½ в. длины и в 1 в. ширины, на обороте изображен воин со стрелами и несколько иероглифов. (1)
30. Небольшая круглая урна из глины с отбитым горлышком. (1)
31. Бронзовое кольцо с изображением вьющейся змеи. (1)
32. Кусок савана в 1 ½ арш. длины и 2 арш. ширины. (1)

33. Небольшая бумажная коробочка с клочками папируса, исписанного демотическими письменами. (1) – Коробочки не оказалось, папирусы (под) стеклом.
34. Три клочка полотна. (3)
35. Подошва от сандалии. (1)
36. Завернутая мумия, по-видимому, ящерицы или ихневмона. (1)
37. Мраморный бюстик. (1)
38. Два свитка папируса. (12)
39. Четыре ожерелья из бус; некоторые с позолотой. (4)
40. Четки из зерен хашхаша, употребляемые восточными христианами и мусульманами. (1)
41. Скарабей средней величины, подвешенный на стеклярусе. (2)
42. Восемь камней в виде голышков, назначение которых неизвестно. (8)
43. Полированный камушек, вероятно служивший для растирания красок. (1)
44. Мумии небольших священных крокодилов. (4)
45. Десять изображений мумий из камня и из бронзы. (10)
46. Четыре слезницы. (4)
47. Жучек и четыре мелкие вещицы. (5)
48. Два небольших куска и несколько рассыпавшихся камешков от мозаики (из Помпей?). (2)
49. Статуэтка кошки из дерева. (1)
50. Осколок камня с изображением Анубиса. (1)
51. Эмблема феникса из свинца. (1)
52. Изображение головы из бронзы. (1)
53. Обломок египетской статуэтки из темного камня. (1)
54. Саркофаг, деревянный, человекообразный (1) – По описанию Тураева № 30 (см. описание египет. Собр. Музея древностей при ИКУ СПб 1903 г. стр. от 2–7)

Приложение 7

Иллюстрации некоторых предметов коллекции

1. **Книга Ам-дуат.** 1069–945 гг. до н. э. Памятник неизвестен. Древний Египет. Папирус. 11x8,2 см.

2. **Скарабей-печать.** Великого принца RNJJ правителя XIV нома Ле. 945–715 гг. до н.э. Древний Египет. Фаянс, формовка, обжиг. 8,8x5,9x3,5 см.

3. **Фрагмент саркофага египтянки из дома DJ-JMNW...** с изображением богини Хатор. 1069–945 гг. до н. э. Древний Египет. Дерево, роспись. 35,5x24,5x4,5 см.

Информация об авторе:

Аксенова Анастасия Анатольевна – кандидат исторических наук, докторант факультета истории, языков и цивилизаций древнего мира, географии, урбанизма и археологии, архитектуры, политических наук, социологии, антропологии, агрономии Университет Лиона 2, отдел докторантуры 483, Франция, 69007, г. Лион, ул. 86 Пастер, e-mail: anastasia.aksenova@univ-lyon2.fr

Information about the author:

Aksenova Anastasia Anatolievna – PhD in History, doctorante, University of Lyon 2, école doctorale (ED) 483, 69007, rue Pasteur 86, Lyon, France, e-mail: anastasia.aksenova@univ-lyon2.fr

СОВРЕМЕННЫЙ МИР CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-230-237

Научная статья / Research article

Внутренняя и внешняя политика канадских либералов во главе с Дж. Трюдо в 2015–2020 гг.: достижения и противоречия

А.Н. Комаров

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, 6
ruslan10@inbox.ru

Аннотация. Научная новизна данной статьи состоит в том, что, впервые на примере внутренней и внешней политики канадских либералов во главе с Дж. Трюдо рассматриваются проблемы и перспективы канадского либерализма. Недавнее поражение Консервативной партии Канады на парламентских выборах 2019 г. создало впечатление, что только Либеральная партия способствует процветанию современного канадского государства. Наиболее пристальное внимание к деятельности Либеральной партии позволяет выявить у нее как безусловные достоинства, так и соответствующие недочеты. Поэтому цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать и исследовать как бесспорные преимущества, так и текущие недостатки находящейся у власти Либеральной партии, и на фоне этого определить действенность, или наоборот, некомпетентность канадского либерализма как политической идеологии. При этом, по мнению автора, необходимо разделять объективные и субъективные факторы, связанные с нахождением либералов у власти. Объективные связаны с тем, как программные установки либералов отвечают требованиям времени, в то время как субъективные характеризуют то, как отдельная личность, и, прежде всего, лидер партии, реализуют запросы партии и надежды электората. В этой связи кардинально важным моментом является репутация ее лидера. На основе рассматриваемой источниковой базы, и, прежде всего, избирательных программ либералов и консерваторов рассматривается внутри- и внешнеполитический курс Дж. Трюдо, начиная с момента прихода к власти в 2015 г. В первой части статьи автор подвергает сравнительному анализу результаты либералов на парламентских выборах в 2015 и 2019 гг., объясняя причины победы последних, и получения, соответственно, ими парламентского «большинства», а затем и «меньшинства». Вторая часть статьи посвящена непосредственно аспектам внутренней и внешней политики либералов в 2015–2020 гг. Автор приходит к выводу о том, что канадский либерализм, реализуемый Дж. Трюдо, в настоящее время является ведущей политической идеологией, объединяющей за собой значительную часть электората.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, перспективы, Дж. Трюдо, парламентские выборы, электорат, власть

© Комаров А.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: Поступила в редакцию: 17.12.2020. Принята к публикации: 24.02.2021.

Для цитирования: Комаров А.Н. Внутренняя и внешняя политика канадских либералов во главе с Дж. Трюдо в 2015–2020 гг.: достижения и противоречия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 2. С. 230–237. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-230-237

The domestic and foreign policy of the Canadian Liberals under Justin Trudeau in 2015–2020: achievements and challenges

A.N. Komarov

Department of World History
Russian State University of Humanities,
6, Miusskaya Square, Moscow, Russian Federation, 125993
ruslan10@inbox.ru

Abstract. The key idea of this article is that, for the first time, on the example of the domestic and foreign policy of the Canadian Liberals, led by Justin Trudeau, we discuss the problems and prospects of Canadian Liberalism. The recent defeat of the Conservative Party of Canada in the 2019 parliamentary elections gave the impression that only the Liberal Party contributes to the prosperity of the modern Canadian state. The closest attention to the activities of the Liberal Party allows us to identify its absolute advantages and corresponding shortcomings. Therefore, the purpose of this article is to analyze and investigate both the indisputable advantages and current shortcomings of the Liberal Party in power, and against this background to determine the effectiveness, or vice versa, the incompetence of Canadian liberalism as a political ideology. At the same time, according to the author, it is necessary to separate objective and subjective factors associated with the presence of liberals in power. The objective ones are related to how the Liberals' program settings meet the needs of the time, while the subjective ones characterize how an individual, and, above all, the party leader, implements the party's requests and the electorate's hopes. In this regard, the reputation of its leader is of crucial importance. On the basis of the considered source base, and, first of all, the electoral programs of Liberals under Trudeau, since coming to power in 2015. In the first part of the article, the author presents a comparative analysis of the results of the liberals in the parliamentary elections in 2015 and 2019, explaining the reasons for the victory of the latter, and obtaining, respectively, a parliamentary "majority", and then a "minority". The second part of the article is devoted directly to the aspects of the domestic and foreign policy of the Liberals in 2015–2020. The author comes to the conclusion that the Canadian liberalism, implemented by Justin Trudeau is currently the leading political ideology that unites a significant part of the electorate.

Key words: Liberalism, Conservatism, prospects, J. Trudeau, parliamentary elections, electorate, power

Article history: Received: 17.12.2020. Accepted: 24.02.2021.

For citation: Komarov A.N. The domestic and foreign policy of the Canadian Liberals under Justin Trudeau in 2015–2020: achievements and challenges. *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(2):230–237. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-230-237

Введение

Начиная со второй половины XIX в., Консервативная и Либеральная партии Канады соперничают между собой, сменяя друг друга у власти цивилизованным путем парламентских выборов, и показывая тем самым пример

демократического развития государства. Каждая из этих партий обладает длительными устойчивыми институциональными традициями, большим опытом государственного управления. Такие известные канадские премьер-министры от этих партий, как Дж. Макдональд, У.Л. Макензи Кинг, П.Э. Трюдо и др., получили известность не только в пределах Канады, но и за рубежом. Большим успехом как консерваторов, так и либералов явилось то, что, опираясь на постоянную электоральную поддержку, они отстранили от власти в общенациональном масштабе другие политические партии, и, прежде всего, Новую демократическую, Партию Реформ, Квебекский блок. Пользуясь большой популярностью на региональном уровне и нередко приходя к власти в рамках той или иной провинции, эти партии так и не одержали победу на национальном уровне по причине высокой популярности либералов и консерваторов среди избирателей.

В то же время, отвечая на вызовы современного информационного общества, консерваторы и либералы вынуждены были постоянно модернизировать свои партийные программы, перестраивать тактику общения с избирателями, часто менять своих лидеров. Обосновывая актуальность и значимость темы исследования, необходимо отметить, что представители консерваторов и либералов отчетливо представляли, что апелляция только к историческим традициям и накопленному опыту их партий является недостаточной и малопривлекательной для избирателя. Значительно больше канадских граждан интересуют современные проблемы, и в том числе борьба с коронавирусом, экономическое процветание государства, разрешение квебекской проблемы, канадско-американские внешнеэкономические связи и т.д. Поэтому в общественно-политическом канадском дискурсе последних лет тема приспособления двух ведущих партий страны к текущим реалиям приобретает все большую значимость. Благодаря модернизации своей идеологии канадским консерваторам во главе со С. Харпером удалось управлять государством девять с половиной лет, с 2006 по 2015 гг. [1. С. 82–96]. Через аналогичные испытания по приспособлению своей партии к современной политической и экономической конъюнктуре прошли и канадские либералы, которые испытывали серьезные трудности с возвращением к власти. Канадские либералы, поочередно возглавляемые П. Мартином на парламентских выборах 2006 г., С. Дионом на парламентских выборах 2008 г., М. Игнатьевым на парламентских выборах 2011 г., потерпели полное фиаско. Причем последнее поражение на парламентских выборах 2011 г. было настолько серьезным, что вообще поставило под сомнение способность Либеральной партии управлять государством. И только замена лидера либералов с М. Игнатьева на Дж. Трюдо в 2013 г. позволила последнему одержать решительную победу на парламентских выборах 2015 г. и стать премьер-министром Канады. Какие меры были предприняты либералами для этой победы? Как складывался внешне- и внутривнутриполитический курс либералов при Дж. Трюдо в 2015–2020 гг.? Поэтому цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть текущие проблемы и перспективы развития канадского либерализма на примере первого премьерства «парламентского большинства» Дж. Трюдо в 2015–2019 гг., и начала

второго премьерства «парламентского меньшинства», начиная с 2019. Вышеназванная цель предполагает решение ряда задач:

- провести сравнительный анализ результатов, полученных Либеральной партией во главе с Дж. Трюдо на парламентских выборах 2015 и 2019 гг.;
- выделить ключевые направления внешнеэкономической и внутривнутриполитической деятельности канадских либералов в 2015–2020 гг.;
- определить достижения и противоречия политики канадских либералов.

Обзор литературы и источников по данной проблематике довольно широк, поэтому можно позволить себе остановиться на наиболее важных из них. Это, прежде всего, предвыборные манифесты канадских либералов и основных политических конкурентов – консерваторов, в которых изложены основные положения партий по внутренней и внешней политике государства накануне парламентских выборов 2015 и 2019 гг [2]. Программе консерваторов противостояла предвыборная программа Либеральной партии [3]. Среди рассматриваемых источников стоит упомянуть предвыборные манифесты других политических партий Канады, например, НДП (Новой демократической партии), а также материалы прессы, фиксирующие выступления известных канадских политиков.

Историография по данной проблематике многообразна. В частности, можно выделить, с моей точки зрения, наиболее значимые работы. Отечественная историография представлена работами Л.А. Немовой, охарактеризовавшей экономическую политику Либеральной партии в первое премьерство Дж. Трюдо [4. С. 5–14]. Представляет также научный интерес работа Е.Г. Комковой, охарактеризовавшей переговорный процесс по созданию нового интеграционного соглашения ЮСМКА между США, Канадой и Мексикой [5. С. 50–58]. Особенности внешнеэкономического курса Канады в период премьерства Дж. Трюдо в 2015–2019 гг. изложены в статье Комарова А.Н. [6. С. 88–95].

Из канадской историографии содержательной является научная работа Дж. Паммета и С. Дорнана, в которой они предлагают обстоятельный анализ предвыборных кампаний основных политических партий и результатов парламентских выборов 2015 г. [7].

Методологическая основа данного исследования представлена, прежде всего, сравнительно-историческим методом и методом междисциплинарного анализа. Сравнительно-исторический позволяет сопоставлять результаты Либеральной партии на парламентских выборах 2015 и 2019 гг. Междисциплинарный анализ способствует аккумуляции знаний из всеобщей истории и политической науки по рассматриваемой проблематике.

Либеральная партия Канады и ее участие в парламентских выборах 2015 и 2019 гг. Основные мероприятия Либеральной партии

Либеральная партия Канады приняла активное участие в парламентских выборах 2015 и 2019 гг., однако их итоговые результаты для Дж. Трюдо и его сторонников были неоднородны, контрастны и активно свидетельствовали о

меняющемся восприятии либералов в канадском обществе. Если результаты парламентских выборов 2015 г. свидетельствовали о большом успехе или политическом триумфе либералов, то итоги парламентских выборов 2019 г. оставили двойственное или противоречивое впечатление. Политический парадокс такой ситуации заключался в том, что выиграть парламентские выборы 2015 г. либералам оказалось намного проще, чем последующие через четыре года. Свою предвыборную кампанию 2015 г. либералы провели на контрасте с консерваторами, активно противопоставляя свои экономические и внешнеполитические предложения программе премьер-министра С. Харпера. Либералам, которые не находились у власти в течение длительного времени, было значительно проще вести свою предвыборную кампанию, опираясь на перманентную критику консерваторов. Либералы предложили свою собственную экономическую и социальную программу, подвергнув обструкции все начинания консерваторов [8]. Поэтому итоги парламентских выборов были крайне благоприятны для либералов, которые получили 39,47% голосов избирателей и 184 места в палате общин, в то время как консерваторы – 31,89% голосов и 99 мест в палате общин [9. С. 241–267]. Появление молодого и перспективного лидера либералов Дж. Трюдо вместо М. Игнатьева, энергичная избирательная кампания либералов, недовольство части избирателей политикой консерваторов – все это явилось факторами, которые определили победу либералов. Победой на парламентских выборах 2015 г. либералам удалось предотвратить настоящее разрушение своей партии. Оно стало грозить ей после того, как четырьмя годами ранее, на парламентских выборах 2011 г., либералы под руководством М. Игнатьева получили 18,9% голосов избирателей и 34 места в палате общин – худший результат за всю историю партии [10].

Ситуация в период избирательной кампании 2019 г. была для либералов абсолютно противоположной. Теперь избиратели оценивали либералов по их политике в период 2015–2019 гг. Дж. Трюдо, как и С. Харпер четырьмя годами ранее, сам оказался под огнем критики из-за заключения, под давлением США, нового интеграционного соглашения ЮСМКА между США, Канадой и Мексикой, ухудшения торгово-экономических связей с Китаем [11]. Избирательная кампания 2019 г для либералов была отмечена постоянной полемикой с новым лидером консерваторов Э. Широм, который перманентно апеллировал к ошибкам и просчетам нахождения либералов у власти. Результат парламентских выборов 2019 г. оказался крайне противоречивым и сложным для либералов. С одной стороны, либералы удержались у власти, получив парламентское меньшинство, которое было реализовано в 33,1 % и 157 местах в палате общин. С другой стороны, результаты выборов высветили первую серьезную сложность для либералов, что выразилось в образовании ими правительства парламентского меньшинства. Причем, в отличие от результатов, полученных на выборах ранее консерваторами во главе со С. Харпером, в данном случае динамика была абсолютно иная: от парламентского большинства либералов 2015 г. к меньшинству 2019 г., в то время, как у консерваторов наблюдалось восхождение от парламентского меньшинства 2006 и 2008 гг. к большинству 2011 г.

Мероприятия либералов в период премьерства Дж. Трюдо выстраивались по нескольким направлениям. Центральным из них было усиление канадско-американских внешнеэкономических связей, традиционное для последних тридцати лет в истории Канады. Под давлением президента США Д. Трампа в 2018 г. было заключено соглашение ЮСМКА, которое заменило НАФТА, существовавшее с 1994 г. Путем убеждений и торговой войны США, по сути, фактически санкционировали заключение нового соглашения. Подробная оценка соглашения была дана в моей монографии, поэтому здесь мне хотелось бы подчеркнуть только самое важное [1. С. 128–129]. Стоит заметить, что, даже несмотря на давление США, ЮСМКА было чрезвычайно выгодным для Канады, поскольку оно продолжило путь североамериканской интеграции, характерной для внешнеполитического курса Канады в последние десятилетия. Причем ключевой идеей нового документа было увеличение «североамериканского содержания» в стоимости автомобилей и автомобильных комплектующих с 62,5% до 85% [12]. Эти меры были направлены как на усиление североамериканской интеграции, так и на торговое противодействие КНР.

Помимо традиционного североамериканского интеграционного направления, в период премьерства Дж. Трюдо либералы взяли курс на диверсификацию внешнеэкономических связей, т.е. их многовекторность, пытаясь охватить сразу несколько направлений, в том числе и Азиатско-Тихоокеанский регион. Поэтому при либеральном правительстве Дж. Трюдо Канада вступила в 2016 г. в Транстихоокеанское партнерство (ТТП), куда уже ранее вошли Мексика, Чили, Перу, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Малайзия, Бруней, Вьетнам.

Одновременно в октябре 2016 г. Дж. Трюдо подписал Всеобъемлющее торговое и экономическое соглашение между Канадой и ЕС [13]. Тем самым Дж. Трюдо обозначил преемственность политики либералов, которые, еще в период нахождения у власти П.Э. Трюдо (1968–1984 гг.), искали возможности для выхода канадских товаров на европейские рынки. Учитывая, что Великобритания окончательно оформила сделку по выходу из ЕС, между двумя странами в ноябре 2020 г. было подписано двустороннее соглашение о свободной торговле, которое открывает новые перспективы для сотрудничества [14].

Заключение

Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о значительных перспективах развития канадского либерализма. После отсутствия Либеральной партии у власти в период с 2006 по 2015 гг. и болезненного поражения предшествующего лидера либералов М. Игнатьева на парламентских выборах 2011 г. сторонникам Дж. Трюдо удалось возвратиться к власти, дважды выиграв парламентские выборы в 2015 и 2019 гг. Тем самым они не позволили Новой демократической партии, занявшей второе место на парламентских выборах 2011 г., развить инициативу и вытеснить либералов из системы власти. Поэтому безусловным достижением либералов стал возврат к

политической канадской двухпартийной модели на общенациональном уровне, характерной для Канады со второй половины XIX в. К безусловным плюсам внешнеполитического курса либералов можно отнести также подписание соглашения ЮСМКА с США и Мексикой в 2018 году, вступление Канады в Транстихоокеанское партнерство (ТТП), подписание с Великобританией соглашения о свободной торговле, в частности в 2020 г., и Всеобъемлющего торгового и экономического соглашения между Канадой и ЕС ранее. Необходимо отметить, что получение правительства «парламентского меньшинства» в 2019 г. сузило возможности либералов по работе в парламенте, однако, тем не менее, Либеральная партия осталась у власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Комаров А.Н.* История консерватизма в Канаде и Великобритании. Консервативная партия Канады в 2011–2019 гг.: от правительства «парламентского большинства» к поражению на всеобщих выборах. М.: Ленанд, 2020.
- [2] *Protect Our Economy: Our Conservative Plan to Protect Economy.* Foreword by Prime Minister Steven Harper. Ottawa, 2015.
- [3] *Forward. A Real Plan for the Middle Class.* Ottawa: Liberal Party of Canada, 2019.
- [4] *Немова Л.А.* Экономическая ситуация в Канаде накануне выборов 2019 года // США & Канада: Экономика, политика, культура. 2019. № 9. С. 5–14.
- [5] *Комкова Е.Г.* ЮСМКА вместо НАФТА // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. том 63. № 4. С. 50–58.
- [6] *Комаров А.Н.* Канада в геополитических реалиях XXI вв.: некоторые поворотные моменты внешнеэкономического курса // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения.* 2019. № 1. С. 88–95.
- [7] *Pammett J. H., Dornan C.* *The Canadian Federal Election of 2015.* Toronto: Dundurn Press, 2016.
- [8] *Real Change Now. Liberal Party Manifesto.* Ottawa, 2015.
- [9] *Израелян Е.В.* Федеральные выборы 2015 года: трансформация ценностей? (по материалам доклада на заседании Круглого стола в Институте США и Канады РАН 15 ноября 2015 г.) // *Канадский ежегодник. Труды Российского общества изучения Канады М.: РОИК, ИВИ РАН,* 2016. № 20. С. 241–267.
- [10] *Pammett J.H., Dornan C.* *The Canadian Federal Election of 2011.* Toronto: Dundurn Press, 2011.
- [11] *Sheer A.* I have a vision for Canada where taxes are low, government is limited, opportunity is unlimited, freedom is shared, and people are put before government! URL: <https://www.conservative.ca/andrew-scheer.htm> Дата обращения: 11.01.2021.
- [12] *Trump Calls NAFTA a “Disaster”* // *CBS News.* 25.09.2015. URL: <http://www.cbsnews.com/news/trump-calls-nafta-a-disaster/> Дата обращения: 11.01.2021.
- [13] *Trudeau Signs CETA but Final Ratification Still Required by European Union*// URL: <http://www.theglobeandmail.com/news/national/prime-minister-trudeau-signs-canada-eu-trade-deal-in-brussels/article32586423/> Дата обращения: 11.01.2021.
- [14] *Канада и Великобритания подписали торговое соглашение* // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10065427/> Дата обращения: 13.01.2021.

REFERENCES

- [1] *Komarov AN.* *Istoriya konservativizma v Kanade i Velikobritanii. Konservativnaya partiya Kanady v 2011–2019 gg.: ot pravitel'stva «par-lamentskogo bol'shinstva» k*

- porazheniyu na vseobshchih vyborah*. [The History of Conservatism in Canada and Great Britain. The Conservative Party of Canada in 2011–2019. From the Majority Government to the Defeat on the Parliamentary Elections]. М.: Lenand, 2020. (In Russ.).
- [2] *Protect Our Economy: Our Conservative Plan to Protect Economy. Foreword by Prime Minister Steven Harper*. Ottawa, 2015.
- [3] *Forward. A Real Plan for the Middle Class*. Ottawa: Liberal Party of Canada, 2019.
- [4] Nemova LA. *Ekonomicheskaya situaciya v Kanade nakanune vyborov 2019 goda* [The Economic Situation in Canada before the Elections of 2019]. *SSHA & Kanada: Ekonomika, politika, kul'tura*. 2019(9):5–14. (In Russ.).
- [5] Komkova EG. *YUSMKA vmesto NAFTA*. [YUSMKA instead NAFTA]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. tom 63(4):50–58. (In Russ.).
- [6] Komarov AN. Canada in the Geopolitical Realities of the XXI Century: Some Turning Points of the Foreign Economic Course. *Vestnik RGGU. Seriya Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019(1):88–95. (In Russ.).
- [7] Pammett JH., Dornan C. *The Canadian Federal Election of 2015*. Toron-to: Dundurn Press, 2016.
- [8] *Real Change Now. Liberal Party Manifesto*. Ottawa, 2015.
- [9] Israelyan EV. The Federal Elections of 2015: The Transformation of Values: on the Materials of the Discussions of the Round Table in the Institute of USA and Canada. *Kanadskij ezhegodnik. Trudy Rossijskogo obshchestva izucheniya Kanady*. М.: ROIK, IVI RAN, 2016(20):241–267. (In Russ.).
- [10] Pammett JH., Dornan C. *The Canadian Federal Election of 2011*. Toronto: Dundurn Press, 2011.
- [11] Sheer A. *I have a vision for Canada where taxes are low, government is limited, opportunity is unlimited, freedom is shared, and people are put be-fore government!* URL: <https://www.conservative.ca/andrew-scheer.htm> [Accessed date: 11.01.2021].
- [12] *Trump Calls NAFTA a "Disaster"*. CBS News. 25.09.2015. URL: <http://www.cbsnews.com/news/trump-calls-nafta-a-disaster/> [Accessed date: 11.01.2021].
- [13] *Trudeau Signs CETA but Final Ratification Still Required by European Union* // URL: <http://www.theglobeandmail.com/news/national/prime-minister-trudeau-signs-canada-eu-trade-deal-in-brussels/article32586423/> [Accessed date: 11.01.2021].
- [14] *Kanada i Velikobritaniya podpisali torgovoe soglasenie* [Canada and Great Britain Signed Trade Agreement] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10065427/> [Accessed date: 13.01.2021]. (In Russ.).

Информация об авторе:

Комаров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ, ФГОБУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, 6, ГСП-3, e-mail: ruslan10@inbox.ru

Information about the author:

Komarov Andrey Nikolaevich – Dr. in History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia: bld. 6, Miusskaya sq., 6, Moscow, Russia, GSP-3, 125993, e-mail: ruslan10@inbox.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-238-250

Research article / Научная статья

Cooperation between Russia and Germany in the field of energy policy in the XX–XXI centuries

E.A. Babintseva*, L.V. Ponomarenko

Peoples' Friendship University of Russia,
10 k2, Miklukho-Maklay street, Moscow, Russian Federation, 117198

*Corresponding author: babintseva-ea@rudn.ru

Abstract. The author devoted the paper to the peculiarities of bilateral cooperation between Russia and Germany in the field of maintaining a favourable environmental balance. The author notes that nature protection for a long time was not considered as a subject of interstate cooperation and did not fall into the focus of the agenda of important international summits. In connection with a number of historical reasons, at the beginning of the last century there was minimal state interest in organizing the protection of protected areas, conducting stabilization and supporting environmental measures, as well as ensuring the conservation and renewability of natural resources. The extensive path of economic development, the devastating military operations and the assessment of the natural environment as a resource basis for achieving primary state tasks contributed to the development of the global environmental crisis by the middle of the 20th century. The paper emphasizes that the starting point of international environmental cooperation and the adoption of a number of universal environmental acts were reports within the framework of the Club of Rome and further multilateral summits on climate and environmental issues dating back to the second half of the 20th century. The author assigns a special role within the framework of Russian-German environmental cooperation to the Nord Stream and Nord Stream-2 gas pipelines. The author emphasizes that cooperation within the framework of the projects took place in the context of the Western sanctions on Russia. Using energy projects as an example, the author showed in action the environmental relationship in the process of fuel and energy dialogue between partner countries. Based on an analysis of the results achieved, the author concludes that the future environmental cooperation between Russia and Germany is promising.

Keywords: Russia, Germany, environmental cooperation, Nord Stream, Nord Stream-2, “eco” orientation, ecocentrism, nature conservation, Baltic region, Kurgalsky reserve

Article history: Received: 10.12.2020. Accepted: 20.02.2021.

For citation: Babintseva E.A., Ponomarenko L.V. Environmental cooperation between Russia and Germany in the field of energy policy in the XX–XXI centuries // *RUDN Journal of World History*. 2021; 13(2):238–250. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-238-250

© Babintseva E.A., Ponomarenko L.V., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Сотрудничество России и Германии в сфере энергетической политики в XX–XXI вв.

Е.А. Бабинцева*, Л.В. Пономаренко

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2
*babintseva-ea@rudn.ru

Аннотация. Авторы посвятили статью особенностям двустороннего взаимодействия России и Германии в области поддержания благоприятного баланса окружающей среды. Авторами отмечается, что длительное время охрана природы не рассматривалась в качестве предмета межгосударственного сотрудничества и не попадала в фокус повестки дня важных международных встреч на высшем уровне. В связи с рядом исторических причин еще в начале прошлого века отмечается минимальный государственный интерес к вопросу организации охраны заповедных зон, проведению стабилизационных и поддерживающих природоохранных мероприятий, а также обеспечению сохранности и возобновляемости природных ресурсов. Экстенсивный путь экономического развития, разрушительные военные действия и оценка природной среды в качестве ресурсной базы для достижения первостепенных государственных задач способствовали развитию глобального экологического кризиса уже к середине XX в. В статье подчеркивается, что отправной точкой международного экологического сотрудничества и принятия ряда всеобщих природоохранных актов стали доклады в рамках работы Римского клуба и последовавшие за ними многосторонние встречи на высшем уровне, посвященные климатическим и природоохранным проблемам и датированные уже второй половиной XX в. Особенную роль в рамках российско-германского природоохранный сотрудничества автор отводит газопроводным магистральным проектам «Северный поток» и «Северный поток – 2». Авторами подчеркивается, что сотрудничество в рамках проектов происходило в условиях санкционного воздействия Запада на Россию. На примере энергетических проектов авторы показали в действии экологическое взаимоотношение в процессе топливно-энергетического диалога между странами-партнерами. На базе анализа достигнутых результатов авторы приходят к выводу о перспективности дальнейшего экологического сотрудничества между Россией и Германией.

Ключевые слова: Россия, Германия, экологическое сотрудничество, Северный поток, Северный поток – 2, «эко» ориентация, эгоцентризм, охрана природы, Балтийские регион, Кургальский заказник

История статьи: Поступила в редакцию: 10.12.2020. Принята к публикации: 20.02.2021.

Для цитирования: Babintseva E.A., Ponomarenko L.V. Environmental cooperation between Russia and Germany in the field of energy policy in the XX–XXI centuries // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 2. С. 238–250. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-2-238-250

Introduction

Environmental history as an object of research in science, in particular, in Russia, began to be considered relatively recently. This is largely due to disputes arising in the context of the interpretation of this term. The question is related to

whether to correlate it with the history of the development of environmental science as a field of natural science, or the term still refers to the environmental policy of states and interstate relations. First used in American historiography, the term “environmental history” in modern science can be interpreted as the interaction of Man and Nature in time [1. P. 10], which is far from the only definition. This formulation includes not only the completeness of the national approach to the study of this issue, but also touches upon moral, ethical, ideological and general humanitarian issues in the context of the relationship between the individual and the natural environment.

The topic of this article touches on the issue of international cooperation from the point of view of researchers of environmental history, which is undoubtedly important for filling the gaps and creating a connecting material for historical, political science, environmental and legal research related to international relations. In this regard, the attention of the authors was drawn to the experience of relations between Russia and Germany on topical energy issues. The choice of Germany as one of the subjects of relations is justified by the fact that this state has significant experience in the field of environmental protection. In just a few decades Germany has managed to overcome the crisis state of the environment and broken out into the pan-European leaders in terms of environmental protection. The research topic is of particular relevance in connection with the construction of the Nord Stream and Nord Stream-2 energy pipelines.

At present a fairly small number of scientific works have been devoted to direct consideration of the problem of relations between Russia and Germany in the environmental context. In the course of the study, the authors turned to both scientific research from various fields of knowledge in Russian, English and German, as well as publicistic sources and news reports from the media, materials on the official websites of important energy projects, presented for wide access.

In the course of the study, general scientific methods were used, the authors adhered to a systematic approach, which made it possible to consider the common problems of Russia and Germany in the field of energy cooperation and environmental protection. The method of historicism allowed to consider the continuity in the interaction of the parties. In the course of studying political interaction and events covered in the media, the method of analysis and synthesis was actively used.

Initially, the authors of the study set the goal of identifying the main factors of interaction between Russia and Germany, one way or another affecting the environment, in particular, in the energy field of cooperation. Also, the purpose of the study was to identify the main problems and prospects that arose in the course of cooperation between both subjects, which in the future can be used to continue the study of relations between Russia and Germany regarding the environment.

In its historical retrospect, it can be observed that domestic measures to protect, restore the environment and renewable natural resources were practiced several centuries ago. It is important to note that at the same time they were not associated with conscious environmental regulation in the modern understanding of this process. The main goal of both Russia and Germany for a long time remained the preservation of nature as the main raw material base for the implementation of

state goals. This process is especially vividly observed in the development of forestry, and also reserve management and studies. Thus, a number of authors note measures according to which a special procedure for forest use in protected groves was established at the legislative level at the boundary of environmental legislation. Thus, due to restrictions and penalties imposed for cutting ship tree species in the 18th century, the renewability of the wood resource and the stable functioning of the Russian fleet were ensured [2. P. 29–35; 3. P. 171]. In Germany, the practice of compensatory forestry was known in the XIV–XV centuries yet [4. P. 7–11].

The period of the late XIX – early XX centuries is characteristic of large European powers as a period reflecting the consequences of the industrial revolution of past years, as well as a period of formation of an industrial economy. The development of industry, especially the heavy one, could not but affect all the basic indicators and factors of the vital activity of society. If in 1800 the world population was 906 million people, then in 1850 it was 1171 million, and 1608 million in 1900. In the XIX century, the average annual population growth rate of the two largest industrial countries in Europe, the UK and Germany, amounted to over 1%. At this rate, doubling is achieved in 70 years. In Russia over the same period, the average annual rate was 2% [5. P. 1]. Within the indicated range of years, active population growth and general economic growth were observed, which implies increased anthropogenic interference and environmental destabilization.

International cooperation in the field of environmental protection directly received its development only in the second half of the 20th century. This was largely due to the development of a conscious and focused nature of environmental regulation. As noted in reports of the Club of Rome, UN environmental conferences (Stockholm 1972), as well as the adoption of a number of international legal acts, the very paradigm of human attitude to nature has changed for the first time in the history of mankind.

At that time, the main goal of human influence on nature was not compensation for extensive consumption and not ensuring the preservation of economic benefits. The basis for environmental protection was the provisions related to the conscious responsibility of man to nature: saving biodiversity, minimizing damage from major environmental disasters, preserving the ecosystem for future generations. A number of terms have appeared in industrial environmental areas of science reflecting a new approach to the relationship between man and nature. So, in the sections of modern ecophilosophy and ecopsychology, the concept of “Ego” and “Eco” orientations was introduced: the phenomena characteristic of extensive anthropocentrism and intensive ecocentrism, respectively [6. P. 34].

The phenomenon of “eco” orientation should not be regarded as a modern trend or marketing move that exists in the interests of commercial organizations and the support of market mechanisms. In Germany, environmental friendliness becomes a conscious priority in comparison with a comfortable personal choice of consumer demand and lifestyle as a result of the mass ecologization of upbringing and the specifics of the environmental educational process. Environmental attractiveness is the basis of associative identification with the quality of goods and services that do not harm the already exhausted environment. In Russia, the

collective terms “Deutsche Qualität” and “Made in Germany” have become a household name, synonymous with the concept of high quality.

Today, both states have a wide range of cooperation in the field of cultural relations, scientific, economic and environmental potential of countries.

Every year, cooperation between Russia and Germany finds expression in the framework of joint meetings, scientific conferences and congresses, where an exchange of environmental experience, as well as consultative events is carried out. A similar type of consultation dedicated to the integration of advanced technologies and economic development was deliberately held by Germany for the Russian side in 2012. As a result of the events, a Declaration was adopted to accompany the solution of problems raised during the meetings.

According to the Declaration, the German Society for International Cooperation (GIZ), which appears in the majority of environmental events in Russia and Germany, was instructed to provide technical support to the Ministry of Natural Resources of Russia [7]. At the same time, there is a high level of interest of the German side in the cooperation with Russia on climate change issues [8. P. 108].

For many years, the priority area in relations between Russia and Germany was the economy, in particular, the fuel and energy policy of states. Obviously, Russia has a significant advantage as the largest supplier of energy resources to Europe, which provides the Russian state with a number of economic and political benefits. Of course, bilateral relations presuppose, as German Chancellor A. Merkel noted, “interpenetration” of the interests of states. At the same time, the negative reaction of competing states to the appearance of rivals providing more favourable terms of supply is inevitable [9. P. 159].

On March 17, 2014, Merkel accused Russia of escalating the conflict in Ukraine and announced the possible introduction of anti-Russian sanctions by the European Union, including “measures against specific individuals responsible for exacerbating the situation.” [Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr 2016] Nevertheless, Germany was oriented to restore relations between Russia and the West due to its dependence on energy supplies from the Russian Federation and its interest in the operation of Nord Stream and Nord Stream-2 [10. P. 148–149]. The least favourable moment in this situation is that states often use indirect methods in competitive political and economic struggle for spheres of influence. So, pressure on the economy and state policy can be carried out by speculative methods and abuses in the field of environmental protection, just as, on the contrary, there is a deliberate disregard for environmental standards for the sake of economic and political interests. According to some authors, a similar situation has developed in a number of environmental non-governmental organizations, whose opinion contained signs of political commitment against the construction of the gas pipeline “Nord Stream – 2” [11. P. 138–139].

Environmental protection in the fuel and energy segment of cooperation

Russia and Germany were in conditions of close mutually beneficial cooperation beginning from the times when gas pipes have been supplied from

Germany in 1970 according to the project “Gaz – Truby”, and up to modern cooperation on the construction of the Nord Stream and Nord Stream-2 gas pipelines. This is largely due to the geopolitical position of states. This was expressed in the combined use of Russian natural resources and the German scientific and technological base. It is extremely important in the context of this issue to touch on the fact that during any joint fuel and energy project with the participation of Russia and Germany, both states will invariably turn to general environmental standardization and international legal acts in the field of environmental protection. So, regarding the Nord Stream project and its expansion, Nord Stream-2, we are talking about Articles 122 and 124 of the UN Convention on the Law of the Sea, on the basis of which the Baltic Sea can be classified as “closed and semi-closed seas” [12].

Self-cleaning of this type of closed water reservoirs has extremely low rates; for this reason a number of difficulties have arisen related to the need to minimize the threats of environmental disasters, which is impossible not to take into account when working with energy resources. In the course of the construction, questions arose regarding the reduction of the construction corridor itself and the preservation of the hydrological characteristics of the terrain. In particular, Russia, Germany, Finland, Estonia, Denmark, Sweden, Latvia, Lithuania and Poland are washed by the Baltic Sea depending on the state of the marine environment and the shelf. The Baltic Sea also indirectly serves Belarus, the Czech Republic, Norway, Slovakia and Ukraine as a drainage basin. Despite the economic interest, the parties faced not only the need for pan-European coordination. So, back in 2018, a number of Russian and foreign media announced protests of the largest environmental associations regarding the construction of an additional Nord Stream-2 pipeline. It was reported that the World Wildlife Fund (WWF) and the German Conservation Union (NABU) sent letters to the German Chancellor A. Merkel and the chairman of the Christian Social Union (CSU) Holst Seehofer, as well as the leader of the Social Democratic Party (SPD) Martin Schulz [13]. According to the appeal of environmental experts, Nord Stream-2 was described as a “climatic and political deadlock threatening the vulnerable ecological system of the Baltic Sea and driving a wedge between solidarity and trust within the European Union” [14].

In this regard, one can observe a sharp politicization of the raised environmental issue. Nevertheless, it was emphasized that even despite the threat of lawsuits, the decision to build in the waters of the Baltic Sea was in full responsibility taken in advance on the part of Germany by the authorized Stralsund Municipal Department and the Federal Office for Maritime Navigation and Hydrography [13]. Despite the fact that the German branch of WWF made claims regarding the threat of the gas pipeline to preserve the protected area and the environmental safety of the Baltic region, it should be emphasized that this organization remains a charitable foundation, i.e. an international public organization, and does not express the views of the state leadership.

It was recognized by all parties that the Nord Stream-2 commercial project should not be used for political purposes [15. P. 76]. The answer was also voiced on the Russian side by the General Director for Gas Projects of the National Energy

Security Fund A.I. Grivach. It was announced that Nord Stream-2 poses no threat to the Baltic ecology. This was proved by the previous Nord Stream project, which passed a high level of environmental regulation and audits [16]. Moreover, as a result of the analysis devoted to the harmfulness of its environmental impact, it was found that the largest percentage of greenhouse gas emissions occur during the delivery of natural gas to the EU via the Ukrainian corridor, and the smallest through the Nord Stream [17. P. 8]. This fact underlines the greatest environmental feasibility of the project. “Environmental phobias” were actively used to torpedo the first “Nord Stream” by critics in Central and Eastern Europe, in particular Poland and Lithuania. The trouble-free operation of the gas pipeline since its launch in 2011 has additionally shown the inconsistency of such arguments [18. P. 7]. Similar argumentation also goes along with the work according to the plan of the Nord Stream-2 project.

Preservation of protected areas and the ecological balance of the Baltic region

Due to the fact that, as a particularly weighty argument against the construction, it was stated that, in addition to the Baltic Sea basin, the pipeline runs on the territory of the Kurgalsky reserve in the Kingisepp district of the Leningrad region, a number of informational refutations of the environmental hazard of the project were published on the official website of the project both on the part of Russia, and on the part of Germany, as well as other European states. In addition to the obligations of the parties, the publications on the issuance of a building permit and the results of a study of local biomes with an environmental impact assessment (EIA), a special brochure was published; it was devoted directly to the impact of the Nord Stream-2 project on the reserve. A unique engineering approach of the parties to minimize damage to the soil and groundwater was noted in the brochure. In ecologically sensitive areas, for example, in wooded areas, the width of the corridor for laying the trench and its immediate depth were significantly reduced. Welding of pipes is carried out outside the territory of the reserve: finished chains are placed in a trench by pulling them. The use of heavy construction equipment was significantly reduced and technical means operate using biodegradable fuel. Noise level and interference with the natural biotic balance are limited; work is being carried out taking into account soil types and minimizing the impact on flora and fauna. On the part of Russia, the work has been noted towards achievement of multilevel control over compliance with environmental obligations. A special environmental monitoring program was timed to coincide with the project, involving a number of specialist contractors who compared the scale of actual work with an acceptable level of EIA. As an example, the organizers of the previous Nord Stream project invested an additional 40 million euros in a comprehensive environmental monitoring program. It included approximately 1000 stationary sampling points for measurements on 16 different environmental components during the construction phase and during the first three years of operation. The implementation of the project also included the work in the corridor of laying the gas pipeline on disposal of explosive ordnance that has remained in the Baltic Sea

since the time of the World Wars [19. P. 125]. According to an independent assessment, the total investment will ultimately reach 9.5 billion euros, given the interest of all countries participating in the Nord Stream-2 project [20].

About 40 independent specialized contractors were involved in environmental monitoring. By the end of 2020, the volume of Nord Stream-2 investments in environmental surveys, analysis, monitoring and environmental activities will exceed 100 million euros [21]. About 30 monitoring stations on the offshore section and more than 20 integrated observation points on the coastal area carry out detailed monitoring under the supervision of Rosprirodnadzor, the Committee for State Environmental Supervision, Forest Management of the Leningrad Region, etc. External auditors were involved to oversee the entire pipe installation both from the outside Russia and Germany represented by the All-Russian Research Institute of Ecology, the Dutch international company Royal Haskoning DHV and the Environmental resource management (ERM) being a leading international organization in the field of environmental consultations [22].

In addition to the WWF protest, which activity focuses on a wide range of environmental issues, there are more narrowly focused organizations, such as the United Nations Environment Program and the International maritime organization, created within the UN to promote international scientific ideas on environmental protection and standardization of shipping, respectively. Also, there are more specific ones, such as The Information Office for the Baltic Proper in Stockholm, which are the result of the Swedish environmental bill and regulate the biochemical safety of the Baltic waters; German research institute GEOMAR – Helmholtz Center for Ocean Research Kiel, dealing with climate dynamics, marine ecology and biogeochemistry of water bodies; the Baltic Environmental Information Dissemination System project created in Germany, which promotes the ideas of transport and energy regulation in the Baltic region, as well as includes materials for the formation of a sustainable development concept; Coalition Clean Baltic, a large non-governmental organization in Helsinki created from an association of more than 25 non-profit organizations in the Baltic countries, including Russia, Germany, Finland, Latvia and others, involved in the protection of the Baltic Sea waters, and many others [23. P. 137–143].

As part of the presentation by Dirk von Ameln, Senior Advisor to the Executive Director of the Nord Stream-2 Project, the positive impact of the experience of building the previous energy supply mains was noted. He especially noted that Nord Stream-2 will surpass the first project in terms of safety and environmental protection [24].

It should be noted that the case of main pipeline energy projects is only a relevant example of the economic cooperation of adjacent states; it is interesting in that the situation entailed a tremendous environmental resonance, which required an immediate reaction from all the actors in the transaction.

The specifics of the interaction between Russia and Germany regarding environmental aspects is that, in addition to the nationwide interest, Germany has a point-wise regional interest of a number of domestic entities. In addition to high-tech clusters and partner universities, the interaction extends to tenders, business projects and utilities. So, in 2014, a plant for the production of sodium hypochlorite

was built in the south-east of Moscow replacing liquid chlorine in the process of water treatment in the capital's water supply. The construction tender was won by the German company WTE Wassertechnik GmbH, which introduced its technologies into the daily water treatment process for Muscovites [25]. Collaboration with this contractor has occurred before. As part of a public-private partnership at the regional level, in 2009 the mini-TPP burning biogas produced at the Kuryanovsky treatment facilities was commissioned [26. P. 10].

Conclusion

Thus, the environmental cooperation between Russia and Germany is a series of processes that arise not only at the scientific level of interaction, but also in the course of solving global general political problems. In particular, the formulation of environmental objectives is becoming urgent in economic sectors during industrial and also fuel and energy cooperation, where it is highly likely that severe types of anthropogenic harm to the environment will be caused. Borrowing the best practices of partner countries is not only a path to progress and a good chance to implement bilateral partnerships and strengthen ties between states. Any kind of borrowing includes risks of a certain level of dependence on the state that provided the support. So, for example, this can be expressed in the lack of supply of parts for the operation of imported equipment when it is impossible to produce their affordable analogues in the borrowing country. Environmental cooperation at the beginning of the XX century deliberately progressed only thanks to the efforts of the scientific community. Only in the second half of the last century, when the issues of nature conservation and the environmental crisis began to be more often considered according to a separate agenda at international meetings, the interstate relations being built on the principle of fulfilling the norms of international environmental law became an engine in the development of the environmental paradigm. This kind of interaction leads to bilateral teamwork of partner entities representing different states. To one degree or another, the need to formulate and solve private environmental problems often arises during such interaction in business, scientific, fuel and energy, construction and other types of projects. A similar case was considered by the example of the route through the water and protected areas. Cases of environmental crimes and violations of generally recognized environmental protection standards, as well as general political issues that could influence positive decisions in the implementation of such projects were deliberately not considered in this context. Favourable experience in the field of environmental protection and ecological cooperation between Russia and Germany proves that further cooperation in these areas is a focused and desirable continuation of fruitful mutually beneficial cooperation between the states considered.

REFERENCES

- [1] Durnovtsev VI. "Environmental History" as "Ecologicheskaya Istoriya" (Historiographical Notes). *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2017 (6):10–19.
- [2] Chernykh VV. Forest legislation during the reign of Peter I. *Siberian Journal of Law*. 2012. No 1 (56):29–35.

- [3] Istomina EG. Forestry of the provinces of European Russia in the 19th – early 20th centuries: management and protection mechanisms. *Bulletin of the RSUH: Scientific journal: Academic Journal* . 2014. No 17 (139):171.
- [4] Straubinger J. *Sehnsucht Natur: Geburt einer Landschaft. Salzburg: Umschlaggestaltung, Herstellung und Verlag: Books on Demand GmbH, D-Notderstedt, 2009.*
- [5] Pogrebinskaya VA. To help those studying economic science. The Second Industrial Revolution. *Economic Journal*. 2005(10):1–133.
- [6] Kolominsky YaL., Belanovskaya OV. Environmental consciousness of the individual: “ego” and “eco” orientation. *Medical and social ecology of the individual: state and prospects: Proceedings of the IX International Conference, April 2–3, 2011, Minsk*. Editorial board: VA. Prokashva (editor-in-chief) [et. Al.] Minsk: Publishing Center of BSU, 2011. P. 34
- [7] Bilateral cooperation with Russia in the field of environmental protection. Federal Ministry of Foreign Affairs of Germany. URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/themen/wirtschaft/umweltschutz-bilaterale-zusammenarbeit/1295438> [Accessed date: 01.05.2020]
- [8] Basov FA. Energy and environmental cooperation between Russia and Germany. *World Economy and International Relations*. 2011. (8):108.
- [9] Gamzalov SD. *Russian-German relations: specifics and development prospects*. Power. 2010(6).
- [10] Avdeenko EG. Problems and prospects for the development of Russian-German relations (2000–2018). *Magistra Vitae: electronic journal on historical sciences and archeology*. 2018(2):146–153.
- [11] Roginko SA. Nord Stream-2: Imaginary Environmental Risks. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences*. 2018(4):136–141.
- [12] United Nations Convention on the Law of the Sea, Part IX, Art. 122–123. Website of the United Nations. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf [Accessed date: 10.04.2020].
- [13] WWF und Nabu fordern Stopp von Nord Stream 2. Der Tagesspiegel. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/kritik-an-geplanter-erdgas-pipeline-wwf-und-nabu-fordern-stop-von-nord-stream-2/20835982.html> [Accessed date: 23.04.2020].
- [14] “Nord Stream – 2” does not threaten the ecology of the Baltic, expert says. RIA NEWS. URL: <https://ria.ru/20180112/1512488457.html> [Accessed date: 12.05.2020].
- [15] Belov VB. The Nord Stream-2 Project – Opportunities and Risks of Implementation. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences*. 2018 (3):74–80.
- [16] Expert believes Nord Stream 2 does not threaten the Baltic ecology. RIA NEWS. URL: <https://ria.ru/20180112/1512488457.html> [Accessed date: 05.12.2020]
- [17] Aksyutin OE., Ishkov AG., Romanov KV., Pystina NB., Akopova GS., Kosolapova EV. Ecological efficiency of production and use of natural gas based on the assessment of the full life cycle. *News of gas science*. 2017, 33(5):3–11.
- [18] Starikov SA. “Nord Stream-2”: The dilemma of European energy interests. *Internet Journal of Science of Science*. Volume 9, No 6 (2017) [Digital source]: <https://naukovedenie.ru/PDF/132EVN617.pdf> (free access) [Accessed date: 06.10.2020].
- [19] Smirnov SV. Russia-Germany: Nordstream – an example of goodwill and effective cooperation (a difficult history of a large project) . *Modern Europe*. 2013, 54(2):116–128.
- [20] Berkahn A., Kruse M. Economic impact on Europe of the Nord Stream-2 project: Analysis of effects on job creation and GDP (2017). Arthur D Little, [Digital source]: https://www.adlittle.com/sites/default/files/viewpoints/adl_nord_stream_2_economic_impact-report.pdf [Accessed date: 01.07.2020].

- [21] The results of the annual environmental monitoring confirm the conclusions of the environmental impact assessment report. Nord Stream 2. URL: <https://www.nord-stream2.com/en/dlia-pressy/novosti-i-meropriiatiia/rezultaty-ezhegodnogo-ekologicheskogo-monitoringa-podtverzhdauiut-zakliucheniiia-otchiota-ob-otsenke-vozdeistviia-na-okruzhaiushchuiu-sredu-141> [Accessed date: 06.19.2020].
- [22] Nord Stream 2 in Russia: responsible implementation of the project in the Kurgalsky Reserve, November 2019. Official website of the Nord Stream project 2 (PDF). URL: <https://www.nord-stream2.com/ru/download/document/388/> [Accessed date: 10.05.2020].
- [23] Babintseva E., Mansur D., Trifonova E., Knyazeva V. — Cooperation On the issue of in-ternational cooperation in the field of protection of inland water objects using the example of the Baltic Sea References: 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, www.sgemsocial.org, SGEM2018 Conference Proceedings, 26 August – 1 September, 2018, Vol. 5, Issue 1.2, P. 137–143.
- [24] Von Ameln D. Choosing the route of the Nord Stream-2 project in Russia and the approach to biodiversity conservation. Nord Stream. St. Petersburg May 18, 2017 [Digital source] https://ccb.se/Evidence2017/NS2/Introduction_Route%20selection%20round%20table.pdf [Accessed date: 07.01.2020].
- [25] Moscow Mayor opened a plant for the production of sodium hypochlorite. MVK Mosvodokanal. [Digital source] URL: <http://www.mosvodokanal.ru/press/news/7064> [Accessed date: 07.11.2020].
- [26] Faustova I.L. Analysis of the implementation of regional energy saving infrastructure projects using public-private partnership mechanisms in the regions of Russia. Economic analysis: theory and practice. 2012, 31 (286):7–12.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Дурновцев В.И.* «Environmental history» как «экологическая история» (Историографические заметки) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. No. 6. С. 10–19.
- [2] *Черных В.В.* Лесное законодательство в период правления Петра I // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1 (56). С. 29–35.
- [3] *Истомина Э.Г.* Лесное хозяйство губерний европейской России в XIX – начале XX в.: механизмы управления и охраны // Вестник РГГУ: Научный журнал: Academic JournalN. 2014. № 17 (139). С. 171.
- [4] *Straubinger J.* Sehnsucht Natur: Geburt einer Landschaft. Salzburg: Umschlaggestaltung, Herstellung und Verlag: Books on Demand GmbH, D-Notderstedt, 2009. 308 s.
- [5] *Погребинская В.А.* В помощь изучающему экономическую науку. Вторая промышленная революция // Экономический журнал. 2005. № 10. С. 1–133.
- [6] *Коломинский Я.Л., Белановская О.В.* Экологическое сознание личности: «эго» и «эко» ориентация // Медико-социальная экология личности: состояние и перспективы: Материалы IX Междунар. конф., 2–3 апр. 2011 г., Минск. / редкол.: В.А. Прокашева (отв. ред.) [и др.] – Мн.: Изд. центр БГУ, 2011. с. 34.
- [7] Двустороннее сотрудничество с Россией в области защиты окружающей среды // Федеральное министерство иностранных дел Германии. URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/themen/wirtschaft/umweltschutz-bilaterale-zusammenarbeit/1295438> (дата обращения: 01.05.2020).
- [8] *Басов Ф.А.* Энергетическое и экологическое сотрудничество России и Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 8. С. 108.
- [9] *Гамзалов С.Д.* Российско-германские отношения: специфика и перспективы развития // Власть. 2010. № 6. с. 159.

- [10] *Авдеенко Е.Г.* Проблемы и перспективы развития российско-германских отношений (2000–2018) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2018. № 2. С. 146–153.
- [11] *Рогинко С.А.* «Северный поток – 2»: мнимые экологические риски // *Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН.* 2018. № 4. С. 136–141.
- [12] Конвенция организации объединенных наций по морскому праву, ч. IX, ст. 122–123 // Сайт Организации объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf (дата обращения: 10.04.2020).
- [13] WWF und Nabu fordern Stopp von Nord Stream 2 // *Der Tagesspiegel.* URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/kritik-an-geplanter-erdgas-pipeline-wwf-und-nabu-fordern-stoppe-von-nord-stream-2/20835982.html> (дата обращения: 23.04.2020).
- [14] «Северный поток – 2» не угрожает экологии Балтики, считает эксперт // *РИА НОВОСТИ.* URL: <https://ria.ru/20180112/1512488457.html> (дата обращения: 12.05.2020).
- [15] *Белов В.Б.* Проект «Северный поток-2» – шансы и риски реализации // *Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН.* 2018. № 3. С. 74–80.
- [16] «Северный поток – 2» не угрожает экологии Балтики, считает эксперт // *РИА НОВОСТИ.* URL: <https://ria.ru/20180112/1512488457.html> (дата обращения: 12.05.2020).
- [17] *Аксютин О.Е., Ишков А.Г., Романов К.В., Пыстина Н.Б., Аконова Г.С., Косолапова Е.В.* Экологическая эффективность производства и использования природного газа на основе оценки полного жизненного цикла // *Вести газовой науки.* 2017. № 5(33). С. 3–11.
- [18] *Стариковс А.* «Северный поток-2»: Дилеммность европейских энергетических интересов // *Интернетжурнал «Науковедение» Том 9, № 6 (2017) [Электронный ресурс]:* <https://naukovedenie.ru/PDF/132EVN617.pdf> (доступ свободный) (дата обращения: 10.06.2020).
- [19] *Смирнов С.В.* Россия-Германия: Nordstream – пример доброй воли и эффективного сотрудничества (непростая история большого проекта) // *Современная Европа.* 2013. № 2 (54). С. 116–128.
- [20] *Berkhahn A., Kruse M.* Economic impact on Europe of the Nord Stream 2 project: Analysis of effects on job creation and GDP (2017) // *Arthur D Little, [Электронный ресурс]:* https://www.adlittle.com/sites/default/files/viewpoints/adl_nord_stream_2_economic_impact-report.pdf (дата обращения: 01.07.2020).
- [21] Результаты ежегодного экологического мониторинга подтверждают заключения отчёта об оценке воздействия на окружающую среду // *Nord Stream 2.* URL: <https://www.nord-stream2.com/ru/dlia-pressy/novosti-i-meropriiatiia/rezultaty-ezhegodnogo-ekologicheskogo-monitoringa-podtverzhdauiut-zakliucheniia-otchiota-ob-otsenke-vozdeistviia-na-okruzhaiushchuiu-sredu-141/> (дата обращения: 19.06.2020).
- [22] «Северный поток – 2» в России: ответственная реализация проекта в Кургальском заказнике, ноябрь 2019 // *Официальный сайт проекта Nord Stream 2 (PDF).* URL: <https://www.nord-stream2.com/ru/download/document/388/> (дата обращения: 10.05.2020).
- [23] *Babintseva E., Mansur D., Trifonova E., Knyazeva V.* – Cooperation On the issue of in-ternational cooperation in the field of protection of inland water objects using the example of the Baltic Sea References: 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, www.sgemsocial.org, SGEM2018 Conference Proceedings, ISBN 978-619-7408-62-1 / ISSN 2367-5659, 26 August – 1 September, 2018, Vol. 5, Issue 1.2, P. 137–143.
- [24] *Фон Амельн Д.* Выбор маршрута проекта «Северный поток-2» в России и подход к сохранению биоразнообразия // *Nord Stream.* Санкт-Петербург 18 Мая 2017 [Электронный ресурс] https://ccb.se/Evidence2017/NS2/Introduction_Route%20selection%20round%20table.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

- [25] Мэр Москвы открыл завод по производству гипохлорита натрия // МК Мосводоканал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mosvodokanal.ru/press/news/7064> (дата обращения: 07.11.2020).
- [26] Фаустова И.Л. Анализ реализации инфраструктурных региональных проектов по энергосбережению с использованием механизмов государственно-частного партнерства в регионах России // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 31(286). С. 7–12.

Information about the authors:

Babintseva Ekaterina Alekseevna – Senior Lecturer, Candidate of Historical Sciences, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, e-mail: babintseva-ea@rudn.ru

Ponomarenko Lyudmila Vasilievna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, e-mail: ponomarenko-lv@rudn.ru

Информация об авторах:

Бабинцева Екатерина Алексеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, e-mail: babintseva-ea@rudn.ru

Пономаренко Людмила Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, e-mail: ponomarenko-lv@rudn.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
